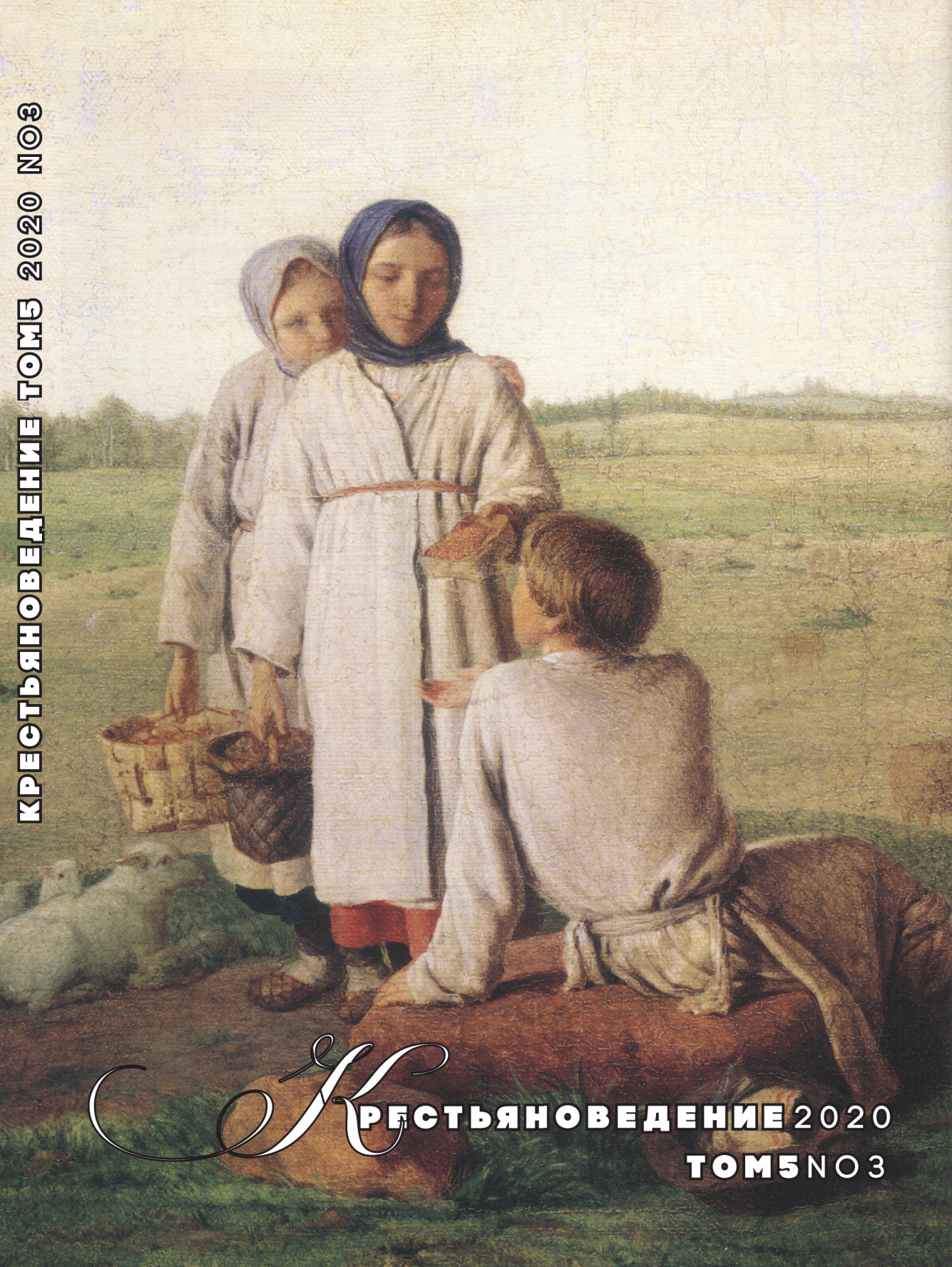

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 5 2020 №3

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020
ТОМ 5 №3

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 № 3

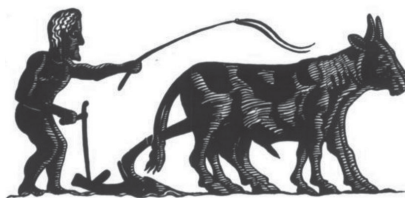
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. В. Бабашкин, РАНХиГС

С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, РАНХиГС

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

Э. Н. Крылатых, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

В. А. Мау, РАНХиГС

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова

Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Кроль;

дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;

картина «Крестьянские дети в поле». Г.А. Венецианов. 1820-е гг.

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Содержание

Теория

Афанасенков В.О. Зерновое производство губерний Сибири (конец XIX–начало XX в.). К разработке относительных показателей урожайной статистики ЦСК МВД 6

История. К 90-летию коллективизации

Кузнецов И.А. Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР 47

Александров К.М. «Берегись! Зашибем!»: К вопросу о социально-политических причинах сталинской коллективизации 70

Обозный К.П. Православная церковь в СССР накануне коллективизации 97

Современность

Kim Chang Jin. Korean modernization and peasant mobilization in the 1960s and 1970s 109

Фадеева О.П., Нефедкин В.И. Неформальное государственно-частное партнерство как инициатива снизу: сельские кейсы 131

Интервью с исследователем

Докторов Б.Э., Никулин А.М. Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия 146

Рецензии

Куракин А.А. Повседневность российского села 173

Бабашкин В.В. «Коммуне не быть покоренной» 178

Научная жизнь

Овчинцева Л.А. Умный помощник сельскому развитию 187

Russian peasant studies

Vol. 5. 2020. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Afanasenkov V.O.* Grain production in the provinces of Siberia (in the late 19th – early 20th centuries). On the relative indicators of yield statistics developed by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 6

HISTORY. TO THE 90TH ANNIVERSARY OF COLLECTIVIZATION

- Kuznetsov I.A.* Prerequisites for the collectivization of agriculture in the USSR 47
- Aleksandrov K.M.* “Look out or you’ll be harmed!”. On the social-political reasons for Stalin’s collectivization. 70
- Obozny K.P.* Orthodox Church in the USSR on the eve of collectivization 97

THE PRESENT TIME

- Kim Chang Jin.* Korean modernization and peasant mobilization in the 1960s and 1970s 109
- Fadeeva O.P., Nefedkin V.I.* Informal public-private partnership as an initiative from below: Rural cases. 131

INTERVIEWS

- Doktorov B.Z., Nikulin A.M.* Teodor Shanin: Peasant Studies and Russia 146

REVIEWS

- Kurakin A.A.* Daily routine of the Russian village 173
- Babashkin V.V.* “The commune cannot be conquered” 178

SCIENTIFIC LIFE

- Ovchintseva L.A.* Smart assistant for rural development 187

Зерновое производство губерний Сибири (конец XIX — начало XX в.). К разработке относительных показателей урожайной статистики ЦСК МВД¹

В.О. Афанасенков

Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Статья посвящена разработке относительных показателей урожайной статистики Центрального статистического комитета на материалах 4 сибирских губерний — Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской — за 1896–1913 годы. Анализируется вопрос о существовавших в дореволюционной статистической литературе и практике продовольственных нормах, унифицирующих коэффициентах для зерновых, обосновывается необходимость их привлечения, выстраиваются и подвергаются рассмотрению ряды душевого сбора для каждой из сибирских губерний. На основании сопоставлений с текущей статистикой, основанной на показателях добровольных корреспондентов, ставится вопрос о достоверности сведений ЦСК. Далее рассматривается вопрос о численности домашних животных в сибирских губерниях, анализируются возможные методики и приемы суммирования поголовья разных видов скота на основе единого эквивалента и существовавшие в литературе кормовые нормы и наборы. Дается характеристика производства основных кормов, непосредственно регистрируемых урожайной статистикой ЦСК (картофель, сено, солома, фуражное зерно), а также тех кормов, показатели производства которых могут быть рассчитаны на основе статистики ЦСК и экспертных оценок (жмыхи, мякина). Погодные данные о поголовье и производстве кормов группируются в многолетние периоды (6-летние), на основе которых выводятся средние значения, необходимые для сопоставлений. Предлагается несколько вероятных интерпретаций результатов, непосредственно связанных с вопросом о достоверности урожайной статистики ЦСК и возможности ее использования в дальнейших исторических исследованиях.

Ключевые слова: аграрная история, душевые сборы, Сибирь, статистика животноводства, урожайная статистика

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-6-46

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Вызовы и условия экономического развития регионов Европейской России, Сибири и Дальнего Востока в XIX — XX вв.: природная среда, технологии и ресурсы», предусмотренного государственным заданием РАНХиГС при Президенте РФ на 2020 год.

Хотя уровень потребления, обеспеченность населения Российской империи продуктами сельского хозяйства в целом и зернового производства в частности является едва ли не узловым пунктом известной дискуссии между историками «оптимистами» и «негативистами», соответствующая проблематика в рамках имперских окраин и губерний Сибири в частности (Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская) в поле зрения представителей конкурирующих направлений не входила. Сибирские исследователи касались ее в контексте уровня товаризации крестьянского хозяйства на рубеже веков (Борзунов, 1962: 176; Горюшкин, 1967: 142–143; Пронин, 1977: 70–71; Тюкавкин, 1966: 336–340). Представляется, что разработка относительных показателей (включая обеспечение нужд животноводства) может дать ценные корректировочные указания при изучении урожайной статистики Центрального статистического комитета (ЦСК) с точки зрения ее достоверности.

Обеспечение продовольственных нужд населения

Существует достаточно оценок современников, свидетельствующих в пользу того, что питание сельского населения Сибири находилось на высоком уровне. Например, в начале 1840-х гг. офицер И. Белов в своих путевых записках описывал уровень потребления крестьян в Тобольской губернии следующим образом: «На хлеб и на вообще все жизненные потребности, существует здесь цена самая умеренная, и крестьяне, по-видимому, находятся в большом изобилии; ... они употребляют в пищу хлеб, хотя ржаной; но столь тонко просеянный, что он, как пшеничный, бел и всегда почти свежий...» (Белов, 1852: 9). «Каковы хлебные запасы этого края, никто и никогда не считал, да и сосчитать их нет возможности. Томская губ. в буквальном смысле страдает от избытка хлеба», — уже на рубеже XIX–XX вв. замечал агроном В.Е. Пудовиков (Пудовиков, 1897: 19).

При желании примеры можно продолжать, но они не привнесут существенных поправок в общий смысл процитированного. Возможно, некоторая доля истины в этом и была, но как можно оценить уровень потребления населения сибирских губерний в период, предшествовавший Первой мировой войне, количественно? В действительности такого рода приемов насчитывается не более двух-трех: на основе результатов исследований крестьянских бюджетов, на основе урожайной статистики (например, статистики ЦСК) и транспортной статистики.

В сибирских губерниях в интересующий нас период исследования крестьянских бюджетов производились лишь дважды. Во-первых, в 1903–1904 гг. исследование переселенческих бюджетов в Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской губерниях и Акиминской области провел В.И. Юферев, в совокупности проанализировав 51 бюджет переселенческих хозяйств, 39 из которых

приходились на сибирские губернии (остальные — на Омский и Петропавловский уезды Акмолинской области) (Юферев, 1908: 158–184). Наконец, в 1911–1912 гг. при исследовании положения переселенческих хозяйств были рассмотрены и крестьянские бюджеты. В.К. Кузнецов подробно описал 90 бюджетов типических хозяйств переселенцев, В.Я. Нагнибеда — 21 старожильческий бюджет. При этом опубликованные в сводных таблицах старожильческие бюджеты относились исключительно к Томской губернии. Вновь к практике обследований крестьянских бюджетов сибирские статистические органы вернулись лишь в 1924 г. (Бюджеты..., 1925: II). До 1893 г., насколько нам известно, в рамках правительственного обследования землепользования и хозяйственного быта сельского населения Енисейской и Иркутской губерний (1887–1889 гг.) анкетным путем были получены 12 бюджетов из Иркутской губернии и 20 бюджетов из Енисейской губернии (Чаянов, 1929: 31). На основании приведенных объемов выборок, если опустить фактор немногочисленности и неравномерности территориального охвата этих обследований, можно заключить, что бюджетные данные не могут быть положены в основу оценки уровня потребления. Это становится особенно очевидным, если обратиться к работам, посвященным критике бюджетных данных о потреблении по Европейской России, в значительной мере более репрезентативных и многочисленных (Нефедов, 2017: 90). Следовательно, единственно возможным способом оценки уровня хлебного потребления в губерниях Сибири остается привлечение урожайной статистики ЦСК.

Такой подход так же не избавлен от недостатков. Например, в отдельных частях Сибири не менее важную роль, нежели зерновое хозяйство, играло огородничество. По данным сельскохозяйственной переписи 1920 г. в Томском северном районе, объединявшем в своем составе три ближайшие к губернскому центру волости (Александровскую, Петропавловскую, Семилуженскую), входившие в Томский уезд вплоть до изменения административно-территориального деления, в среднем на 1 хозяйство приходилось лишь 1,2 га посевов зерновых (1,1 десятины). При этом достаточно развитым было культивирование огородных культур и картофеля на приусадебных участках — в среднем 0,2 га (0,18 десятины) на хозяйство². Как можно судить по историографии и имеющимся в нашем распоряжении источникам (например, по первичным материалам губернской переписи 1901 г.), развитость огородничества, зафиксированная переписью, не являлась выражением коренных изменений в организации полеводства сибирского крестьянства, произошедших за период Первой мировой войны, революционных потрясений и Гражданской войны, она прослеживалась в районе и в дореволю-

2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 165 об.

ционный период и определялась ситуацией на местных рынках сбыта (Бардина, 2009: 245).

Из зерновых культур местные крестьяне, как правило, в небольших объемах сеяли рожь для личного потребления и фуражный овес. Хотя многочисленные источники зачастую предоставляют сведения противоречивого характера, данная закономерность прослеживается на значительной части пригородных районов Иркутской, Тобольской и Томской губерний (Томилов, 2001: 33). В Енисейской губернии зависимость между удаленностью населенного пункта от городского центра и развитостью огородничества также подкрепляется источниками (Труды, 1903: 27, 223). Исключение составлял лишь Туруханский край (Денисов, 1912: 11). Занятие огородничеством было обыкновением явлением и для городских жителей.

Однако количественно оценить результаты производства в этой сфере растениеводства, как и в сфере присваивающих промыслов — пчеловодстве (бортничестве), охоте, рыболовстве и других, — не представляется возможным. Учитывая обилие лесных и водных пространств в сибирских губерниях, следовало бы об этом помнить. Например, в отчетной ведомости исправника Томского уезда на имя губернатора о главных занятиях населения вверенного ему уезда за 1906 г. содержатся сведения о том, что доходы от занятий рыбным, звериным, ореховым промыслами и пчеловодством достигали 274 тыс. руб. — 20,3% от совокупного дохода по уезду, выразившегося суммой в 1347 тыс. руб.³. За рамками исследования остается и вопрос о потреблении мясомолочных продуктов. Тем не менее это не означает отказа от возможности всякого суждения об уровне потребления, именно в силу того, что основу рациона крестьянского населения все же составляли продукты зернового производства — «главной основной крестьянского питания является хлеб» (Чаянов, 1912: 5).

Статистика ЦСК использовалась, как известно, для установления необходимости оказания правительственной продовольственной помощи. Вместе с тем комитетские цифры страдали существенными недостатками, что относится прежде всего к показателю «чистый остаток на душу населения» (душевой чистый сбор), который и служил для властей тем самым индикатором этой необходимости. Поскольку на численность сельского населения делился погубернский чистый сбор, т. е. совокупный урожай с крестьянских и владельческих земель за расходом семян на посев, исчисленные таким путем душевые итоги создавали ложную картину продовольственной обеспеченности крестьянского населения.

Впервые на существование данной методической ошибки в 1900 г. указал экономист-аграрник М.В. Неручев. В статье «Урожайные данные и их исчисление в продовольственных интересах» справед-

В.О. Афанасенков
Зерновое производство губерний Сибири (конец XIX — начало XX в.)...

3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 963. Л. 5.

ливо был поставлен вопрос о необходимости обособленного расчета чистых душевых сборов продовольственных культур для крестьян и частных владельцев («в душевую долю урожая мы никоим образом не можем вводить чужой, сельскому населению не принадлежащий, хлеб») (Неручев, 1900: 28). Заключив, что вычисляемые по комитетской методике душевые итоги являются завышенными, Неручев самостоятельно произвел пересчет. Повторно были вычислены чистые остатки главных продовольственных хлебов (по питательной ценности ржи) — ржи (совокупный показатель по озимой и яровой), озимой и яровой пшеницы — на душу крестьянского населения для 16 губерний Европейской России за десятилетие 1888–1897 гг. Сопоставление итогов с продовольственной нормой ЦСК, установленной на уровне 13 пудов на душу⁴, привело Неручева к вполне однозначному выводу о том, что производство хлебов не могло удовлетворить минимальные потребности крестьянского населения в продовольствии (Неручев, 1900: 28–29). Неручев констатировал, что в случаях минимальной преувеличенности, т. е. в губерниях с преобладающей и подавляющей долей крестьянских хозяйств в валовом производстве, действительный душевой сбор составлял 87,2% от результата, полученного специалистами ЦСК, в случаях же максимальной преувеличенности — 39,7%. П.М. Лохтин отмечал, что эта норма применялась «для прокормления голодающих» в наиболее неурожайном 1891 г. (Лохтин, 1901: 243).

В Сибири статистические органы руководствовались самыми разнообразными нормами. Приведем лишь некоторые примеры. Так, в начале 1900-х гг. Статистическое отделение Главного управления Алтайского округа пользовалось 16-пудовой нормой, выведенной на материалах воронежских крестьянских бюджетов Ф.А. Щербиной. В эту цифру не входили крупяные (вторичные хлеба), масличные культуры и картофель (Ковригин, 1903: 127). Результат рассчитывался путем элементарного сложения чистых сборов главных продовольственных хлебов. Н.С. Зефирин, В.Я. Нагнибеда, Н.В. Шер принимали норму потребления (без фуража) в размере 20, 15 и 8 пудов на душу сельского, городского и автохтонного населения Сибири соответственно. На эти нормы, в частности, ссылался при расчете товарного излишка Л.М. Горюшкин (Горюшкин, 1967: 145–147). Чиновник Генерального штаба Н.Д. Путинцев исходил из чрезвычайно нереалистичных годовых норм на душу населения — 1,3 четверти на пропитание и 0,11 четверти на винокурение, пивоварение и фураж. Сборы и затраты на посев всех культур — за исключением овса, который выводился за рамки душевых вычислений, — были приведены к единому пшеничному эквиваленту путем умножения на следующие коэффициенты: для

4. В издании ЦСК МВД нижняя граница нормы определялась 12 пудами на душу населения в год по питательному достоинству ржи. См., напр.: Урожай 1902 года. II. Яровые хлеба и картофель. СПб., 1903. С. XIV.

ржи — 0,756; для ячменя — 0,548; для гречихи — 0,474; для картофея — 0,146 (пшеничные коэффициенты Ю.Э. Янсона) (Путинцев, 1892: 47). Наконец, В.И. Пронин, в чем его упрекал и С. Уиткрофт, четкой позиции по этому вопросу не сформулировал (Wheatcroft, 1980: 266), ссылаясь как на Горюшкина и Тюкавкина, так и на объемные (выраженные в четвертях) нормы Нифонтова (Пронин, 1977: 70–71). Методика вычисления последних остается нам неизвестной. Именно поэтому за основу примем 13-пудовую норму ЦСК.

Но оправдано ли ограничение крестьянской продовольственной корзины четырьмя хлебами? Данные 13 бюджетных исследований, проводившихся в различных частях Европейской России в 1886–1917 гг., агрегированные и проанализированные С.А. Клепиковым, свидетельствуют в пользу того, что совокупная доля ржи и пшеницы в крестьянском потреблении достигала 81% (62% — рожь; 19% — пшеница). Следовательно, на долю так называемых «вторичных» продовольственных хлебов приходилось лишь 19% и приблизительно по 2% на каждую культуру (Островский, 2013: 247).

Появление статьи Неручева в печати, судя по всему, не вызвало резонанса в профессиональной среде, и на то были свои веские причины. В рассуждениях ученого обнаруживается противоречие, превосходящее масштаб недостатков, сокрытых в методике подсчетов ЦСК. Не будем касаться вопроса об идейных истоках работы Неручева, очевидно, детерминированной народническими представлениями о природе крестьянского хозяйства (собственно говоря, в ее основе лежит трудовая теория собственности). Важно другое — если строго придерживаться направления мысли Неручева, в конечном счете можно получить не чистый сбор на душу крестьянского населения в уездах, чего он и добивался, но душевую обеспеченность сельского населения рожью и пшеницей, собранными с крестьянских земель. Иначе говоря, осознанно или нет, но экономист проигнорировал отсутствие связи между численностью сельского населения и продуктами зернового производства, причисленными к крестьянским надельным землям. Безусловно, это повлекло за собой занижение показателей чистого сбора на душу крестьянского населения. Таким образом, единственный шанс приблизиться к разрешению поставленной Неручевым задачи состоит в использовании данных о численности крестьянского населения в уездах по переписи 1897 г., что делает возможным отсечение иных сословных групп (дворян, мещан и др.), населявших уезды.

Для перевода пшеничных сборов в ржаной эквивалент (по питательной ценности муки) воспользуемся коэффициентом Кенига⁵, равным 1,031 (см. табл. 1). По этой методике рассчитывали чистый продовольственный сбор специалисты ЦСК начиная с 1893 г. и вплоть до 1905 г., когда продовольственная норма была повышена

5. По имени Йозефа Кенига (Joseph König), автора работы «Chemische Zusammensetzung der menschlichen Nahrungs- und Genussmittel».

до 15 пудов, получаемых элементарной суммой душевых сборов всех продовольственных культур без пересчета в рожь. Тожественный метод унификации культур предполагал и Неручев. Широкой известности в отечественной статистической литературе методика не завоевала, но использовалась на местах. В Сибири ее применяли, например, Иркутский губернский⁶ и Забайкальский областной статистические комитеты⁷.

Таблица 1. Коэффициенты Кенига для перевода продовольственных культур в ржаной эквивалент⁸

Культура	Коэффициент
Рожь (озимая и яровая)	1,000
Пшеница (озимая и яровая)	1,031
Ячмень (озимый и яровой)	0,972
Полба	0,993
Гречиха	0,885
Просо	0,938
Кукуруза	1,005
Горох	1,315
Картофель	0,235

По сходной методике душевой чистый сбор для крестьянского населения 50 губерний Европейской России в 1896 г., опираясь на коэффициенты Кенига-Дитриха (ржаной эквивалент по питательной ценности цельного зерна), рассчитывал П.М. Лохтин. По своим значениям они закономерно превосходят вышеприведенные коэффициенты. Далее Лохтин вводил 10-процентную поправку на присутствие сора и отрубей, что существенно понижало его результаты (Лохтин, 1901: 242–243). В некотором смысле эти коэффициенты более целесообразны, поскольку о повсеместном помеле имеет смысл говорить только применительно ко ржи и пшенице. Если же учесть при этом чрезвычайно высокую засоренность сибирского зерна (Писарев, 1915: 21–23), то разноречия между ними нивелируются. Несколько огрубляя, можно принять предпосылку о том, что мучные коэффициенты засоренность сибирского зерна учитывают. Поэтому все расчеты далее будут основаны именно на коэффициентах из таблицы 1.

Итак, получим, что чистые сборы на душу крестьянского населения в губерниях Сибири по итогам 1897 хозяйственного года со-

6. Обзор Иркутской губернии за 1900 год. Иркутск, 1901. С. 4.

7. Обзор Забайкальской области за 1911 год. Чита, 1915. С. 21.

8. Урожай 1893 года. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1894. С. 3.

ставляли: в Енисейской — 25,4 пуда, Иркутской — 25,4 пуда, Тобольской — 19,4 пуда, в Томской — 32,7 пуда. Свободный остаток, т. е. «количество, могущее быть израсходованным для промышленных и торговых целей»⁹, исчислялся 12,4, 12,4, 6,4 и 19,7 пудами соответственно. Повторимся, что полученные таким путем цифры превосходят итоги, вычисленные по методике Неручева.

Согласно итоговым цифрам, в Енисейской губернии чистый сбор был выше на 19,7% (20,4 пуда на душу сельского населения), в Иркутской — на 36,2% (16,2 пуда), в Тобольской — на 7,7% (19,4 пуда) и в Томской — на 11,3% (29 пудов), что соответствует процентной разнице между численностью сельского населения и численностью крестьянского населения избранных губерний по переписи населения 1897 г. (см. табл. 2). Из проведенных расчетов следует, что в 1897 г. сборы лишь двух главных продовольственных хлебов исключительно на крестьянских землях обеспечивали потребление не только выше установленной комитетской нормы, но и выше 18-пудовой нормы (Л.Н. Маресс, П.М. Лохтин) на 7,4, 7,4, 1,4 и 14,7 пуда.

Таблица 2. Чистый сбор ржи и пшеницы (с крестьянских наделных земель) на душу сельского и крестьянского населения в уездах губерний Сибири, 1897 г.¹⁰

Губерния	Сельское население (тыс. чел.)	Крестьян в уездах (тыс. чел.)	Разница (%)	Чистый сбор на душу сельского населения (пудов)	Чистый сбор на душу крестьянского населения (пудов)	К продовольственной норме ЦСК МБД (+/- пудов)
Енисейская	507,3	407,5	19,7	20,4	25,4	+12,4
Иркутская	451,5	287,5	36,2	16,2	25,4	+12,4
Тобольская	1345,7	1243,2	7,7	17,9	19,4	+6,4
Томская	1799,7	1595,2	11,3	29,0	32,7	+19,7

9. Урожай 1905 года. II. Яровые хлеба и картофель. СПб., 1906. С. XXIX.
 10. Подсчитано и составлено автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 6. Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий СПб., 1905. С. 52–56; Урожай 1897 года. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1897; Урожай 1897 года. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1897.

Впоследствии замысел Неручева приобрел еще более противоречивое воплощение. В статье «Использование данных об урожае» (1910) им привлекались данные о численности населения губерний в целом, принимаемые за численность исключительно сельского населения. По этому поводу он замечал: «в данном случае не сделано обычной оговорки — “сельское” население или “за исключением городов”, но мы по самой сущности дела принимаем его за производящее хлеб сельское» (Неручев, 1910: 5). Однако в ЦСК перешли к использованию для исчисления относительных показателей данных о численности населения губерний в целом еще в 1900 г. Другим вполне очевидным минусом переработанной методики представляется ограничение крестьянского продовольственного сбора двумя озимыми культурами — рожью и пшеницей (Неручев, 1910: 5). Здесь скрывается наиболее существенное заблуждение автора. Дело в том, что на большей части Европейской России озимая пшеница не получила распространения в крестьянских хозяйствах, но культивировалась лишь в хозяйствах частновладельческих. Что касается сибирских губерний, то озимая пшеница здесь практически не выращивалась, а удельный вес озимых посевов в общей совокупности был незначительным.

Имеет смысл определить уровень продовольственной обеспеченности сельского населения сибирских губерний всеми продовольственными культурами. Именно по такой программе до 1900 г. рассчитывали совокупный душевой сбор специалисты ЦСК. Несмотря на то что в крестьянском рационе преобладали рожь и пшеница, сведение чистого продовольственного сбора к двум составным элементам, как представляется, игнорирует региональные особенности и искажает реальную картину.

Попытки определения чистого душевого сбора по данным ЦСК, разумеется, предпринимались и прежде. Одна из них была сделана В.Ф. Борзуновым, показавшим динамику чистого сбора хлебных продуктов на душу сельского населения по четырем губерниям Сибири за двенадцатилетний период 1896–1907 гг. в сопоставлении с совокупным показателем по 72 губерниям и областям Европейской России (табл. 3).

Абсолютный минимум чистого душевого сбора в трех из четырех губерний, как видно из приведенных цифр, пришелся на 1901 г.: от среднего показателя за 1896–1907 гг. величина чистого сбора отклонилась на 68,7% в Енисейской губернии, на 18,5% в Иркутской губернии, на 64,6% в Тобольской и на 74,8% в Томской губернии. В Томской губернии последствия были наиболее тяжелыми. И действительно, в связи с засухой 1901 г. в Томской губернии была впервые проведена общегубернская сельскохозяйственная перепись.

Таблица 3. Динамика чистого сбора хлебных продуктов на душу сельского населения губерний Сибири (пудов), 1896–1907 (Борзунов, 1962: 167–168)

Год	Енисейская	Иркутская	Тобольская	Томская	Губернии Сибири	72 губернии и области Европейской России
1896	27,1	26,1	34,8	38,8	31,7	26,7
1897	27,8	22,8	33,8	42,5	31,7	21,7
1898	16,5	11,5	30,9	33,1	23,0	25,7
1899	41,2	33,2	45,4	37,8	39,4	29,2
1900	15,6	14,4	12,2	12,6	13,7	23,2
1901	7,2	16,3	8,6	6,5	9,7	19,2
1902	22,2	11,2	21,6	20,4	18,9	27,4
1903	28,5	18,0	38,3	32,9	29,4	25,5
1904	21,3	21,5	19,3	12,3	18,6	22,4
1905	22,2	16,9	20,5	20,1	19,9	18,5
1906	20,8	18,9	13,7	25,5	19,7	15,7
1907	24,7	18,3	12,5	26,5	20,5	17,6

От комментирования данных Борзунова перейдем к их критическому разбору. Обращают на себя внимание данные за 1900–1903 гг. Возможности корректного получения данных о численности населения для этого 4-летия априори ограничены, поскольку комитетские данные о численности сельского населения в губерниях империи вновь появились только в «Ежегоднике России 1904 г.». Душевые итоги, таким образом, вызывают определенные сомнения. Источником для Борзунова послужило сводное издание «Данные о железнодорожных перевозках хлебных грузов, сборе хлебов в России, вывозе их за границу, ценах на разные хлеба и фрахтах на хлебные грузы». Практически никакой информации о нем обнаружить не удалось, и остается только предположить, что оно входило в состав какого-либо сборника с раздельной пагинацией. Кроме того, судя по каталогам Российской национальной библиотеки, к его изданию было причастно Императорское Вольное экономическое общество, но отпечатан он был в Типографии редакции периодических изданий Министерства финансов.

Автор допустил и ошибки сугубо технического характера, повлиявшие на содержательную часть. Во-первых, приведенные в качестве основы для сравнения с погубернскими душевыми сбора-

ми средние показатели по 72 губерниям и областям Европейской России на деле включают в себя как данные по 4 областям Средней Азии (Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская), так и погубернские показатели по 4 губерниям Сибири. Следовательно, использование средних чистых сборов в сравнительных целях обесмысливается.

Вторая ошибка Борзунова состояла в неправильной интерпретации данных о численности населения. Обращение к первоисточнику позволило снять вопрос о происхождении данных о численности сельского населения за период 1900–1904 гг., поставленный выше: до 1897 г. включительно приводились данные на душу сельского населения обоих полов, а с 1898 г. — на душу населения обоих полов в целом по губернии (Данные..., 1909: 30, 32–33). Отчасти этим объясняется обвал подушевого сбора в восточносибирских губерниях в 1898 г.

Отдельно нужно остановиться на одном из выводов В.Ф. Борзунова, не имеющим практически ничего общего с содержащимся в таблице цифровым материалом. Он, в частности, писал, что «приведенные данные наглядно подтверждают сказанное выше о прерываемом урожайными годами кризисе экстенсивного хозяйства в Тобольской губернии» (Борзунов, 1962: 168). Даже принимая во внимание, что 4 из 7 случаев, когда чистый сбор опускался ниже среднего за период показателя (24,3 пуда на душу), относятся к 1904–1907 гг., категоричность вывода о глубоком кризисе экстенсивного земледелия, на наш взгляд, безосновательна, хотя тенденция к постепенному сокращению душевых сборов на этих данных прослеживается. Кроме того, чистый душевой сбор лишь дважды опускался ниже установленной ЦСК продовольственной нормы в 13 пудов на душу — в 1901 и 1907 гг. Впрочем, справедливым последнее утверждение было бы только в том случае, если составители сборника руководствовались системой приведения чистых сборов каждой культуры к единому эквиваленту, а не простым их суммированием.

Используя данные ЦСК, рассчитаем чистый душевой сбор для сельского населения за два временных промежутка — с 1896 по 1899 г. и с 1904 по 1913 г. Как и в случае уточнения применимости методики М.В. Неручева, воспользуемся методикой унификации продовольственных культур по питательной ценности муки. Соответствующих коэффициентов для бобов и чечевицы нам обнаружить не удалось. Собственно говоря, при исчислении чистого сбора на душу населения специалисты ЦСК вовсе не учитывали данные культуры.

Согласно нашим подсчетам, картина продовольственной обеспеченности сельского населения продуктами зернового производства в 1896–1899 и 1904–1913 гг. должна быть следующей (табл. 4).

Таблица 4. Динамика чистого сбора продовольственных культур (в пересчете на рожь) на душу сельского населения губерний Сибири, 1896–1899, 1904–1913 гг. (пудов)¹¹

Год	Енисей- ская	Иркутская	Тоболь- ская	Томская	Средний
1896	18,0	20,9	22,0	27,3	22,1
1897	22,8	16,9	22,5	32,6	23,7
1898	13,7	11,8	14,6	31,1	17,8
1899	30,8	27,2	28,5	26,6	28,3
1904	24,2	25,3	21,5	13,8	21,2
1905	24,8	19,6	22,6	22,4	22,4
1906	23,5	21,8	15,0	28,2	22,1
1907	28,1	21,4	13,7	29,7	23,2
1908	23,3	15,4	22,4	28,0	22,3
1909	9,6	15,9	14,0	18,9	14,6
1910	11,8	16,3	15,9	23,4	16,9
1911	12,8	17,0	-0,9	22,7	12,9
1912	19,3	13,9	20,0	20,9	18,5
1913	19,8	16,4	20,0	26,9	20,8

В.О. Афанасенков
Зерновое произ-
водство губер-
ний Сибири (ко-
нец XIX — начало
XX в.)...

Средние за период показатели равны 20,2, 18,6, 18, 25,2 и 25 пудов на душу сельского населения соответственно. Как видим, ниже установленной продовольственной нормы показатель опускался: в Енисейской губернии — в 1909–1911 гг.; в Иркутской губернии — в 1898 г.; в Тобольской губернии — 1911 г.; в среднем по губерниям Сибири — в 1911 г. (ввиду падения значений в Тобольской губернии). В Томской губернии показатель не опускался ниже 13,8 пуда на душу (1904), нередко достигая двойной и более 13-пудовой продовольственной нормы (1896–1899, 1906–1908, 1913).

Впоследствии (в советский период) наряду с овсом к категории фуражных сибирские статистические органы будут причислять и важнейший суррогат овса — ячмень (*Экономический...*, 1921: 46).

11. Подсчитано и составлено автором по: Ежегодник России [1904–1910] г. (Год [первый–седьмой]). СПб., 1905–1911; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 6. СПб., 1905. С. 52–56; Статистический ежегодник России [1911–1913] г. (год [восьмой–десятый]). СПб., 1912–1914; Урожай [1896–1909] годов. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1896–1909; Урожай [1910–1913] годов в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1910–1913; Урожай [1896–1909] годов. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1897–1910; Урожай [1910–1913] годов в Европейской и Азиатской России. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. СПб., 1911–1914.

Судя по проведенным подсчетам, за вычетом ячменя чистый душевой сбор представляется следующим (табл. 5).

Таблица 5. Динамика чистого сбора продовольственных культур (в пересчете в рожь, без овса и ячменя) на душу сельского населения губерний Сибири, 1896–1899, 1904–1913 гг. (пудов)¹²

Год	Енисей- ская	Иркутская	Тоболь- ская	Томская	Средний
1896	16,8	20,7	20,1	25,5	20,8
1897	21,6	15,8	20,8	30,9	22,3
1898	13,2	10,8	13,5	29,6	16,8
1899	29,6	25,2	26,7	25,3	26,7
1904	23,3	23,5	20,5	13,1	20,1
1905	23,7	18,3	21,3	21,5	21,2
1906	22,6	20,3	14,2	26,9	21,0
1907	26,9	19,6	13,2	28,4	22,0
1908	22,1	14,4	21,2	26,6	21,1
1909	9,4	14,9	13,1	18,0	13,9
1910	11,4	14,8	15,1	22,5	16,0
1911	12,3	15,8	-1,0	21,7	12,2
1912	18,7	12,9	19,0	19,8	17,6
1913	18,7	14,9	18,9	25,3	19,5

Как видим, зерновое производство перестало соответствовать растущим потребностям сельского населения Енисейской и Иркутской губерний (в особенности Иркутской). В том случае, если бы мы расчетным путем установили продовольственную обеспеченность для населения губерний в целом, цифры опускались ниже установленной ЦСК нормы значительно чаще. Таким образом, зерновое хозяйство восточносибирских губерний, с трудом удовлетворяющее потребности непосредственных производителей, оказывалось неспособным обеспечить растущие потребности городского населения. Для двух других губерний, несмотря на резкие периодические колебания, данные не позволяют сделать такой вывод на столь коротком хронологическом отрезке.

12. Подсчитано и составлено автором по: источники таблицы 4.

Говоря о величине душевых сборов, необходимо учитывать возможные претензии к достоверности статистики ЦСК, во всяком случае одного из ее элементов — подесятичной урожайности.

Как оценить степень ее достоверности? Наконец, учитывая тот факт, что в Сибири не было земской статистики, а Департамент земледелия располагал слишком незначительным числом корреспондентов, возможна ли в принципе качественная оценка данных по сибирским губерниям?

Начать нужно с критериев, по которым может устанавливаться непригодность. В связи с этим обратимся к работе Д.Н. Иванцова. При сопоставлении значений подесятичной урожайности ЦСК, Департамента земледелия и земств он, в частности, писал: «В качестве нормы допустимого расхождения... примем — за наименьшим более эластичного критерия — неподвижную величину: 10–15%» (Иванцов, 1915: 108).

Обратимся к материалам так называемой «текущей» статистики. В литературе достаточно широко представлена точка зрения о том, что текущая сельскохозяйственная статистика в Сибири первоначально была организована в Томской (1897 г.) и Енисейской (1899 г.) губерниях. Впервые она была высказана В.И. Прониным (Пронин, 1989: 12). Этот тезис имеет под собой основания, хотя и не вполне точен. Говоря о текущей статистике, Пронин подразумевал прежде всего систему, основанную на показаниях добровольных корреспондентов. С некоторыми уточнениями тезис находит себе подтверждение в отношении Енисейской губернии, где система сбора текущих сельскохозяйственных сведений была организована по инициативе членов Красноярского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства (Головачев, 1900: 1). В Томской губернии первую сводку показаний добровольных корреспондентов за 1895 г. подготовил правительственный агроном В.Г. Бажаев (Бажаев, 1896).

Интересующие нас сравнения для 1913 г. на данных по 7 губерниям и областям Азиатской России, в том числе и по 4 губерниям Сибири, уже провел П.П. Румянцев, признавший цифры ЦСК заниженными (Румянцев, 1914: 36). С выводами, однако, нельзя согласиться, поскольку специалист не учел различия в методиках ведения среднего погубернского значения урожайности.

Перечислим тот многочисленный цифровой материал, который имеется в нашем распоряжении.

По Тобольской губернии есть данные об урожайности пяти культур (озимая рожь, яровая рожь, яровая пшеница, овес, ячмень), собранные супругами Скалозубовыми через сеть добровольных корреспондентов (70 корреспондентов в 8 округах), на 1894 и 1895 гг. (Скалозубова, Скалозубов, 1895: 4; Скалозубова, Скалозубов, 1896: 3–4). Если данные за 1894 г. привлекаются при сопостав-

В.О. Афанасенков
Зерновое производство губерний Сибири (конец XIX — начало XX в.)...

лении в полном объеме, то применительно к 1895 г. мы вынуждены ограничиться лишь одной культурой — озимой рожью.

В 1900–1903 гг. сбор текущих сведений через добровольных корреспондентов осуществлялся Тобольским губернским статистическим комитетом. Опубликованные комитетом материалы непригодны для сопоставления, поскольку подразделение урожайности основано не на административно-территориальном принципе, а на привязке к природным районам (лесной, лесостепной и степной) и к типам почв в зависимости от обработки (удобренные, неудобренные пары, жнивы)¹³. Из 9 ученных уездов 4 принадлежали одновременно к двум природным районам (Ишимский, Курганский, Тарский, Тюкалинский)¹⁴. Подчеркнем, что данные могли быть пригодны для использования в том случае, если бы ЦСК сходным образом группировал материалы по природным районам.

По Томской губернии имеются данные за 1899 г. (148 корреспондентов), собранные правительственным агрономом И.К. Окуlichem, но только для озимой ржи (Окулич, 1900: 1–2). Для 1901 г. нами выявлены данные по 6 хлебам — озимой и яровой ржи, озимой и яровой пшенице, овсу и ячменю.

В 1903–1905 гг. показания добровольных корреспондентов о подесятинной урожайности в сибирских губерниях, областях Степного генерал-губернаторства и Тургайской области (с 1904 г.) собирались Переселенческим управлением МВД. Были изданы 3 сборника за соответствующие годы (Никулин, 2009: 22), из которых в нашем распоряжении имеются первые два. Если в сборник за 1903 г. вошли данные не о фактическом сборе с десятины, а о «предполагаемом сборе хлебов»¹⁵, т. е. полученные на основании пробных умолов, то данные за 1904 г. по 3 хлебам — озимой, яровой ржи и ячменю¹⁶ — вполне пригодны к сопоставлению с данными ЦСК. В 1913 г. текущая сельскохозяйственная статистика под эгидой Переселенческого управления ГУЗиЗ была реорганизована в 6 переселенческих районах — Акмолинском, Енисейском, Иркутском, Тобольском, Томском и Тургайско-Уральском (Румянцев, 1914: 3). В сборнике ГУЗиЗ обнаруживаются данные по наиболее широкому кругу культур и губерний.

Итак, в нашем распоряжении имеются цифры подесятинных сборов 5 зерновых — ржи (озимой и яровой), пшеницы, овса и ячме-

13. Обзор Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1902–1903 г. (По ответам добровольных корреспондентов Тобольского губ. стат. комитета). Тобольск, 1905. С. 23–25, 61–63.

14. Там же. С. 68–70.

15. Краткий обзор Степного края и Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении за летний период 1903 г. СПб., 1903. С. 34–37.

16. Краткий обзор Степного края, Тургайской области и Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении. 1904 год. Летний и осенний периоды. СПб., 1905. С. 66–67.

ня (табл. 6). Для сопоставимости их с погубернским средним значением ЦСК рассчитаем из данных по 5 уездам среднее арифметическое взвешенное по площади посевов (по доле уезда в погубернской посевной площади). С этой целью также обратимся к данным ЦСК.

Таблица 6. Разноречия в данных о подесятинной урожайности зерновых по сведениям текущей статистики и ЦСК (ЦСК в % к показаниям добровольных корреспондентов)¹⁷

Губерния	Год	Озимая рожь	Яровая рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Овес	Ячмень
Енисейская	1904	-1	-19	...	...	...	-3
	1913	...	-17	...	...	-39	...
Иркутская	1904	-2	+30	...	-17		+7
	1913	-18	-12	...	...	-21	-36
	1894	-12	-24	...	-16	-22	-18
Тобольская	1895	-16	...	...	...	...	...
	1904	-48	-18	...	...	...	+9
	1913	...	-2	...	...	+0,2	+13
Томская	1899	-14	...	...	...	...	...
	1901	-19	+2	+59	+5	-5	+41
	1904	+9	-19	...	...	...	-3
	1913	+7	-8	...	...	-32	-27

Благоприятнее всего в свете приведенных данных видятся урожайные данные ЦСК по Томской губернии. В большинстве случаев отклонения не выходят за предельную величину, намеченную Иванцовым, или же выходят за нее незначительно. В 6 из 14 случаев значения подесятинной урожайности ЦСК оказываются выше средних погубернских значений из показаний добровольных корреспондентов. По Енисейской, Иркутской и Тобольской губерниям прослеживается их заниженность. Вопрос остается открытым и требует дальнейшего углубленного изучения.

Подводя предварительные итоги, подчеркнем, что полученные параметры душевых сборов не представляют и не могут представлять собой конечный результат. Необходимо перейти к вопросу

17. Подсчитано и составлено автором по: Окулич, 1900: 7; Румянцев, 1914: 26–27; Скалозубова, Скалозубов, 1895: 4; Скалозубова, Скалозубов, 1896: 3–4; Солдатов, 1902б: 22.

о кормовых нуждах животноводства губерний Сибири, и тогда относительно благоприятная картина продовольственной обеспеченности, относительно достаточного уровня зернового производства может быть существенно скорректирована.

Обеспечение нужд животноводства

Несколько слов в обоснование выбора источников по статистике животноводства. За основу были приняты данные Ветеринарного управления МВД (ВУ МВД). Статистика Ветеринарного управления учитывала численность домашних животных в губернии в целом, а не только животных в сельском хозяйстве. Эта система, на наш взгляд, в качественном отношении не превосходит животноводческую статистику ЦСК и систему военно-конских переписей. Более того, в применении к поставленной проблеме статистика ЦСК отражала бы картину точнее, поскольку учитывала только сельскохозяйственных животных. Но именно ветеринарная статистика полностью охватывает период 1894–1913 гг., позволяя вычислить шестилетние средние (1896–1901, 1902–1907, 1908–1913 гг.), сопоставимые с имеющимися у нас данными о потенциальных кормовых запасах, и учитывает поголовье всех основных видов домашних животных: коз, КРС, лошадей, овец, свиней.

Конечно, помимо основных видов домашних животных она учитывала численность верблюдов, ездовых собак, маралов, мулов, оленей, ослов и других животных. Большинство из них не получили в губерниях Сибири широкого распространения. Их потенциальное влияние на сельскохозяйственное производство в губерниях Сибири вряд ли было значительным. Однако важнейшее препятствие состоит в другом — в невозможности даже приблизительно оценить кормовые рационы этих животных, а также, наряду с привычными разновидностями домашних животных, привести их к общему знаменателю.

До Революции специалисты статистических ведомств в сибирских губерниях руководствовались следующими переводными соотношениями: взрослая лошадь, бык, вол и корова — 1, двухгодовалые лошади, КРС — 0,5, однолетние лошади, телята, овцы и козы — 0,17¹⁸. Учитывая ограниченный информационный потенциал животноводческой статистики Ветеринарного управления МВД (отсутствие возрастной структуры поголовья), приведение поголовья к общему знаменателю на основе приведенных расчетных коэффициентов неосуществимо.

В отечественной статистической практике также использовались нормы перевода, основанные на данных о среднем потреб-

18. Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. С. 34.

лении кормов. Как правило, за основу брались данные о среднем потреблении домашних животных в государствах Западной Европы. Таковыми, например, пользовался Ю.Э. Янсон: лошадь — 1,5; овца — 0,1; свинья — 0,25 (Янсон, 1880: 468). А.М. Анфимов для приведения поголовья к единому эквиваленту использовал несколько иные соотношения: для овец — 5:1; для свиней — 3:1. Справедливость методики Анфимова признавал и А.В. Островский, на основании материалов справочной книги Ф.А. Баталина внесший, однако, поправку в соотношение для свиней — 2:1 (Островский, 2014: 43). С учетом указанных соотношений пересчитаем данные о поголовье скота, предварительно проверив их пригодность для животноводства губерний Сибири. В этом случае нет ни малейшей надобности выходить на уровень исчерпывающе фундированных обобщений. Вполне достаточным, на наш взгляд, является приведение единичных свидетельств, играющих скорее иллюстративную роль и способствующих лишь ориентировочной оценке релевантности данных переводных коэффициентов животноводству сибирских губерний.

Например, агроном И.К. Окулич выделял несколько разновидностей КРС, имевших распространение в Красноярском округе Енисейской губернии: темно-бурый, пестро-чернобелый, красно-мастный и комолый скот. По его наблюдениям, средний вес комолой коровы составлял приблизительно 325 кг (19,8 пуда), а темно-бурых 300 кг (18,3 пуда) (Окулич, 1896: 3–4). За немногочисленными исключениями средний живой вес по Сибири, даже в наиболее развитых хозяйствах, был ниже: так, например, в лесостепной зоне Енисейской губернии (Канский уезд) — 16–18 пудов (Жоношенко, 1923: 7).

Что касается овец, обратимся к специальной работе С.И. Иванова, посвященной овцеводству в Алтайском округе. На территории округа были распространены три породы грубошерстных овец: белые и черные длиннохвостые, киргизские курдючные и кулундинские. Вес овцы первой разновидности, по наблюдениям автора, колебался в интервале от 2 до 2,5 пуда. Средний живой вес курдючной овцы, разумеется, был существенно выше — около 3,5 пуда. Бараны киргизской породы в весе нередко достигали 4 пудов. Наконец, живая масса кулундинских овец пролегалa в диапазоне от 2,1 до 3 пудов и более (Иванов, 1912: 4). К сожалению, Иванов не вывел среднего показателя для всех указанных пород. Несколько огрубляя действительное положение дел, представляется возможным принять показатель в 3 пуда (и, следовательно, коэффициент 0,2) в качестве адекватного и вполне пригодного для животноводства губерний Сибири.

По материалам исследования правительственного агронома по Тобольской губернии Н.Л. Скалозубова «О свиноводстве в Тобольской губернии» можно уточнить средний вес сибирских свиней. Отметим, что работа Скалозубова крайне подробна, написана

на чрезвычайно богатом для персонального исследования источниковом материале — автор опирался на разветвленную сеть добровольных корреспондентов на местах — а потому представляет несомненный интерес. Если отбросить данные о живом весе свиней английских скороспелых пород (беркширской, йоркширской), то живой вес свиней в Тобольской губернии, по сведениям корреспондентов, варьировался в диапазоне от 2 до 10 пудов. При этом наибольшее число корреспондентов указывало на верхнюю границу живого веса в 8 пудов (Скалозубов, 1906: 5–7). Следовательно, средний показатель, вероятно, приближался к 5 пудам живого веса, и соотношение А.М. Анфимова следует принять без изменений — 3:1.

Итак, убедившись в релевантности предложенных соотношений, в пересчете на крупный скот (КРС, взрослые лошади) получим следующие цифры, характеризующие движение поголовья по шестилетиям (табл. 7).

Таблица 7. Поголовье скота в губерниях Сибири (в пересчете на крупный скот), 1896–1913 (тыс. голов)¹⁹

Годы	Енисейская	Иркутская	Тобольская	Томская	Итого
1896–1901	1055,3	721,0	1972,7	3775,1	7524,1
1902–1907	1128,5	649,8	2060,7	3977,5	7816,5
1908–1913	1211,8	683,7	2054,5	5374,8	9321,8

Сами по себе цифры, характеризующие движение поголовья скота по многолетним периодам, нас не интересуют — они необходимы для определения обеспеченности животноводства продуктами зернового производства. В качестве основных выступают все те же данные урожайной статистики ЦСК. Дальнейшие расчеты, однако, невозможны без кормовых норм, позволяющих уточнить достаточность объемов зернового производства. Учитывая накал дискуссий между «оптимистами» и «негативистами» по вопросу о размерах фуражной нормы (Островский, 2013: 258–259, 263), рассмотрим его детально и предметно.

Существует несколько путей для прояснения данного вопроса.

19. Подсчитано и составлено автором по: Отчет Ветеринарного отделения Министерства внутренних дел за [1894–1896] годы. СПб., 1898–1899; Отчет Ветеринарного управления Министерства внутренних дел за [1897–1903] годы. СПб., 1900–1906.; Отчет по Ветеринарной части в России за [1904–1912] годы. СПб.; Пг., 1910–1915; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 235.

Реализация первого варианта требует, кроме того, предварительного выяснения применимости нормы А.В. Островского к животноводству сибирских губерний. Как известно, размер фуражной нормы теснейшим образом сопряжен со средней продолжительностью зимнего содержания, т. е. с периодом с момента постановки животных в стойла до перевода на выгонное содержание. При проведении расчетов потребности животноводства Европейской России в фуражном зерне и грубых кормах А.В. Островский, апеллируя к авторитету Е.Ф. Лискуна, воспользовался показателем в 195 дней в году (Островский, 2013: 255–256).

Дореволюционное животноводство сибирских губерний не обеспечено систематическими данными, подобными земским в губерниях Европейской России, за весь интересующий нас период. Сведения о продолжительности стойлового содержания скота статистические органы местных переселенческих районов начали собирать и обрабатывать только в 1913 г. Понимая и признавая фрагментарность источниковой базы и ограниченность собственных наблюдений и суждений, выведем по крайней мере ориентировочную продолжительность стойлового содержания для сибирских губерний.

Итак, в издании Переселенческого управления Томского района за 1914 г. обнаруживаем информацию о средних по губернии датах перевода скота (овцы, КРС, гулевые лошади) на стойловое и выгонное содержание в соответствующем хозяйственном году. Согласно показаниям добровольных корреспондентов, продолжительность стойлового содержания овец составила 187 дней, КРС — 181 день, гулевых лошадей — 180 дней²⁰. Таким образом, средняя продолжительность пребывания домашнего скота на зимнем содержании составила 183 дня, причем «скот был выпущен в обычное время»²¹. В аналогичном сборнике по Тобольской губернии за 1914–1915 хозяйственный год содержатся следующие сведения: овцы и мелкий рогатый скот — 188 дней, КРС — 186 дней, лошадей — 186 дней, в среднем — 187 дней²². Для Енисейской губернии И.И. Коношенко полагал оптимальной продолжительностью стойлового содержания период в 180 дней (Коношенко, 1923: 8). Для Иркутской губернии такого рода сведения обнаружены нами не были.

Но, наш взгляд, более корректная оценка обеспеченности животноводства губерний Сибири осуществима лишь с привлечением сведений о местных кормовых нормах, вернее, экспертных оценок дореволюционных статистиков, прекрасно знакомых с местными условиями. Наиболее авторитетная и вместе с тем подробная оценка принадлежала заведующему отделом текущей статистики

20. Подсчитано автором по: Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. С. 108, 110.

21. Там же. С. 71.

22. Подсчитано автором по: Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1914–1915 с.-хоз. год. II. Таблицы. Тобольск, 1916. С. 105, 111.

Томского переселенческого района В.Я. Нагнибеда. Для животноводства Томской губернии им была предложена годовая норма, состоящая из 110 пудов сенной дачи на единицу скота в переводе на крупный. Альтернативным, ориентированным на хозяйства, располагавшие фуражным зерном, разнообразными грубыми (объемистыми) и сочными кормами, был следующий набор: 7,5 пуда зерновых, 5 пудов картофеля, 22,7 пуда соломы и 5,4 пуда гуменных остатков (мякина, солома) на единицу скота в переводе на крупный (Нагнибеда, 1917: 9). Если оценить расход последнего элемента фуражной «корзины» (априори не поддающегося регистрации) не представляется возможным, то данными, характеризующими чистые сборы картофеля, овса, валовые укусы сена и сборы соломы, мы располагаем в полной мере за период 1896–1913 гг.

Кроме того, в специальной литературе фигурировала норма для Енисейской губернии, равная 100 пудам сенной дачи на единицу скота в переводе на крупный (Коношенко, 1923: 8), которую можно рассматривать как количество сена, обеспечивающее элементарное поддержание жизни животного при наиболее благоприятных условиях.

Экспертные оценки кормовых норм для двух других губерний обнаружены не были. Высока вероятность того, что они не существовали вовсе. По всей видимости, это было связано с более высоким уровнем развития всех отраслей сельскохозяйственного производства, а в частности животноводства, и, следовательно, зоотехнии именно в Енисейской и в особенности в Томской губернии. Поэтому единственным адекватным способом определения обеспеченности животноводства губерний Сибири представляется использование вышеозначенных кормовых наборов, предложенных В.Я. Нагнибедой для Томской губернии.

Остается добавить, что основу кормового рациона в сибирских губерниях составляли грубые корма — сено и солома яровых культур. Такова характеристика В.Я. Нагнибеды для Томской губернии (Нагнибеда, 1920: 22). По словам енисейского губернатора А.П. Степанова, в первой половине XIX в. крестьяне Енисейской губернии в зимний период кормили рогатый скот исключительно сеном (Степанов, 1835: 212), и вряд ли к началу XX в. ситуация претерпела сколько-нибудь значимые изменения. 91% корреспондентов Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства указали на сено и солому как на основные корма (Горюшкин, 1967: 185). Потребление зерна на фураж в губерниях Сибири, по-видимому, было сведено к минимуму.

Поэтому в первую очередь имеет смысл обратить внимание именно на первый вариант кормового набора, предполагающий 110 пудов сенной дачи на единицу скота в переводе на крупный. Действительно ли производство сена в губернии покрывало потребности животноводства? Прежде чем перейти к цифрам, позволим себе привести несколько критических суждений.

Точность данных о валовых сборах сена и укосах с десятины неоднократно ставилась под сомнение. Определить реальный уровень производства в действительности чрезвычайно сложно. В первую очередь это связано с невозможностью адекватной оценки самими хозяйствами, а во-вторых, что касается валовых показателей, — установления величины использованных в качестве сенокосов площадей. В этом отношении статистика Переселенческих управлений сделала существенный шаг вперед, отойдя от подразделения лугов на заливные и незаливные. Покосы подразделялись на луговые, степные, залежные, лесные, болотные и другие покосы без видовой принадлежности²³. Впервые попытка детальной дифференциации была предпринята правительственным агрономом В.Г. Бажаевым в «Кратком сельскохозяйственном обзоре Томской губернии за 1895 год» (покосы лесные, заливные и незаливные луга, залежи простые и пырейные, по логам) (Бажаев, 1896: 36). Учитывая критику урожайной статистики ЦСК со стороны представителей «оптимистического» направления, следовало бы признать данные о сборах и урожайности лугов, фигурирующие в «Урожаях ... года», существенно заниженными.

Вместе с тем мы имеем возможность сопоставить данные ЦСК и «Кратких сельскохозяйственных обзоров Томской губернии за ... год», издававшихся Правительственным агрономом по Томской губернии, об укосах с десятины лугов в Томской губернии за период с 1896 по 1901 г. (табл. 8). Возвращаясь к критике со стороны «оптимистов», необходимо подчеркнуть общеизвестную особенность статистики Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, а именно использование сведений, полученных через сеть добровольных корреспондентов, «хозяйства которых были поставлены более добротнее, чем у основной массы, и у которых не было мотива исказить информацию» (Кузнецов, 2012: 223).

Таблица 8. Укос сена с десятины в Томской губернии, 1896–1901 гг. (по данным ЦСК МВД и правительственного агронома)²⁴

Год	ЦСК МВД	Правительственный агроном
1896	105,3	124,3
1897	144,3	147,4
1898	128,4	108,2
1899	133,3	122,5

23. Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. С. 33.

24. Составлено автором по: Солдатов, 1902б: 15; Урожай [1896–1901] годов. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1896–1901.

1900	87,2	58,0
1901	67,7	45,2
1896–1901	111,0	100,9

Как видно из таблиц, из всех приведенных нами цифр обратное соотношение демонстрируют только данные за два года — 1896 (18% в пользу текущей статистики) и 1897 (2,4% в пользу текущей статистики). Такие итоги можно было бы всецело записать на счет несоизмеримости типов самих погубернских средних, которые статистики ЦСК получали, учитывая вес каждого из уездов в общей совокупности, т. е. выводили среднее взвешенное по площади лугов, а Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики как простое арифметическое среднее. Однако оснований для этого на данный момент не существует — методика выведения итоговых данных для таблиц вышеозначенных сборников нам неизвестна.

Итак, следуя логике изложения, перейдем к оценке обеспеченности животноводства сибирских губерний кормами. Прежде всего рассмотрим показатели производства на уровне сибирского региона в целом (табл. 9). Приведенные ниже процентные доли представляют собой не что иное, как долю поголовья, не обеспеченную данной разновидностью кормов.

Таблица 9. Обеспеченность животноводства губерний Сибири кормовыми продуктами, 1896–1913 гг.²⁵

Годы	Потребность поголовья (тыс. пудов)	Производство (тыс. пудов)	Дефицит	
			Абсолютный (тыс. пудов)	Относительный (%)
Сено				
1896–1901	827651,0	369927,8	457723,2	55,3
1902–1907	859815,0	413514,1	446300,9	51,9
1908–1913	1025398,0	421309,2	604088,8	58,9
Фуражное зерно (овес)				
1896–1901	56430,8	34255,3	22175,5	39,3
1902–1907	58623,8	41302,8	17321,0	29,5
1908–1913	69913,5	45219,9	24693,6	35,3

25. Подсчитано и составлено автором по: источники таблицы 7; Урожай [1896–1909] годов. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1896–1909; Урожай [1910–1913] годов в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1910–1913; Урожай [1896–1909] годов. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1897–1910; Урожай [1910–1913] годов в Европейской и Азиатской России. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. СПб., 1911–1914.

Фуражное зерно (овес и ячмень)				
1896–1901	55430,8	40186,7	15244,1	27,5
1902–1907	58623,8	45969,2	12654,6	21,6
1908–1913	69913,3	57708,3	12205,0	17,5
Картофель				
1896–1901	37620,5	19971,8	17648,7	46,9
1902–1907	39082,5	19032,6	20049,9	51,3
1908–1913	46609,0	27727,2	18881,8	40,5
Солома (без ржаной и гречишной)				
1896–1901	170797,1	107403,9	63393,2	37,1
1902–1907	177434,6	152825,0	24609,6	13,9
1908–1913	211604,9	316565,8	+104960,9	+49,6
Мякина (озимая рожь, яровая пшеница, овес, ячмень)				
1896–1901	40630,1	16055,1	24575,0	60,5
1902–1907	42209,1	19584,6	22624,5	53,6
1908–1913	50337,7	24879,3	25458,4	50,6

Относительный дефицит от первого к третьему шестилетию сокращался по всем кормам, за исключением сена. Сборы соломы в третьем шестилетии показали почти 50-процентный профицит. Так ли однозначно выглядела динамика на погубернском уровне? Кроме того, ниже необходимо будет оговорить все допущения, на которых построены вычисления.

В силу отмеченных особенностей (преобладание в сибирском животноводстве грубых кормов) начнем с сена. Погубернские данные представлены на рисунке 1.

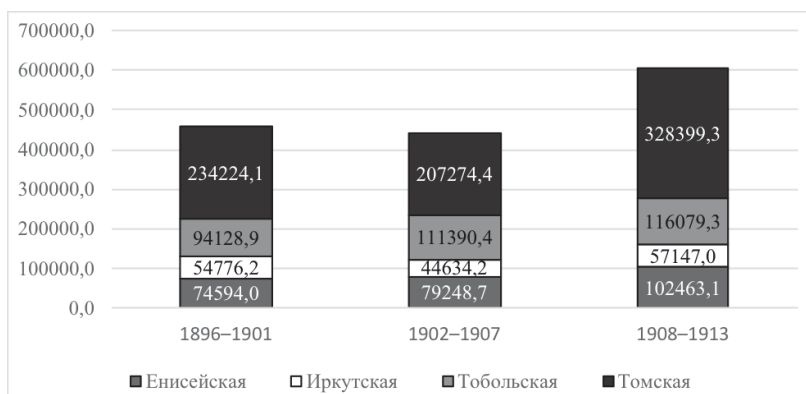

Рис. 1. Дефицит сена в губерниях Сибири, 1896–1913 гг. (тыс. пудов)²⁶

²⁶. Подсчитано и составлено автором по: источники таблиц 7 и 9.

В плоскости относительных величин нехватка сена распределялась по периодам следующим образом: Енисейская губерния — 64,3%, 63,8%, 76,7%; Иркутская губерния — 69,1%, 62,4%, 76%; Тобольская губерния — 43,4%, 49,1%, 51,4%; Томская губерния — 56,4%, 47,4%, 55,5%. Таким образом, только Томская губерния демонстрировала позитивную динамику. Основная причина роста дефицита в трех остальных губерниях, насколько можно судить по данным о площадях лугов, заключалась в снижении урожайности пойменных (заливных) лугов. В Тобольской губернии валовые укосы стабильно сокращались в каждом из трех шестилетий: от первого к третьему шестилетию — на 10,2%.

Исследователи, специализирующиеся на истории дореволюционного российского животноводства, касаясь проблемы достаточности кормов, обыкновенно начинают с анализа цифр, характеризующих чистые сборы овса, полагаемого базовым кормом. Остальные корма рассматриваются как компенсирующие его дефицит. Такой подход непригоден к сибирским губерниям, в которых основу, как уже говорилось выше, составляли грубые корма. Поэтому в данном случае овес — наоборот, прежде всего компенсирующий корм. По-губернское распределение дефицита в абсолютных величинах представлено на рисунке 2.

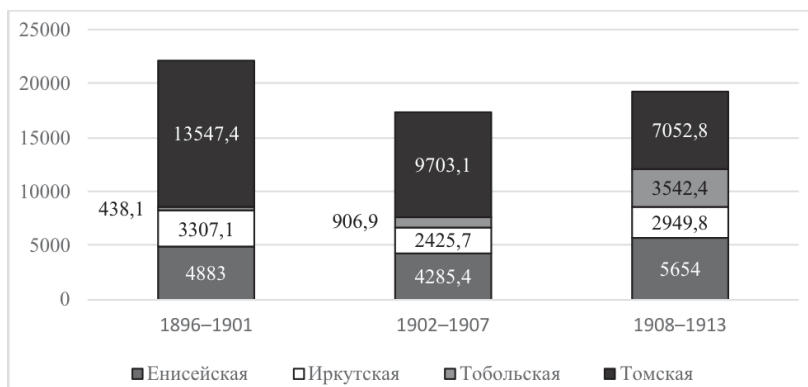

Рис. 2. Дефицит фуражного овса в губерниях Сибири, 1896–1913 гг. (тыс. пудов)²⁷

Недостаток фуражного овса в процентном и абсолютном отношении составлял по шестилетиям: в Енисейской губернии — 61,7%, 50,6%, 62,2%; в Иркутской губернии — 61,2%, 49,8%, 57,5%; в Томской губернии — 47,8%, 32,5%, 17,5%. Повышение процентного показателя обеспеченности животноводческого сектора овсом в разных губерниях вызывалось различными причинами — прежде всего сокращением поголовья скота (например, от первого ко второму шестиле-

27. Подсчитано и составлено автором по: Там же.

тию в Енисейской губернии), либо опережающими темпами прироста чистых сборов овса (наиболее яркий пример — Томская губерния).

Выраженное обострение дефицита было характерно для Тобольской губернии, в которой он усиливался как по абсолютным, так и по относительным (3%, 5,9%, 23% поголовья) параметрам.

Второй вариант исчисления предполагает присовокупление ячменных сборов. Не приводя предварительно культуры к единому эквиваленту, получим следующие цифры (рис. 3).

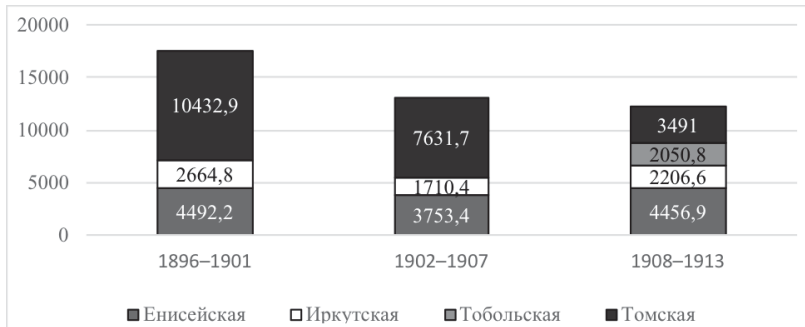

Рис. 3. Дефицит фуражного зерна (овес и ячмень) в губерниях Сибири, 1896–1913 гг. (тыс. пудов)²⁸

При таком варианте расчета ситуация несколько улучшается. Процентная необеспеченность по шестилетиям: в Енисейской губернии — 56,8%, 44,3%, 49%; в Иркутской губернии — 49,3%, 35,1%, 43%; в Томской губернии — 36,8%, 25,6%, 8,7%.

Обращает на себя внимание, что вполне обеспечено фуражным зерном было животноводство Тобольской губернии. В первом и втором шестилетиях даже наблюдался профицит — 12,4% (1783,8 тыс. пудов) и 2,9% (440,8 тыс. пудов) соответственно. Дефицит обозначился лишь в последнем шестилетии — 13,3%.

Как видим, использование даже всего собранного ячменя не могло полностью компенсировать нехватку овса. В действительности эта проблема решалась за счет расширенного привлечения продовольственных культур, т. е. за счет сокращения крестьянского потребления.

Недостаток фуражного зерна мог возмещаться и посредством иных кормов, например, выжимок из масличных семян. Хотя лен и конопля не входят в перечень зерновых культур, представляется необходимым рассмотреть вопрос и о кормовых жмыхах.

По своей питательной ценности жмыхи масличных культур (конопля, лен) чрезвычайно близки к овсу. Специалисты в области зоотехнии нередко устанавливали между ними паритетное соотношение 1:1, принимая их соответствующими питательному эталону — так на-

²⁸ Подсчитано и составлено автором по: Там же.

зываемой кормовой единице, на 1/3 состоящей из пшеничных отрубей, жмыхов и овсяной муки (Грюнберг, 1916: 216; Кярк, 1915: 10). Поэтому их включение в рацион домашних животных в полной мере компенсировало недостаток фуражного зерна. По оценке И.И. Коношенко, из 1 пуда льняного семени можно было получить 35 фунтов, а из 1 пуда конопляного семени — 36 фунтов жмыхов (Коношенко, 1923: 9). Поскольку статистика ЦСК учитывала сборы конопляного и льняного семени, принимая пуд равным 40 фунтам, дадим ориентировочную оценку производства жмыхов, которые потенциально могли быть направлены на корм скоту в губерниях Сибири.

Для решения поставленной задачи пригодны только данные ЦСК о сборе конопляного и льняного семени до 1900 г. включительно. В 1901 г. из изданий «Урожай ... года» исчезли столбцы с затратами на посев, чистым сбором (остатком) семян за посевом и впредь публиковались исключительно валовые цифры. Следовательно, вычислить средний показатель за шестилетний период не представляется возможным, а приводимые погодные цифры могут играть скорее иллюстративную роль (табл. 10).

Таблица 10. Потенциальные объемы производства кормовых жмыхов (конопляных и льняных) в губерниях Сибири, 1896–1900 гг. (тыс. пудов)²⁹

Годы	Енисей- ская	Иркутская	Тоболь- ская	Томская	Итого
1896	156,3	65,5	593,5	638,4	1453,7
1897	400,1	59,6	537,2	859,8	1856,7
1898	109,5	41,9	483,8	893,1	1528,3
1899	158,2	58,7	479,2	702,6	1398,7
1900	122,3	57,0	463,1	610,6	1253,0

Жмыхи, хотя и не могли полностью покрыть дефицит фуражного зерна, до некоторой степени способствовали смягчению его остроты. Во всяком случае могли этому поспособствовать. Оптимальная верхняя граница ежедневной кормовой дачи определялась специалистами на уровне 3 фунтов на голову, но преимущественно молочного скота и свиней на откорме (Порываев, 1927: 11). Исходя из предпосылки о том, что норма Нагнибеды охватывает весь хозяйственный год, получаем, что ежедневная зернофуражная дача должна была составлять около 0,8 фунта.

Следующим элементом кормового набора, предложенного Нагнибедой, является картофель. Как уже говорилось выше, на голову скота в переводе на крупный требовалось около 5 пудов в год.

29. Подсчитано и составлено автором по: Урожай [1896–1900] годов. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1897–1901.

Погубернский дефицит кормового картофеля выражался следующими абсолютными значениями (рис. 4).

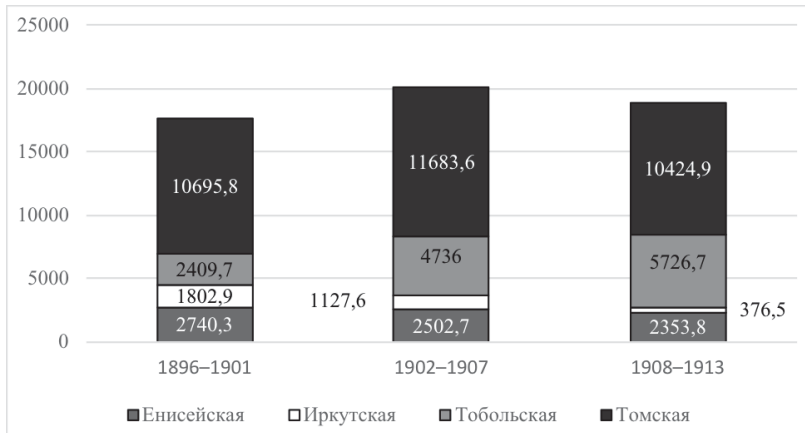

Рис. 4. Дефицит кормового картофеля в губерниях Сибири, 1896–1913 гг. (тыс. пудов)³⁰

Три из четырех губерний показали тождественную динамику сокращения (с различными темпами) дефицита по шестилетним периодам: Енисейская губерния — 51,9%, 44,4%, 39,8%; Иркутская губерния — 50%, 34,8%, 11%; Томская губерния — 56,7%, 58,7% и, наконец, 38,8%. Лишь в Тобольской губернии необеспеченность поголовья возрастала — 24,4%, 46%, 55,8% в первом, втором и третьем шестилетии соответственно.

Остается добавить, что в основу расчетов нами были положены данные о чистых сборах картофеля в полном объеме. Следовательно, во-первых, далеко не весь картофель мог быть направлен на удовлетворение нужд животноводства, а во-вторых, применение картофеля в качестве корма понижало показатели продовольственной обеспеченности. Именно пример этого кормового средства достаточно наглядно показывает тесную взаимообусловленность уровня потребления населения и состояния животноводства в до-революционном крестьянском сельском хозяйстве.

Наконец, компенсаторные функции в крестьянском животноводстве могла принять на себя солома. Как показал А.В. Островский, в губерниях Европейской России на рубеже XIX–XX вв. ее доля в кормовом рационе неизменно повышалась, что свидетельствовало об ухудшении качества кормления (Островский, 2014: 111–112). Разберемся с ситуацией в сибирских губерниях.

Между тем не всякая разновидность соломы пригодна к употреблению в качестве корма скота. Это обстоятельство нередко упуска-

30. Подсчитано и составлено автором по: источники таблиц 7 и 9.

ют из виду исследователи сельского хозяйства пореформенного периода. Мы подразумеваем трудноперевариваемые разновидности соломы, традиционно использовавшиеся в хозяйственной практике с иными целями. Например, ржаная солома повсеместно выступала в качестве кровельного покрытия в крестьянских постройках ввиду своей высокой прочности и износостойкости. Проиллюстрируем вышесказанное цитатой из книги этнографа С.В. Максимова «Куль хлеба и его похождения»: «на крышах солома ржаная: другие сорта сюда не годятся..., ее можно бы назвать нетленной» (Максимов, 1987: 485).

Согласно данным В.Я. Нагнибеды, солома использовалась в качестве кровельного покрытия в 32,2% переселенческих (более 35,4% от общего числа хозяйств — лишь дерн) и в 12,3% старожильческих хозяйств в Томской губернии. В губернии встречались, кроме того, глинобитно-саманные жилища: 8,3% от общего числа жилых строений в переселенческих селениях и 0,6% от числа жилых построек в селениях старожильческих (Нагнибеда, 1920: 5). Распространение данного типа строений было связано, вероятно, с притоком переселенцев из заднепровских губерний. По замечанию П.Е. Бардиной, автора работы, посвященной материально-бытовой культуре старожильского населения Томского уезда, «степень распространения соломенных крыш была небольшой», но «солома и способы ее укладки были традицией, связанной главным образом с переселенцами». Кроме того, «при совместном проживании старожилов и переселенцев использование пожароопасной соломы для покрытия жилищ неизменно вызывало нарекания старожилов и <...> быстро прекращалось» (Бардина, 2009: 36). Эти расхождения с данными Нагнибеды, вероятно, объясняются узостью территориальных рамок работы и сугубо этнографическим характером сведений. Достаточно обратиться к материалам обследования мест водворения переселенцев в Алтайском округе, проведенного в 1894 г., чтобы убедиться в преобладании соломенного покрытия в переселенческих поселках (Швецов, 1899: 63, 75, 236).

К этому остается добавить, что благодаря аналогичным свойствам именно ржаная солома шла на подстилку скоту (Генри, 1911: 210).

Учитывая еще одно замечание Максимова, а именно о том, что «матушка-рожь дает... столько соломы, как уже никакое другое хлебное растение» (Максимов, 1987: 484–485), при установлении соотношения соломы и сена из губернских и региональных итогов необходимо исключить ржаную солому. Пренебрежение тем фактом, что ржаная солома не использовалась (или использовалась крайне редко, в наиболее неурожайные годы) в качестве фуража, по всей видимости, может повлечь за собой грубейшие погрешности в оценке обеспеченности сельскохозяйственных производителей кормами. С тем чтобы подтвердить или опровергнуть утверждение Максимова, обратимся к конкретным цифрам. Итак, средние за восемнадцатилетний период (1896–1913 гг.) сборы ржаной соломы в сибирских

губерниях составляли 26,9% от общего сбора соломы 11 сельскохозяйственных культур. В отдельные же годы удельный вес ржаной соломы был еще выше, достигая 35,5% (1904 г.), и лишь в 1913 г. понизился до отметки в 17,4%. Будем далее исходить из того, что присовокупление ржаной соломы с неизбежностью влечет за собой серьезные просчеты.

Еще одна разновидность соломы, которую следует исключить, — это гречишная (гречневая) солома. Именно она (вернее, зола, образующаяся при ее сжигании), на 32–46% состоящая из углекислого калия, использовалась для производства калийного удобрения — поташа (Власюк, Кочина, 1970: 620; Максимов, 1987: 484). В силу отмеченных особенностей химического состава она способна нанести серьезный ущерб здоровью животного, приводя к покраснениям, зуду и парестезии кожи. Уже в третьей четверти XIX в. в справочной литературе по сельскому хозяйству утвердилось мнение о том, что гречишная солома малопитательна и полностью непригодна для кормления молочного скота (Людоговский, Стебут, Чернопятков, Фадеев, 1876: 300). Ее доля в валовом производстве не была существенной и за аналогичный период составила 0,9%, в отдельные годы достигая 1% и более (1900–1906 гг.). Соответственно, на долю первой и второй соломы в период с 1896 по 1913 г. приходилось 27,9% от общего сбора соломы³¹.

Обратимся к данным о недостатках на уровне отдельных губерний (рис. 5).

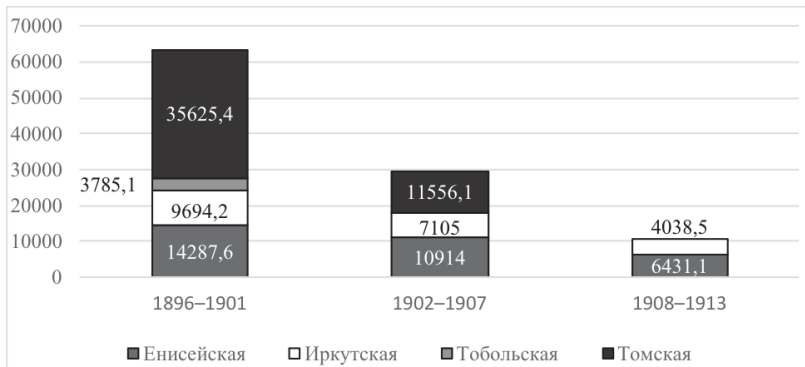

Рис. 5. Дефицит соломы в губерниях Сибири, 1896–1913 гг. (тыс. пудов)³²

31. Подсчитано по: Урожай [1896–1909] годов. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1896–1909; Урожай [1910–1913] годов в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. СПб., 1910–1913; Урожай [1896–1909] годов. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1897–1910; Урожай [1910–1913] годов в Европейской и Азиатской России. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. СПб., 1911–1914.

32. Подсчитано и составлено автором по: источники таблиц 7 и 9.

Отталкиваясь от предложенной Нагнибедой нормы в 22,7 пуда на единицу скота в переводе на крупный, высчитаем, какую долю поголовья обеспечивали сборы соломы.

Сокращение абсолютного дефицита закономерно приводило к увеличению доли поголовья, обеспеченного этим кормовым средством. Итак, по нашим расчетам, в Енисейской губернии были обеспечены по шестилетиям 40,4%, 57,4% и 76,6% общего поголовья; в Иркутской — 40,8%, 51,8%, 74%. Более благоприятные условия наблюдались в Тобольской губернии: в первом шестилетии поголовье было практически полностью обеспечено соломой — 91,5%, а во втором и третьем шестилетии оставались излишки, посредством которых, вероятно, компенсировалась нехватка других кормов (в частности, сена), — 110,6% и 117,1%. Но, пожалуй, наиболее существенную динамику продемонстрировала Томская губерния. Если в первом и втором шестилетии наблюдался дефицит, соломой были обеспечены 58,4% и 87,2% соответственно, то в третьем шестилетии, несмотря на общий 35-процентный рост поголовья, излишек достиг отметки в 88,1% (107502,1 тыс. пудов).

Думается, однако, что эти излишки были недостаточны для того, чтобы полностью разрешить кормовой вопрос.

В исключительных случаях (при недостатке других грубых кормов) кормом могла служить льняная солома (треста) (Генри, 1911: 210). Разумеется, в итоговые цифры можно было бы внести и ее, но урожайная статистика ЦСК фиксировала не валовые и подесятинные сборы соломы, а валовые и подесятинные сборы льняного волокна. Лишь в 1913 г. было признано, что «при собирании сведений об урожае яровых в августе для большинства хозяйств еще не представляется возможным учесть выход чистого волокна» и речь, таким образом, может идти лишь о соломенном сырье для выработки волокна³³. Острой критике подверг урожайные данные ЦСК по льну А.А. Рыбников, продемонстрировав на материалах сопоставления с земскими данными, что недоучет посевных площадей возрастал от старых к новым районам льноводства (Рыбников, 1926: 11). Собственно говоря, сибирские губернии таковыми и являлись.

Последним элементом кормовой дачи Нагнибеды являются гурменные остатки, к которым прежде всего относится мякина (полова). Количественно параметры ее выхода оценить довольно проблематично. В пользу этого свидетельствует и осторожность подсчетов, встречающихся в специальной литературе. Например, у И.А. Стебута выход мякины в частновладельческом хозяйстве средней черноземной полосы для ржи и овса зафиксирован как отношение мякины к сборам соломы — 800 пудов мякины на 6400 пудов соломы (коэффициент 0,125 для ржаной соломы) и 600 пудов мяки-

33. Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России. II. Яровые хлеба, картофель, подсолнух, лен, конопля и хлопок. СПб., 1914. С. 434.

ны на 3400 пудов соломы (коэффициент 0,2 для соломы овсяной) (Стебут, 1883: 281). По сведениям А.А. Карельских, на каждый пуд овса приходилось 7 фунтов мякины, озимой ржи — 3 фунта, яровой пшеницы — 5 фунтов, ячменя — 8 фунтов (Карельских, 1924: 53). Несмотря на то что издание Карельских носило выраженный учебно-популярный характер, за неимением лучшего прием содержащиеся в нем нормы за верно отражающие действительное положение вещей.

В дореволюционной зоотехнической практике мякина считалась высокопитательной добавкой (оценка О. Кельнера, подтвержденная Е.А. Богдановым) к основным кормам, пригодной для всех видов домашних животных. В крестьянских хозяйствах она нередко принимала на себя роль основного корма. Малопригодной признавалась только ячменная ее разновидность, изобилующая остистыми отростками (Дубенский, 1913: 5–7). «Ости ячменя, — подчеркивали С.П. Фридолин и А.П. Юрмалиат, — засоряют «книжку» и могут вызвать воспаление кишечника» (Фридолин, Юрмалиат, 1913: 133). Основываясь на экспертных оценках, мы вывели ячмень и ячменную мякину за рамки вычислений (рис. 6).

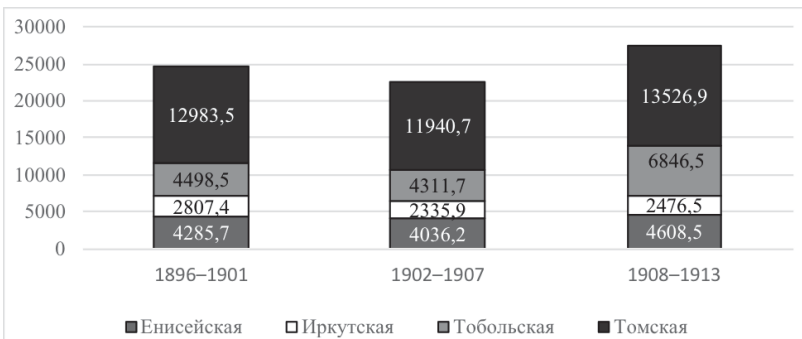

Рис. 6. Дефицит мякины в губерниях Сибири, 1896–1913 гг. (тыс. пудов)

Исходя из нормы Нагнибеды, получим, что по периодам в Енисейской губернии была обеспечена мякиной следующая доля поголовья: 24,8%, 33,8%, 29,6%. В среднем несколько более высокие показатели демонстрирует Иркутская губерния — 27,9%, 33,4% и 32,9%. Поскольку главенствующей в Томской губернии являлась учтенная нами яровая пшеница, посевы которой стабильно росли к 1913 г., итоговые цифры производства мякины выглядят закономерно высокими — 36,3%, 44%, 53,4%. Наконец, наиболее обеспеченным мякиной было животноводство Тобольской губернии — 57,8%, 61,3% и 56,3% соответственно. При расширении круга культур, учитываемых коэффициентами, доля обеспеченности, очевидно, должна быть существенно скорректирована.

ТЕОРИЯ

Итак, на рубеже веков животноводство сибирских губерний не было обеспечено ни одной из разновидностей кормов в достаточных объемах (за исключением эпизодических случаев в отдельных губерниях). В подавляющем большинстве на данных урожайной статистики ЦСК прослеживается острый дефицит, свидетельствующий в пользу того, что зерновое производство оказывалось неспособным удовлетворить даже минимальные потребности животноводства. Существует несколько возможных интерпретаций полученных результатов, каждый из них требует последующей детальной проработки. Сейчас лишь тезисно обозначим их.

Первый вариант основан на полном доверии к цифровым итогам и, следовательно, к данным ЦСК. Тогда, если присовокупить к систематическому недостатку кормов такой фактор, как условия зимнего содержания, становится ясно, почему «за зиму крупный рогатый скот худел так сильно, что весной он не мог подниматься без посторонней помощи» (Пронин, 1978: 100). По-видимому, кормовые фонды пополнялись за счет запасов продовольственного зерна и картофеля, что негативно сказывалось на фондах продовольственных запасов населения. Важно, кроме того, помнить о том, что в ветеринарной статистике МВД недоучтен молодняк до 1 года, а следовательно, полученные результаты несколько завышены.

Вторая интерпретация проистекает из наличия веских оснований полагать, что статистика ЦСК (во всяком случае в губерниях Сибири) была неточна, ввиду, во-первых, вполне очевидной приблизительности значений площадей луговых покосов, а во-вторых, ввиду того, что комитетская статистика в принципе вела учет одних лишь луговых покосов. В то же время в Сибири повсеместными были степные, таежные, болотные и др. покосы. Первое отчасти подтверждается данными Переселенческого управления ГУЗиЗ, собранными в 1913 г. через волостные правления (за исключением Иркутской губернии). Полученные значения площадей в различной по губерниям мере были выше комитетских: в Тобольской губернии — на 1% (1308,6 тыс. десятин против 1325,6 тыс. десятин), в Енисейской губернии — на 97% (444,4 тыс. десятин против 873,0 тыс. десятин), в Томской — на 140% (2780,6 тыс. десятин против 6683,3 тыс. десятин). При этом П.П. Румянцев, один из ведущих статистиков Переселенческого управления ГУЗиЗ, признавал их более надежными, нежели собранные через те же волостные правления, но выборочным методом, данные ЦСК (Румянцев, 1914: 21). Есть основания для подозрений и в отношении параметров валовых сборов соломы — прежде всего из-за приблизительности значений подесятинных сборов (Фортунатов, 1893: 21).

Поскольку корреспондентская база Департамента земледелия в сибирских губерниях (пожалуй, за исключением Тобольской) была слишком слаба и крайне неравномерно распределялась

по уездам, для верификации полученных результатов необходимо пользоваться теми немногочисленными сборниками текущей сельскохозяйственной статистики, которые издавались на местах. К сожалению, к текущему моменту таковых было выявлено всего три, характеризующих ситуацию в Енисейской (Головачев, 1901: 27–29) и Томской губерниях (Окулич, 1900: 4–5; Солдатов, 1902а: 24). Однако и этот вариант не дает исчерпывающих ответов ввиду того, что взятые нами за основу нормы относятся к хозяйственному году целиком.

Наконец, вытекающая из вышесказанного третья возможная интерпретация — недостаточная релевантность привлеченных коэффициентов.

Библиография

- Бажаев В.Г.* (1896). Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1895 год: составлен по сведениям, полученным от добровольных корреспондентов. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина.
- Бардина П.Е.* (2009). Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск: Изд-во «Контекст».
- Белов И.* (1852). Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М.: Тип. А. Семена.
- Борзунов В.Ф.* (1962). Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. (1900–1914) // Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», май 1960 г. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 160–186.
- Бюджеты крестьян Сибирского края в 1923–1924 году (1925). Ново-Николаевск: Сибирское краевое статистическое бюро.
- Власюк П.А., Кочина О.А.* (1970). Гречиха // Физиология сельскохозяйственных растений. Т. VI. Зернобобовые растения. Многолетние травы. Хлебные злаки (рожь, ячмень, овес, просо) и гречиха / Под ред. Н.С. Турковой. М.: Издательство Московского университета. С. 617–633.
- Генри В.А.* (1911). Корма и кормление: Руководство для учащихся и животноводов / Пер. с англ. СПб.: Типография «Сельского вестника».
- Головачев Д.М.* (1900). Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1899 год: Урожай хлебов и трав по предварительным сведениям, полученным от корреспондентов Красноярского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Красноярск: Енисейская губернская типография.
- Головачев Д.М.* (1901). Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за первую половину 1900–1901 года. Виды на урожай хлебов и трав к 1 июля 1901 года по сведениям, полученным от корреспондентов Красноярского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Красноярск: Енисейская губернская типография.
- Горюшкин Л.М.* (1967). Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX). Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение.
- Грюнберг Х.К.* (1916). Правильное кормление молочного скота // Сибирское сельское хозяйство. № 11–12. С. 215–219.
- Данные о железнодорожных перевозках хлебных грузов, сборе хлебов в России, вывозе их за границу, ценах на разные хлеба и фрахтах на хлебные грузы: 1909 г. (1909). СПб.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов.

- Денисов И.П. (1912). География Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губ. тип. Дубенский А. (1913). Использование мякины в хозяйстве // В помощь хозяину. № 2. С. 5–7.
- Иванов С.И. (1912). Овцеводство в Алтайском округе Томской губ. в связи с основными промыслами населения — шерстобитно-пимокатным и овчинно-шубным. Барнаул: «Алтайское печатное дело».
- Иванцов Д.Н. (1915). К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума (отделение).
- Карельских А.А. (1924). Через школу к организации крестьянского хозяйства. Методическое руководство для учащихся деревенских школ и школ крестьянской молодежи. 2-е изд. М.: Работник просвещения.
- Ковригин М.П. (1903). Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 году и размеры продовольственной нужды в 10 селениях Покровской волости Барнаульского уезда // Алтайский сборник. Т. 5. Барнаул: Типо-лит. Главного управления Алтайского округа. С. 115–132.
- Коношенко И.И. (1923). Молочное хозяйство и кормовой вопрос в Енисейской губернии. Красноярск: Тип. Енисейского губсоюза кооперативов.
- Кузнецов И.А. (2012). Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 190–228.
- Кярк А.А. (1915). Как следует скармливать озимую солому. Пг.: Тип. Тренке и Фюсно.
- Лохтин П. (1901). Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами: Итоги к XX веку. М.: Тип. Министерства путей сообщения.
- Людоговский А.П., Стебут И.А., Чернопяттов И.Н., Фадеев А.А. (1876). Настольная книга для русских сельских хозяев. Т. 2. СПб.: Издание А.Ф. Девриена.
- Максимов С. (1987). Куль хлеба: Рассказы и очерки. Л.: Лениздат.
- Нагнибеда В.Я. (1917). Томская губерния: статистический очерк. Томск: Типография В.М. Перельман, 1917.
- Нагнибеда В.Я. (1920). Томская губерния: статистический очерк. Вып. 1. 2-е доп. изд. Томск: Народная типография № 3.
- Неручев М. (1900). Урожайные данные и их исчисление в продовольственных интересах // Народное хозяйство. Кн. 2. С. 23–35.
- Неручев М. (1910). Использование данных об урожае // Экономист России. № 11. С. 4–6.
- Нефедов С.А. (2017). Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Окулич И.К. (1896). К исследованию рогатого скота Красноярского округа Енисейской губернии. СПб.: Тип. В. Демакова.
- Окулич И.К. (1900). Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1899 год. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина.
- Островский А.В. (2013). Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторак.
- Островский А.В. (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторак.
- Писарев В.Е. (1915). Семенной материал крестьянских хозяйств Иркутской губернии: Отчет по обследованию 1913–1914 гг. Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина и В.М. Посохина.
- Порываев А.М. (1927). Виновата ли сибирская корова в низких урожаях. Новосибирск: Издание Сибмасслосоюза.
- Пронин В.И. (1977). Динамика уровня земледельческого производства Сибири во второй половине XIX — начале XX века // История СССР. № 4. С. 58–75.
- Пронин В.И. (1978). Скотоводство в Сибири в XIX — начале XX в. (к статистике вопроса) // Бородавкин А.П., Храмов А.А. (ред.). Из истории Алтая. Томск: Изд-во Томского университета. С. 95–129.

- Пронин В.И.* (1989). Губернаторские отчеты как источник для изучения аграрного рынка Сибири XIX в. // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. С. 12–27.
- Пудовиков В.Е.* (1897). Вопросы сельскохозяйственной жизни Томской губернии: доклад. Томск: Тип. Н.Я. Беляева.
- Путинцев Н.Д.* (1892). Статистический очерк Томской губернии. Отчет по командированию представителем Военного министерства в экспедицию для изыскания Западно-Сибирской железной дороги. Самара: Типо-литография Н.А. Жданова.
- Румянцев П.П.* (1914). Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики (Районы: Тургайско-Уральский, Акмолинский, Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский). Год первый. СПб.: Типо-литография «Экономия».
- Рыбников А.А.* (1926). Критика довоенных данных о льноводстве и современность // Лепенька. № 3. С. 8–15.
- Скалозубов Н.Л.* (1906). О свиноводстве в Тобольской губернии. Тобольск: Типография братства.
- Скалозубова А.В., Скалозубов Н.Л.* (1895). Урожай хлебов в Тобольской губернии в 1894 году и краткие сведения о состоянии сельского хозяйства осенью того же года, по отзывам добровольных корреспондентов. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления.
- Скалозубова А.В., Скалозубов Н.Л.* (1896). Обзор Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении за летний и осенний периоды 1895 г. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления.
- Солдатов В.В.* (1902а). Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1901 год. Весенний период (по данным текущей статистики). Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина.
- Солдатов В.В.* (1902б). Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1901 год. Летний и осенний периоды (по данным текущей статистики). Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина.
- Стебут И.А.* (1883). Обеспечение скота кормовыми средствами в средней черноземной полосе России // Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию: 1857–1882 гг. М.: Издание книгопродавца А.Л. Васильева. С. 270–358.
- Степанов А.П.* (1835). Енисейская губерния. СПб.: Типография Конрада Вингебера.
- Томилов Н.А.* (2001). Русские Нижнего Притомья (конец XIX — первая четверть XX в.). Омск: Издательство Омского педагогического университета.
- Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.* Т. LIV. Енисейская губерния (1903). СПб.
- Тюкавкин В.Г.* (1966). Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.
- Фортунатов А.* (1893). Урожайи ржи в Европейской России. СПб.: Тип. М.Г. Волчанинова.
- Фридолин С.П., Юрмалиат А.П.* (1913). Молочный скот и молочное хозяйство: Руководство для небольших хозяйств, составленное по лекциям-беседам, читанным авторами на краткосрочных курсах по скотоводству и молочному хозяйству в деревнях. Ч. 1–2. СПб.: Издание А.Ф. Девриена.
- Чаянов А.* (1912). Как питается, как одевается и как живет русский крестьянин // Журнал земледельца. № 12. С. 3–11.
- Чаянов А.* (1929). Бюджетные исследования: История и методы. М.: Новый агроном.
- Швецов С.П.* (1899). Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 году. Барнаул: Типо-литография при Главном управлении Алтайского округа.
- Экономический справочник по Томской губернии за 1920–21 г.* (1921). Томск: Томский губернский отдел Государственного издательства.

Юферев В. (1908). Пищевое довольствие переселенцев // Вопросы колонизации. № 3. С. 158–184.

Янсон Ю.Э. (1880). Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 2: Промышленность и торговля. Отд. 1: Статистика сельского хозяйства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.

Wheatcroft S.G. (1980). Grain Production and Utilisation in Russia and the USSR before Collectivisation. PhD Thesis. Birmingham: University of Birmingham.

Grain production in the provinces of Siberia (in the late 19th — early 20th centuries). On the relative indicators of yield statistics developed by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs

Vladislav O. Afanasev, Junior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaision@gmail.com

The article considers the relative indicators of yield statistics developed by the Central Statistical Committee (CSC), based on the data from four Siberian provinces — Yenisei, Irkutsk, Tobolsk and Tomsk — for 1896–1913. The author analyzes food norms in the pre-revolutionary statistical literature and practice, and unifying coefficients for cereals, explains the need for such indicators, presents and examines the rows of per capita yields for each of the Siberian provinces. Based on the comparisons with the current statistics consisting of voluntary correspondents' answers, the author questions the reliability of the CSC's data. The article also considers the number of livestock in the Siberian provinces, possible methods and techniques for summing up the number of different types of livestock, and the fodder norms and sets presented in the literature. The author describes features of the production of basic feeds as recorded by the yield statistics of the CSC (potatoes, hay, straw, feed grain) and as calculated with the production indicators based on the CSC's statistical data and expert estimates (cake, chaff). Yearly data on livestock and feed production is grouped into six-year periods, from which averages are calculated for comparison. The author provides several interpretations of the results related to the reliability of the CSC's crop statistics and to the possibility of its use in further historical research.

Key words: agrarian history, per capita yields, Siberia, statistics of animal husbandry, yields statistics

References

Bardina P.E. (2009) *Byt i hozyajstvo russkikh sibiryakov Tomskogo kraja* [Life and Economy of the Russian Siberians in the Tomsk Region], Seversk: Kontekst.

Bazhaev V.G. (1896) *Kratky sel'skohozyajstvenny obzor Tomskoj gubernii za 1895 god: sostavlenn po svedeniyam, poluchennym ot dobrovolnykh korrespondentov* [A Brief Agricultural Survey of the Tomsk Province for 1895: Compiled from the Data of Voluntary Correspondents], Tomsk: Parovaya Tipolitografiya P.I. Makushina.

Belov I. (1852) *Putevye zametki i vpechatleniya po Zapadnoj Sibiri* [Travel Notes and Impressions from Western Siberia], Moscow: Tipografiya A. Semena.

Borzunov V.F. (1962) *Vliyaniye Transsibirskoy magistrali na razvitie sel'skogo hozyajstva Sibiri i Dalnego Vostoka v nachale XX v. (1900–1914)* [The impact of the Trans-Siberian Railway on the development of the rural economy of Siberia and the Far East in

- the early 20th century (1900–1914)]. *Osobennosti agrarnogo stroya Rossii v period imperializma. Materialy sessii Nauchnogo soveta po probleme "Istoricheskie predposylki Velikoj Oktyabrskoj socialisticheskoj revolyutsii"*, maj 1960 g., Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 160–186.
- Byudzhetny krestyan Sibirskogo kraja v 1923–1924 godu [Peasant Budgets in the Siberian Region in 1923–1924] (1925), Novo-Nikolaevsk: Sibirskoe kraevoe statisticheskoe byuro.
- Chayanov A. (1912) Kak pitaetsya, kak odevaetsya i kak zhivet russky krestyanin [How the Russian peasant eats, dresses and lives]. *Zhurnal Zemledeltsa*, no 12, pp. 3–11.
- Chayanov A. (1929) *Byudzhetnye issledovaniya: Istoriya i metody* [Budget Studies: History and Methods], Moscow: Novy agronom.
- Dannye o zheleznodorozhnyh perevozkah hlebnyh gruzov, sbore hlebov v Rossii, vyvoze ih za granitsu, tsenah na raznye hleba i frahtah na hlebnye gruzy: 1909 g.* [Data on Railway Transportation of Grain, Collection of Grain in Russia, Its Export, Prices for Grain and Freight for Grain Cargo] (1909), Saint Petersburg: Tipografiya redaktsii periodicheskikh izdanij Ministerstva finansov.
- Denisov I.P. (1912) *Geografiya Enisejskoj gubernii* [Geography of the Yenisei Province], Krasnoyarsk: Yenisejskaya gubernskaya tipografiya.
- Dubensky A. (1913) Ispolzovanie myakiny v hozyajstve [The use of chaff in the economy]. *V pomoshch hozyainu*, no 2, pp. 5–7.
- Ekonomichesky spravochnik po Tomskoj gubernii za 1920–21 g.* [Economic Handbook of the Tomsk Province for 1920–21] (1921), Tomsk: Tomsky gubernsky otdel Gosudarstvennogo izdatelstva.
- Fortunatov A. (1893) *Urozhai rzhi v Evropejskoj Rossii* [Rye Yield in European Russia], Saint Petersburg: Tipografiya M.G. Volchaninova.
- Fridolin S.P., Yurmaliat A.P. (1913) *Molochny skot i molochnoe hozyajstvo: Rukovodstvo dlya nebolshih hozyaev, sostavlennoe po lektsiyam-besedam, chitannym avtorami na kratkosrochnyh kursah po skotovodstvu i molochnomu hozyajstvu v derevnyah* [Dairy Cattle and Dairy Husbandry: A Smallholder's Handbook Based on Lectures-Conversations Given by Authors at the Short Courses on Animal and Dairy Husbandry in Villages], ch. 1–2, Saint Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
- Genri V.A. (1911) *Korma i kormlenie: Rukovodstvo dlya uchashchihsya i zhivotnovodov* [Feed and Feeding. A Guide for Students and Cattle-Breeders], Saint Petersburg: Tipografiya "Selskogo vestnika".
- Golovachev D.M. (1900) *Selskohozyajstvenny obzor Enisejskoj gubernii za 1899 god: Urozhaj hlebov i trav po predvaritelnyim svedeniyam, poluchennym ot korrespondentov Krasnoyarskogo otdela Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva selskogo hozyajstva* [An Agricultural Survey of the Yenisei Province for 1899: Grain and Grass Yields According to the Preliminary Data from Correspondents of the Krasnoyarsk Department of the Imperial Moscow Society of Agriculture], Krasnoyarsk: Yenisejskaya gubernskaya tipografiya.
- Golovachev D.M. (1901) *Selskohozyajstvenny obzor Enisejskoj gubernii za pervuyu polovinu 1900–1901 goda. Vidy na urozhaj hlebov i trav k 1 iyulya 1901 goda po svedeniyam, poluchennym ot korrespondentov Krasnoyarskogo otdela Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva selskogo hozyajstva* [An Agricultural Survey of the Yenisei Province for the First Half of 1900–1901. Forecasts for Grain and Grass Harvest by July 1, 1901 According to the Data from Correspondents of the Krasnoyarsk Department of the Imperial Moscow Society of Agriculture], Krasnoyarsk: Yenisejskaya gubernskaya tipografiya.
- Goryushkin L.M. (1967) *Sibirskoe krestyanstvo na rubezhe dvykh vekov (konets XIX — nachalo XX)* [Siberian Peasantry on the Edge of Two Centuries (Late 19th–Early 20th Century)], Novosibirsk: Izdatelstvo "Nauka", Sibirskoe otdelenie.
- Gryunberg Kh.K. (1916) *Pravilnoe kormlenie molochnogo skota* [Proper Feeding of Dairy Cattle]. *Sibirskoe selskoe hozyajstvo*, no 11–12, pp. 215–219.

- Ivanov S.I. (1912) *Ovtsevodstvo v Altajskom okruge Tomskoj gub. v svyazi s osnovnymi promyslami naseleniya — sherstobitno-pimokatnym i ovchinno-shubnym* [Sheep Breeding in the Altai District of the Tomsk Province as Related to the Main Peasant Works — Wool-Carding and Sheepskin-Fur], Barnaul: "Altajskoe pechatnoe delo.
- Ivantsov D.N. (1915) *K kritike russskoj urozhajnoj statistiki. Opyt analiza nekotorykh ofitsialnykh i zemskikh tekushchikh dannnykh* [On Criticism of the Russian Yield Statistics. Analysis of Some Current Official and Zemstvo Data], Petrograd: Tipografiya V.F. Kirshbauma (otdelenie).
- Karelskih A.A. (1924) *Cherez shkolu k organizatsii krestyanskogo hozyajstva. Metodicheskoe rukovodstvo dlya uchashchih derevenskih shkol i shkol krestyanskoj molodezhi* [From School to the Organization of the Peasant Economy. A Methodological Guide for Teachers of Village Schools and Schools for Peasant Youth], 2-e izd., Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Konoshenko I.I. (1923) *Molochnoe hozyajstvo i kormovoj vopros v Enisejskoj gubernii* [Dairy Husbandry and Fodder Question in the Yenisei Province], Krasnoyarsk: Tipografiya Yenisejskogo gubsoyuzha kooperativov.
- Kovrigin M.P. (1903) *Neurozhaj hlebov v yugo-zapadnoj chasti Altajskogo okruga v 1900 godu i razmery prodovolstvennoj nuzhdy v 10 seleniyah Pokrovskoj volosti Barnaulskogo uezda* [Poor harvest of grain in the Southwest Altai District in 1900, and the need for food in 10 villages of the Pokrovsk volost of the Barnaul uyezd]. *Altajskij sbornik*, vol. 5, Barnaul: Tipo-litografiya Glavnogo upravleniya Altajskogo okruga, pp. 115–132.
- Kuznetsov I.A. (2012) *Russkaya urozhajnaya statistika 1883–1915 gg.: istochnik v kontekste istoriografii* [Russian yields statistics for 1883–1915: Sources of data in historiography]. *Ekonomicheskaya istoriya*, Moscow: ROSSPEN, pp. 190–228.
- Kyark A.A. (1915) *Kak sleduet skarmlivat ozimuyu solomu* [How to Use Winter Straw as Cattle Feed], Petrograd: Tipografiya Trenke i Fyusno.
- Lokhtin P. (1901) *Sostoyanie selskogo hozyajstva v Rossii sravnitelno s drugimi stranami: Itogi k XX veku* [The State of Agriculture in Russia as Compared to Other Countries: Results of the 20th Century], Moscow: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya.
- Lyudogovskiy A.P., Stebut I.A., Chernopyatov I.N., Fadeev A.A. (1876) *Nastolnaya kniga dlya russkikh selskikh hozyaev* [Handbook for Russian Farmers], vol. 2, Saint Petersburg.: Izdanie A.F. Devriena.
- Maksimov S. (1987) *Kul hleba: Rasskazy i ocherki* [Sack of Bread: Stories and Essays], Leningrad: Lenizdat.
- Nagnibeda V.Ya. (1917) *Tomskaya guberniya: statistichesky ocherk* [Tomsk Province: A Statistical Essay], Tomsk: Tipografiya V.M. Perelman.
- Nagnibeda V.Ya. (1920) *Tomskaya guberniya: statistichesky ocherk* [Tomsk Province: A Statistical Essay], no 1, 2-e dop. izd., Tomsk: Narodnaya tipografiya no 3.
- Nefedov S.A. (2017) *Uroven zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godah* [Living Standards and Agrarian Development of Russia in 1900–1940], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.
- Neruchev M. (1900) *Urozhajnye dannye i ih ischislenie v prodovolstvennyh interesah* [Crop data and its calculations in food interests]. *Narodnoe hozyajstvo*, no 2, pp. 23–35.
- Neruchev M. (1910) *Ispolzovanie dannyh ob urozhae* [The use of crop data]. *Ekonomist Rossii*, no 11, pp. 4–6.
- Okulich I.K. (1896) *K issledovaniyu rogatogo skota Krasnoyarskogo okruga, Enisejskoj gubernii* [On the Study of Cattle in the Krasnoyarsk District of the Yenisei Province], Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova.
- Okulich I.K. (1900) *Kratky selskohozyajstvenny obzor Tomskoj gubernii za 1899 god* [A Brief Agricultural Survey of the Tomsk Province for 1899], Tomsk: Parovaya Tipo-litografiya P.I. Makushina.
- Ostrovskiy A.V. (2013) *Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX — nachale XX vekov* [Grain Production in European Russia in the Late 19th–Early 20th Century], Saint Petersburg: Poltorak.

- Ostrovsky A.V. (2014) *Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX — nachale XX vekov* [Animal Husbandry in European Russia in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg: Poltorak.
- Pisarev V.E. (1915) *Semennoj material krestyanskih hozyajstv Irkutskoj gubernii* [Seeds of Peasant Farms in the Irkutsk Province], Irkutsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina.
- Poryvaev A.M. (1927) *Vinovata li sibirskaya korova v nizkih udoyah* [Is the Siberian Cow to Blame for the Low Milk Yields], Novosibirsk: Izdanie Sibmaslosoyuza.
- Pronin V.I. (1977) *Dinamika urovnya zemledelcheskogo proizvodstva Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka* [Dynamics of the agricultural production in Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Istoriya SSSR*, no 4, pp. 58–75.
- Pronin V.I. (1978) *Skotovodstvo v Sibiri v XIX — nachale XX vv.* [Cattle breeding in Siberia in the 19th — early 20th century]. A.P. Borodavkin, A.A. Khramkov (Eds.). *Iz istorii Altaya*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, pp. 95–129.
- Pronin V.I. (1989) *Gubernatorskie otchety kak istochnik dlya izucheniya agrarnogo rynka Sibiri XIX veka* [Governor's reports as a source of data for the study of the Siberian agrarian market in the 19th century]. *Istochniki po istorii osvoeniya Sibiri v period kapitalizma*, Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, pp. 12–27.
- Pudovikov V.E. (1897) *Voprosy selskohozyajstvennoj zhizni Tomskoj gubernii: doklad* [Issues of the Agricultural Life in the Tomsk Province: A Report], Tomsk: Tipografiya N.Ya. Belyaeva.
- Putintsev N.D. (1892) *Statistichesky ocherk Tomskoj gubernii. Otchet po komandirovaniyu predstavitelem Voennogo ministerstva v ekspeditsiyu dlya izyskaniya Zapadno-Sibirskoj zheleznoj dorogi* [A Statistical Essay about the Tomsk Province. A Report of the Appointed Representative of the War Ministry on the Expedition to Study the West-Siberian Railway], Samara: Tipo-litografiya N.A. Zhdanova.
- Rumyantsev P.P. (1914) *Obzor selskohozyajstvennoj zhizni zaselyaemykh rajonov Aziatskoj Rossii za 1913 god po dannym pereselencheskoj tekushchej statistiki (Rajony: Turgajsko-Uralsky, Akmolinsky, Tobolsky, Tomsky, Yenisejsky i Irkutsky)* [A Survey of the Agricultural Life on the Settled Areas of Asiatic Russia in 1913 Based on the Current Migration Statistics (Districts: Turgaisko-Uralsky, Akmola, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk)], god pervy, Saint Petersburg: Tipo-litografiya "Ekonomiya".
- Rybnikov A.A. (1926) *Kritika dovoennykh dannykh o Inovodstve i sovremennost* [Criticism of the pre-war data on the flax production and the present time]. *Lyon-penka*, no 3, pp. 8–15.
- Shvetsov S.P. (1899) *Materialy po issledovaniyu mest vodvoreniya pereselentsev v Altajskom okruge. Rezultaty statisticheskogo issledovaniya v 1894 godu* [Research Data on the Settlements of Immigrants in the Altai District. Results of the Statistical Study in 1894], Barnaul: Tipo-litografiya pri Glavnom upravlenii Altajskogo okruga.
- Skalozubov N.L. (1906) *O svinovodstve v Tobolskoj gubernii* [On Pig Breeding in the Tobolsk Province], Tobolsk: Tipografiya bratstva.
- Skalozubova A.V., Skalozubov N.L. (1895) *Urozhaj hlebov v Tobolskoj gubernii v 1894 godu i kratkie svedeniya o sostoyanii selskogo hozyajstva oseniyu togo zhe goda, po otzyvam dobrovolnykh korrespondentov* [Grain Yields in the Tobolsk Province in 1894, and Brief Information on the State of Agriculture in the Fall of the Same Year, Based on the Voluntary Correspondents' Reports], Tobolsk: Tipografiya Tobolskogo gubernskogo pravleniya.
- Skalozubova A.V., Skalozubov N.L. (1896) *Obzor Tobolskoj gubernii v selskohozyajstvennom otnoshenii za letny i osenny periody 1895 g.* [A Survey of Agriculture in the Tobolsk Province for the Summer and Autumn of 1895], Tobolsk: Tipografiya Tobolskogo gubernskogo pravleniya.
- Soldatov V.V. (1902a) *Kratky selskohozyajstvenny obzor Tomskoj gubernii za 1901 god. Vesenny period (po dannym tekushchej statistiki)* [A Brief Agricultural Survey of the Tomsk Province for 1901. Spring (Based on the Current Statistics)], Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.

В.О. Афанасенков
Зерновое произ-
водство губер-
ний Сибири (ко-
нец XIX — начало
XX в.)...

- Soldatov V.V. (1902b) *Kratky selskohozyajstvenny obzor Tomskoj gubernii za 1901 god. Letny i osenny periody (po dannym tekushchej statistiki)* [A Brief Agricultural Survey of the Tomsk Province for 1901. Summer and Autumn (Based on the Current Statistics)], Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
- Stebut I.A. (1883) *Obespechenie skota kormovymi sredstvami v srednej chernozemnoj polose Rossii* [Providing Livestock with Fodder in the Middle Black-Earth Region of Russia]. *Statii o russkom selskom hozyajstve, ego nedostatkah i merah k ego usovershenstvovaniyu: 1857–1882 gg.*, Moscow: Izdanie knigoprodavtsa A.L. Vasileva, pp. 270–358.
- Stepanov A.P. (1835) *Yenisejskaya guberniya* [Yenisei Province], Saint Petersburg: Tipografiya Konrada Vingebera.
- Tomilov N.A. (2001) *Russkie Nizhnego Pritomya* [Russians of the Lower Tom Region], Omsk: Izdatelstvo Omskogo pedagogicheskogo universiteta.
- Trudy mestnyh komitetov o nuzhdah selskohozyajstvennoj promyshlennosti* [Proceedings of the Local Committees on the Needs of Agriculture], vol. LIV. Yenisejskaya guberniya (1903), Saint Petersburg.
- Tyukavkin V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian Village on the Eve of the October Revolution], Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Vlasyuk P.A., Kochina O.A. (1970) Grechikha [Buckwheat]. Turkova N.S. (Ed.). *Fiziologiya selskohozyajstvennyh rastenij*, vol. 6, Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, pp. 617–633.
- Wheatcroft S.G. (1980) Grain Production and Utilization in Russia and the USSR before Collectivization. PhD Thesis, Birmingham: University of Birmingham.
- Yanson Yu.E. (1880) *Sravnitel'naya statistika Rossii i zapadnoevropejskih gosudarstv* [Comparative Statistics of Russia and Western-European States], vol. 2, Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
- Yuferev V. (1908) Pishchevoe dovolstvie pereselentsev [Food supplies of immigrants]. *Voprosy kolonizatsii*, no 3, pp. 158–184.

К 90-летию коллективизации Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР

И.А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РАНХиГС. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repwtjwd68@mail.ru

В статье рассматриваются историографические проблемы изучения причин и факторов, обусловивших процесс коллективизации сельского хозяйства в СССР в 1930-е годы. Статья носит обзорный характер и имеет целью систематизацию накопленного в российской научной исторической литературе материала и авторских наблюдений над историческими источниками. Выделяется комплекс предпосылок коллективизации. Внешние по отношению к крестьянству (деревне, сельскому хозяйству) предпосылки объясняют мотивы политического выбора, сделанного советским правительством на рубеже 1920-х — 1930-х годов в пользу данной политики. Внешние распадаются на доктринальные и прагматические. Доктриной, обусловившей курс на коллективизацию, был социализм. В статье определяется место радикальной коммунистической идеи большевиков в ряду других социалистических проектов объединения крестьян в производственные коллективы, которые существовали в России начиная с последней четверти XIX века. Прагматические предпосылки коллективизации были связаны со стремлением правительства получить сельскохозяйственные ресурсы для индустриализации и милитаризации народного хозяйства СССР в количестве, превышающем возможности рыночного эквивалентного обмена. Коллективизация имела также предпосылки внутри деревенского социума, которые помогают понять, почему данный политический курс смог реализоваться. Среди них автор делает акцент на особенностях менталитета и политической культуры российского крестьянства.

Ключевые слова: аграрная история, коллективизация, социализм, крестьянство, индустриализация в СССР

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-47-69

По количеству написанного историками коллективизацию сегодня можно отнести к числу хорошо разработанных тем отечественной истории. Однако вопрос, «почему в крестьянской стране удалась антикрестьянская политика Сталина», не уходит, возникая в научных и общественных дискуссиях снова и снова (Кондрашин, 2012: 458). Не будучи узким специалистом по данной теме, не углубляясь в историографию, которая требует специального внимания и успешно изучается (Кедров, 2014; Кедров, 2016; Кедров, 2017 и др.), не претендуя на открытие новых источников, но опираясь

на уже известные, в данной статье я попытаюсь предложить свою интерпретацию причин и предпосылок этого исторического события, начавшегося 90 лет назад. Статья носит обзорный характер и представляет взгляд на проблему с «высоты птичьего полета», лишь иногда опускаясь до прорисовки отдельных деталей и акцентированию отдельных вопросов.

Коллективизация в контексте аграрной истории

Коллективизация — это процесс объединения крестьян в производственные коллективы. Осуществленная тотально, в короткий срок в течение 1930-х годов, коллективизация вызвала тектонические сдвиги в сельскохозяйственном производстве, социальной организации и в жизни деревни в целом. Во-первых, она имела следствием исчезновение традиционного крестьянского (семейно-трудового) хозяйства, на месте которого образовались два производственных сектора: крупные хозяйства (колхозы) и мельчайшие (карликовые) личные приусадебные хозяйства колхозников (ЛПХ). Во-вторых, коллективизация положила конец многовековой истории крестьянской общины. В-третьих, она поставила сельское хозяйство, деревню и сельских жителей под контроль государственной власти, контроль настолько плотный и всеобъемлющий, какого не было в предшествующие исторические эпохи. Прежде роль государства сводилась, в сущности, к назначению и взиманию налогов, тогда как объем и характер аграрного производства определялись самими производителями, организация хозяйства — хозяевами, а стоимость продукции и уровень товарности хозяйства — рынком. Причем это относится не только к положению, существовавшему до Революции 1917 года, но, с определенными оговорками, это верно и для крестьянских хозяйств в крепостных имениях, и для собственно помещичьих хозяйств до 1861 года, и для крестьян в период НЭПа. После коллективизации государственная аграрная политика стала основным, если не единственным фактором, определяющим аграрное производство, включая как принципы его организации, управления, так и технико-технологические аспекты, а также уровень изъятия продукции, механизмы его распределения, объемы потребления и почти все стороны сельской жизни в масштабах страны. Иными словами, коллективизация привела к огосударствлению сельской экономики и общества. Тем самым, в-четвертых, она положила начало глубоким переменам в общественном сознании, менталитете, трудовой этике, культуре сельских жителей и всего советского социума.

Оценки коллективизации и ее последствий могут кардинально различаться в зависимости от идеологических позиций и научных убеждений участников дискуссий. Однако в современной историографии накоплено достаточно фактов и наблюдений, позволяющих

по крайней мере аргументированно отклонить некоторые явно неадекватные трактовки.

- Коллективизация происходила добровольно, проводилась самим крестьянством или при поддержке большинства крестьян, а принуждение при создании колхозов было «искривлением» партийной линии и отдельными «перегибами на местах» — это не так. Ближе к истине тезис, что коллективизация была «революцией сверху», которая, вопреки сталинскому утверждению, имела поддержку лишь небольшой части крестьян. Принуждение и насилие были повсеместны, использовались с одобрения властей всех уровней и задавались общей логикой сталинской политики.
- Коллективизация проводилась на основе некоей продуманной программы, имела научно обоснованный организационный план, материально-техническую базу в виде тракторов и другой сельскохозяйственной техники — такой представляется идеальная коллективизация теоретикам коммунизма, но это представление не имеет ничего общего с реальными процессами в СССР 1930-х годов. Подготовка к коллективизации велась главным образом пропагандистски. В экономическом, техническом, организационном плане коллективизация представляла собой экспромт. Производственной базой создававшихся колхозов выступали крестьянский скот, инвентарь и постройки, принципы организации и оплаты труда при создании колхоза были неизвестны ни колхозникам, ни руководителям, севооборот на колхозных полях первые годы, как правило, оставался хаотическим и т. д.
- Коллективизация проводилась государством в интересах крестьянства — для такого утверждения также нет оснований. Навязанная насильно, коллективизация привела к огромным жертвам среди крестьян и разрушениям производительных сил сельского хозяйства. Учитывая масштаб потерь, в современной историографии распространены трактовки коллективизации как военных действий (война государства с крестьянством, продолжение Гражданской войны). Что касается интересов крестьянства, то они были недвусмысленно выражены в момент Революции 1917 года и в годы Гражданской войны — это интересы индивидуального, мелкого частного хозяйства, включенного в рыночную экономику. Разумеется, коллективизация им противоречила.
- Коллективизация вытекала из объективных закономерностей аграрного развития — необходимости укрупнения и модернизации хозяйства. Такой аргумент может иметь некоторую силу лишь в рамках социалистической доктрины. Если же выйти из этих рамок, становится очевидным, что в странах, где у власти не было коммунистических или радикально социалистических правительств, не было и коллективи-

И.А. Кузнецов

Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР

зации. Вне коммунистической политики закономерностью аграрной эволюции является развитие на основе частного хозяйства и рынка, при котором также происходит укрупнение, специализация, кооперация и техническая модернизация сельскохозяйственного производства, однако, как свидетельствует опыт XX века, с меньшими издержками и большей отдачей, нежели в рамках коллективистской модели. Следовательно, коллективизация — это не объективная закономерность, а результат политического выбора.

Из сказанного выше не следует, что единственной причиной коллективизации сельского хозяйства в СССР была политика, проводившаяся коммунистической партией, и что вся история коллективизации есть лишь следствие реализации этой политики. Как всякое крупное историческое событие или явление, коллективизация не сводится к какой-то одной причине, но обуславливается целым комплексом факторов и обстоятельств, сложившимся в данной стране в данное время.

Доктринальные предпосылки коллективизации

Доктринальные предпосылки коллективизации вытекают из основ коммунистической/социалистической теории, уходя корнями, по крайней мере, в XIX век, когда понятия «коммунизм» и «социализм» еще не являлись партийными и нечетко дифференцировались, особенно в русском языке, для которого они выступали заимствованными иностранными словами. Для обозначения коллективного хозяйства в русской литературе могли использоваться различные термины: товарищество, артель, ассоциация, кооператив, коммуна. В любом случае, социализм всегда видел решением «аграрного вопроса» коллективное земледелие как необходимый элемент общей коллективистской организации общества. «Форма, находящаяся для производства теорией трудящихся, есть товарищество. <...> Форма товарищества трудящихся... должна быть признана формой самого успешного производства», — постулировал Н.Г. Чернышевский в 1860 году в статье «Капитал и труд» (цит. по: Творцы кооперации, 1991: 132–133). Убежденность социалистов в превосходстве коллективной формы хозяйства неверно отождествлять с марксизмом. Марксизм являлся лишь частью, хотя и самой авторитетной, более широкого потока социалистической мысли, для которой идеал коллективного земледелия был очевиден и до Карла Маркса, и позже — вне марксизма.

Первые сведения о создающихся в разных губерниях России сельскохозяйственных артелях распространяются в российской печати в 1870-е годы. Они питали надежды социалистов-народников на возможность перестройки массового сознания и хозяйства крестьян уже в обозримом будущем. Как говорилось в «Прибавлении»

к 4-му номеру «Земли и воли»: «...Социалисты чувствуют под собой почву: они действуют во имя народных интересов, желаний, идеалов. За ними масса. Если же масса не поняла их сегодня, то поймет их завтра» (цит. по.: Карпачев, 1991: 208). Таким образом, приход крестьян к социалистическим идеям предполагался гарантированным, но требующим некоторого времени.

На волне «хождения в народ» и моды на социалистические идеи даже официозная «Земледельческая газета» в 1875 году предоставила свои страницы для изложения проекта артельного переустройства крестьян. Автор, скрывшийся под псевдонимом Г.А.В.О., разделял исходный пункт социалистической доктрины: «Не подлежит сомнению, что совокупный труд всегда выгоднее одиночного, и если только можно его организовать благоразумно и на прочных основах, то отдельным личностям невозможно с ним конкурировать» (Г.А.В.О., 1875: 51). Вероятно, автор был не из среды народников-разночинцев, скорее можно предполагать в нем начитанного дворянина-землевладельца, что придает его проекту особый интерес. В отличие от партийных социалистических авторов, которые всегда дистанцировались от ассоциаций с крепостничеством и делали упор на добровольность коллективизма, Г.А.В.О. видел организацию труда в артели по образу крепостного барщинного имения, о чем прямо писал: «Каждый член сельской ассоциации обязуется работать на общество три дня в неделю с своим орудием и лошадей. Он принимает в отношении своего общества те же обязательства, которые он имел во времена господской барщины, то есть если семейство состоит из 4-х рабочих душ, то двое работают на общество, а двое на себя; если же рабочий одиночка, то ему придется работать на общество в неделю всего три дня, остальные три дня он волен работать на себя. Точно так же исполняют свои обязанности и взрослые женщины» (Там же: 53). Отсылка к опыту крепостного хозяйства снова возникала при разъяснении вопроса, кто мог бы стать выборным управляющим: «Между крестьянами найдутся люди опытные и распорядительные по части сельского хозяйства, до сих пор есть между ними такие, которые во время крепостного права служили у помещиков старостами и бурмистрами и отлично заправляли хозяйством» (Там же). Г.А.В.О. выражал «сомнение, чтобы такая сельскохозяйственная артель была когда-либо создана самими крестьянами; сами они никогда не решатся приступить к таким основным преобразованиям своего быта» (Там же: 54). Но из этой трезвой оценки делался не тот вывод, что идею крестьянской артели следует отставить, а тот, что ее воплощение должно стать задачей государства. Обосновывалось это нарастанием кризисных явлений в крестьянском хозяйстве Нечерноземья и необходимостью правительства заботиться об общем благе: «Ввиду же постоянного упадка крестьянского хозяйства и постоянно возрастающих на крестьянах правительственных и частных недоимок, преобразование настоящего их хозяйства есть дело не-

обходимое, не терпящее отлагательства; поэтому вопрос этот делается общим, государственным, и инициативу преобразования должно взять на себя правительство» (Там же: 54). Иными словами, на пути коллективизации уже в 1875 году некоторая часть землевладельческого класса видела решение проблем модернизации хозяйства и крестьянской бедности. При этом переход к коллективизации предполагался возможным только сверху, а само коллективное хозяйство представляло некоей самоуправляющейся барщиной с выборным начальником и уравнительным распределением продуктов труда по душевым земельным наделам.

Экономисты-народники предпочитали видеть в коллективном хозяйстве не повторение барщины, а перспективы развития общины. Предпосылкой для коллективизации в этом варианте считался «корпоративный общинный дух». Н.А. Карышев в своих лекциях студентам Московского университета 1880-х годов так рисовал будущее общинного крестьянства: «Ответ на это дают некоторые, немногочисленные еще пока, правда, общины, прокладывающие новый путь и указывающие на будущее общины, если она не будет поглощена частной собственностью. Я говорю про те общины, которые завели у себя артельную обработку земли сообща — с разделом продуктов между своими членами. В этой форме общины нет более ни принудительной обработки, ни чересполосицы, ни потери массы земли под межниками и дорожками, ни карликовых участков. В ней зато может быть доведено до высшей степени разделение труда, мир может сообща применить улучшенные земледельческие орудия и машины, сообразно степени своей обеспеченности менее и более дорогие, а следовательно, и чистый доход общинных земель должен несомненно увеличиться. Не надо забывать, что для обращения общины передельной в общину артельную необходимо имеется налицо тот корпоративный общинный дух, составляющий характерную черту нашего крестьянства, который едва ли встречается в такой мере у мелких собственников Западной Европы» (Карышев, 1889: 108–109). Тут же задача «введения в общинах артельной обработки» включалась Карышевым в число «ближайших задач русской земельной политики». Отметим, что тезис об общине как предтече колхоза зазвучал в советской историографии с 1960-х годов, против него выступал В.П. Данилов (Кедров, 2019: 16–17).

Попытки коллективизировать крестьян не раз предпринимались в порядке личной инициативы отдельных энтузиастов. Одной из наиболее громких для своего времени была деятельность адвоката Н.В. Левитского по массовой организации крестьянских артелей в Херсонской губернии в середине 1890-х годов. В короткий срок в двух уездах при сочувствии и материальной поддержке местных земских деятелей им было создано более 100 земледельческих артелей. Выработанный им типовой договор членов артели (устав), проникнутый духом равенства и трудовой этики, стал предметом заинтересованного обсуждения в Вольном экономическом обще-

стве¹; о нем писали в прессе, Карышев в 1895 году посвятил его разбору специальную статью в «Русском богатстве» (переиздание: Карышев, 1905: 195–233), что сделало этот эксперимент широко известным в стране. Результаты оказались отрицательными для сторонников идеи колхоза: большинство артелей не просуществовали и года, причем часть их были и вовсе фиктивными. Членство в артели открывало доступ к мелкому кредиту, который артельщики могли получить без залога и даже несмотря на наличие недоимок, что, очевидно, и было единственным стимулом для деревенской бедноты, — подписав артельный договор, крестьяне получали льготный кредит, делили его и расходились. После того как уездное земство облегчило доступ крестьянам к мелкому кредиту, артельное движение сошло на нет (Финал, 1899). Аналогичные явления получили затем распространение в годы НЭПа; в советской печати их называли «лжеколхозами»: крестьяне регистрировали создание коллектива, чтобы использовать в частном порядке различные государственные льготы, установленные для колхозов.

Идейными сторонниками артельного хозяйства были ученые-аграрники и помещики А.Н. Энгельгардт и И.А. Стебут, имевшие огромное влияние на широкие круги интеллигенции своего времени. Первый, будучи в ссылке, хозяйствовал в 1870–1893 годах в деревне Батищево Смоленской губернии, второй — в сельце Кроткое Тульской губернии в 1876–1905 годах, в свободное от основной работы время. Оба успешно вели собственные имения и пытались прививать окрестным крестьянам коллективистские начала. Энгельгардт в конце жизни разочаровался в способности крестьян к артельному труду. Стебут не сдавался и, отойдя в силу преклонного возраста от управления хозяйством, опубликовал в 1906 году свой проект переустройства сельского хозяйства страны на общественных началах, который он вынашивал много лет (Стебут, 1906).

Проект родоначальника московской агрономической школы является, наверное, наиболее серьезным из сочинений такого рода, вышедших на русском языке, и его детальный анализ требует отдельной статьи. Отметим лишь, что в его аргументации делался упор на экономической целесообразности объединения крестьян, так как размер существующего крестьянского хозяйства виделся Стебуту ниже оптимального, а часто и минимального. В его колхозе («общественной хозяйственной единице») предполагалось не полное обобществление, члены имели ЛПХ. Технологические инновации должны были поверяться экономическим расчетом, то есть предполагалось функционирование рыночной экономики. Обращалось внимание на необходимость «приближения» промышленности к селу, совмещения сельского хозяйства с промышленностью,

1. Текст документа см.: <http://library.kr.ua/elib/zemart/zemart2.html> (дата обращения: 20.08.2020)

а в желаемой перспективе виделась страна не с индустриализированным, но скорее с аграризированным народным хозяйством.

В этом пункте стоит отметить близость «общественных хозяйственных единиц» Стебута с community Р. Оуэна — ячейками социальной системы, члены которых соединяли занятие сельским хозяйством с промышленностью. В России такая модель перекликалась с идеалом «народного производства», в котором сельское хозяйство летом гармонично совмещалось бы с промыслами зимой, обеспечивая крестьян работой и доходом круглый год, — его в 1870-х — 1880-х годах активно продвигали В.П. Воронцов и экономисты-народники его круга (Воронцов, 2008: 51–336 и др.). В советское время экономисты-коммунисты также обильно теоретизировали по поводу преодоления различий между городом и деревней на базе различных форм интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, но уже делая упор на приоритет промышленности и города.

Стебут предполагал осуществление своего проекта в масштабах всей страны, в длительной исторической перспективе и сугубо на добровольной основе. При этом он достаточно подробно расписал перечень конкретных мер и шагов, которые должны были бы предпринимать правительство, наука и общественность для подготовки перехода к коллективному земледелию. Между тем к 1906 году в той среде, к которой обращался Стебут, артельные проекты уже выходили из моды. Новым знаменем эпохи была крестьянская кооперация, под которой понимались различные формы частичного коллективизма.

В годы столыпинской реформы, когда крестьянская община в России начала активно разрушаться, а вместе с ней стали таять надежды народников превратить эту форму социальной организации в производственный коллектив, идеи крестьянской кооперации придали народнической мысли второе дыхание. Если вообще правомерно использовать термин «неонародничество», то различие между ним и старым (классическим) народничеством заключается именно в этом: место крестьянской общины в социалистической доктрине заняла крестьянская кооперация. Накануне Первой мировой войны кооперативно-социалистические взгляды охватывали широкие слои российской интеллигенции, политического класса и чиновничества (Кюцонис, 2006; Островский, 2016: гл.7).

Наибольшие трудности в осмыслении деревенской действительности испытывали марксисты. Среди других теоретиков социализма Маркс занимался разработкой «аграрного вопроса», пожалуй, в наименьшей степени, и аграрная часть его доктрины постоянно вызывала разногласия. В картине мира ортодоксального марксиста не было места для крестьянства как такового: крестьянство по мере развития капитализма должно было распадаться на классы буржуазного общества и подвергаться экспроприации. Социализм

в этой парадигме представлял собой индустриальное общество, хозяйство которого базируется на крупных государственных предприятиях, работающих по единому общегосударственному плану; в сельском хозяйстве этому соответствовала модель совхоза. Принять идею колхоза можно было лишь в качестве временной переходной формы к совхозу. В действительности же крестьяне существовали, и в массе своей не только не хотели исчезать, превращаясь в батраков, но и не выказывали ни малейшего стремления к коллективизации. Разрыв между доктриной и действительностью невротизировал марксистов.

В европейской социал-демократии со второй половины 1890-х годов преодоление марксистских комплексов в «аграрном вопросе» пошло путем принятия реальности и прагматизма: в аграрных программах рабочих партий стали появляться пункты о поддержке крестьянской кооперации. В теории это не отменяло коллективизации как цели, но отдаляло ее воплощение. Различные виды кооперативов (кредитные, закупочные, сбытовые, производственные) и их объединения стали рассматриваться социалистическими теоретиками как последовательные стадии кооперирования, проходя которые крестьянское хозяйство и сельское хозяйство страны в целом восходит к все более и более полному обобществлению, без экспроприации. Кажется, впервые модель постепенного перехода от простейших кооперативов к коллективному земледелию была отчетливо сформулирована в работе австрийского социал-демократа Ф. Гертца (Гертц, 1900: 277–293). В России эту идею пропагандировал Карышев (Карышев, 1905: 190–195); позднее в советской и постсоветской историографии она получила известность под псевдонимами «ленинского кооперативного плана» и «бухаринской альтернативы» коллективизации.

В реальности рост кооперации и кооперативных союзов ни в одной стране не привел крестьян в колхоз. Кооперация, по-видимому, вообще не имеет отношения к идее коллективного земледелия, выступая формой экономического взаимодействия субъектов в рыночной среде, надстройкой над частным хозяйством, которую этому хозяйству выгодно строить лишь в определенных обстоятельствах и до определенной степени. В России после Революции это доказывал А.В. Чаянов (Чаянов, 1991: 374–389).

Революция 1917 года привела к власти в России партию радикальных коммунистов, попытавшихся реализовать программу ортодоксального марксизма. Они воспользовались энергией крестьянского бунта, но длительного сосуществования с крестьянством не предполагали. Кооперация виделась им не социалистическим, а буржуазным институтом, поэтому она была огосударствлена и ее организационный аппарат пытались приспособить для нерыночного распределения продуктов в условиях продовольственной монополии. Уже с конца 1918 года на подконтрольных территориях большевики принялись осуществлять коллективизацию путем наса-

ждения коммун и создавать совхозы на базе крупных национализированных имений. Создание посевкомов и попытки обобществления семенного фонда в конце Гражданской войны свидетельствовали о готовности правительства перейти к непосредственному контролю над производством и планированию в сельском хозяйстве даже при номинальном сохранении крестьянского хозяйства. Разрыв между коммунистическим идеалом и действительностью большевики пытались преодолеть отрицанием действительности и насилием, но их сил тогда не хватило. Крестьянские восстания, экономический коллапс и голод 1921–1922 годов вынудили ленинское правительство объявить НЭП.

«Крестьянский Брест» был поражением коммунистической идеи. Это отчетливо поняли экономисты либерального направления (Бруцкус, 1995; Литошенко, 2001). Однако осмысления этого факта в правительственной социалистической мысли не произошло. Хотя Ленин в последних работах, как можно полагать, пытался взять на вооружение «ревизионистскую» идею добровольной крестьянской кооперации как постепенного пути к социалистическому хозяйству, в кругу партийных вождей и рядовых коммунистов эта теория не укоренилась. В идейной борьбе к концу 1920-х годов верх снова взял ортодоксальный марксизм, считавший крестьянство «последним буржуазным классом», без победы над которым не будет социализма. По мере возрождения крестьянского сельского хозяйства и экономического усиления деревни, в среде коммунистов нарастало желание взять у крестьян реванш за поражение «военного коммунизма».

Не исключено, что потенциал идейной эволюции и постепенного уврачевания синдрома Гражданской войны у коммунистов имелся — в 1920-е годы оформлялась группа правых коммунистов и хозяйственных руководителей, освоивших принципы рыночной экономики, а также старых специалистов, агрономов и экономистов умеренно-социалистического направления, — но для реализации этой возможности не хватило времени и политического влияния крестьянства. В условиях диктатуры крестьянство не имело институциональных возможностей влиять на политический курс государства. Марксисты же считали себя партией пролетариата, а не крестьянства, обреченного на исчезновение.

Так или иначе, к моменту начала сплошной коллективизации для всех советских коммунистов, в равной мере как сталинской, так и не-сталинской фракции, было азбучной истиной, что «социалистическая организация общества предполагает организацию крупного обобществленного хозяйства не только в городе, но и в деревне» (Рыков, 1990: 437). С обобществлением и укрупнением связывались надежды на технологическую модернизацию и быстрый рост производства сельскохозяйственной продукции. Иной путь развития — частное хозяйство в условиях рынка — означал капитализм и поэтому был неприемлем.

И.А. Кузнецов

Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР

Экономическая политика большевистского правительства и в годы Гражданской войны, и в годы первых пятилеток являла собой сложный сплав программных установок ортодоксального марксизма с ситуативными решениями задач текущего момента. Это обстоятельство нередко создает трудности для исследователей и не раз служило причиной дискуссий в историографии: какой фактор считать первичным. В частности, существует мнение, что в ходе коллективизации «в действительности все определялось не идеологией, а практикой “социалистического строительства”, которое он (Сталин. — *И.К.*) осуществлял» (Кондрашин, 2012: 465). Вряд ли это верно, ведь если бы не было идеологии, не было бы никакого социалистического строительства, ни в каких-либо, ни без. В чем же состоял прагматизм политики коллективизации? Прежде всего в том, что она решала задачу централизованного изъятия из деревни ресурсов, которые направлялись на индустриализацию.

Политика централизации и государственного вмешательства в хозяйственную жизнь в области закупок и распределения продовольствия началась в России еще в ходе Первой мировой войны. Война разрушала рыночные отношения. Ради снабжения армии, городов и хлебопотребляющих районов Нечерноземья государство постепенно переходило к политике изъятия и распределения продовольствия нерыночными методами: царское правительство с 1915 года устанавливало твердые закупочные цены, в 1916 году ввело нормы обязательной продажи по фиксированным ценам (продразверстку), Временное правительство в 1917 году — хлебную монополию. Большевистское правительство, применяя насилие, лишь последовательно реализовало эту политику и попыталось сделать следующий логический шаг: поставить под государственный контроль и само производство, которое сокращалось. Этого требовали одновременно и ситуация, и коммунистическая доктрина.

Ситуация изменилась в 1921–1922 годах, и, хотя доктрина продолжала требовать перехода к нерыночной экономике с единым государственным планом, большевистское правительство сменило курс. К этому времени руками крестьян было уничтожено помещичье (крупное товарное) хозяйство, политикой продразверстки были уничтожены стимулы к товарному производству в крестьянском хозяйстве, а коллективные формы хозяйства крестьянами были отвергнуты — и голод накрыл уже не столицы, как это было в 1918–1919 годах, но саму деревню в хлебопроизводящих регионах. В переходе к НЭПу прагматизм, безусловно, одержал победу над доктриной.

В течение 1920-х годов правительство постоянно сталкивалось с той же проблемой: как получить больше денег, чем мог дать эквивалентный обмен между крестьянским (частным) сельским хозяй-

ством и государственной промышленностью в рамках рынка. Политика хлебозаготовок, возникавшие на этой почве кризисы НЭПа и фактический возврат к методам продрозверстки к концу 1920-х годов хорошо описаны в работе В.А. Ильиных (Ильиных, 2010). На рубеже 1920-х — 1930-х годов нэповский механизм изъятия был окончательно разбалансирован и сломан, поскольку возросли запросы государства. Требовался капитал для ускоренной индустриализации. Основным сельскохозяйственным ресурсом являлся хлеб, превращаемый государством: а) в питание для рабочих и служащих; б) в средства производства, закупаемые за рубежом на валюту. Вторым ресурсом села выступали люди, превращавшиеся в рабочую силу госпредприятий и строек.

Особенность советской индустриализации заключалась не только в искусственно форсированных темпах, но и в направлении капиталовложений — строились в первую очередь те предприятия и отрасли, которые составляли военно-промышленный комплекс или обеспечивали его функционирование. Иными словами, огромная часть продукции создаваемой новой промышленностью не выходила на рынок, ее заказчиком выступало само государство, а сферой ее конечного потребления должна была стать война. Советскому государству требовалось гораздо больше ресурсов, чем оно могло купить у крестьян, поэтому был взят курс на слом рынка, а затем на создание нового административно-хозяйственного механизма, который позволял бы систематически изымать ресурсы из деревни, без эквивалента и по потребности. Колхозы наряду с совхозами стали важнейшим элементом этого механизма. На них возлагались надежды и в плане повышения производительности сельского хозяйства, и в плане повышения доли изъятия. С этой точки зрения коллективизация имела инструментальное значение. Она виделась необходимой для того промышленного рывка, который осуществлял Сталин в первой пятилетке. Однако остановиться на этой констатации добросовестный историк не может. Для понимания причин коллективизации и оценки ее исторического значения важен вопрос: чем обуславливалась потребность в форсированной милитаризации экономики СССР? Вопрос правомерен, так как ни в момент перехода к коллективизации, ни в годы ее осуществления СССР не вел войны.

В парадигме советской историографии такой вопрос не ставился, поскольку не обсуждался и даже маскировался сам милитаристский характер сталинской индустриализации. Речь шла о преодолении экономической отсталости СССР, о достижении экономической независимости от «капиталистического окружения», о прогрессивности роста рабочего класса и т. д. Применительно к коллективизации подчеркивалась производственная необходимость укрупнения, поскольку мелкий размер крестьянского хозяйства виделся главной причиной технической отсталости.

При этом в явной или неявной форме присутствовало утверждение, что Победой 1945 года страна обязана достижениям первых пятилеток. То есть необходимость подготовки страны к войне служила одним из аргументов для оправдания необходимости сталинского «большого скачка». Однако когда в постсоветской историографии был поставлен вопрос, существовала ли на рубеже 1920-х — 1930-х годов реальная угроза нападения на СССР, которая вынуждала бы правительство к повторению «военного коммунизма», весомых аргументов в пользу положительного ответа историки не нашли.

В современной аграрно-исторической литературе предлагается вернуться к «казалось бы, к уже поверженному в постперестроенной историографии факту о внешней угрозе СССР на рубеже 1920-х — 1930-х годов» (Кондрашин, 2012: 46с). В качестве доказательств наличия внешних угроз предложено два соображения. Первое: «Как же тогда быть с реальным фактом страха Сталина в 1932 г. перед Польшей, вмешательство которой во внутренние дела СССР в случае углубления экономического и политического кризиса на Украине виделось неизбежным? <...> Сама Польская армия в начале 1930-х гг. представляла из себя грозную силу, учитывая состояние Красной Армии и тяжелый внутренний кризис в СССР» (Там же). Второе: «...Протоколы допросов японских генералов, захваченных в плен Советской армией в 1945 г. Из их содержания следует, что Япония готовилась к нападению на СССР, создав в 1931 г. для этого плацдарм в захваченной Маньчжурии. В декабре 1932 г., в пик кризиса хлебозаготовок, Япония отказалась подписать с Советским Союзом пакт о ненападении» (Там же).

Оба соображения представляются неубедительными. Во-первых, военные угрозы, возникшие в 1931–1932 годах по ходу осуществления сталинской коллективизации, даже если они были реальны и весомы, никак не могли служить ее предпосылкой. Тем более такие угрозы, о существовании которых стало известно лишь постфактум в 1945 году. Во-вторых, «реальный факт страха Сталина» характеризует состояние его психики, но не доказывает существование военной опасности для страны. Доводы против существования в период коллективизации внешней угрозы для СССР дает в других работах и сам В.В. Кондрашин. Так, объясняя, почему страны Запада покупали советский хлеб, не обращая внимания на голод в СССР, он пишет: «Главная причина «игнорирования» западными странами голодной трагедии на Украине в предвоенное десятилетие — это экономическая и военная сила СССР, прочность его политического режима, необходимость сохранения с которым нормальных отношений отвечала их национальным интересам» (Кондрашин, 2019: 234). Очевидно, что если в интересах стран Запада было сохранять с СССР нормальные отношения и если эти страны сами опасались военной силы СССР, то предполагать воз-

возможность их нападения на СССР в этот период нет никаких разумных оснований.

Слухи о скором начале войны в 1920-е годы действительно периодически будоражили массовое сознание (Голубев, 2008). Особенно активно они распространялись в деревне. Так, столичные журналисты, совершившие летом 1923 года поездку по воронежской глубинке, застали активно циркулирующие слухи: «Англия объявила войну России (в мае), Франция избрала в цари Николая Николаевича, а вы скрываете»; «на Украине упал святой камень и спрятался»; в другом селении: «а) Война будто уже началась, б) Ленин умер, в) про камень — упал этот камень на то село, где были одни коммунисты, и всех придавило» (Шафир, 1924: 25, 45). Возвращавшиеся с ярмарки крестьяне уверенно отвечали на вопросы о войне: «Вам за счет войны, так это все известно. Уже бои идут. С Румынией. И можно наперед конец сказать». — «Какой?» — «Опасность большая, потому народу воевать надоело...» (Там же: 61). Ожидания войны в крестьянской среде отнюдь не служили средством мобилизации советского патриотизма, а выражали народные чаяния на скорое падение советской власти и избавление от большевистской диктатуры. В этом смысле страх Сталина имел определенные объективные основания, однако ему следовало бояться собственных крестьян, а не военного нападения других государств.

Сталинская индустриализация велась, однако, не ради войны с крестьянством, наоборот, начиная коллективизацию, Сталин шел на риск повторения гражданской войны ради форсирования индустриализации, цель которой для него, очевидно, лежала в иной плоскости — в геополитике. Победа концепции «социализма в одной стране», которую отстаивал Сталин во внутрипартийной борьбе, не означала отказа от надежд на мировую революцию. Она продолжала присутствовать и в деятельности Коминтерна, и в официальной пропаганде, и в общественном сознании 1930-х годов, в котором ее уловил советский романтик Павел Коган, мечтавший «дойти до Ганга» и умереть в боях, «чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя». Изучение внешнеполитических и военных доктрин советского руководства 1930-х годов остается перспективной задачей исторической науки, но и сегодня достаточно ясно, что Красная Армия, оснащенная современным вооружением, опирающаяся исключительно на внутреннюю производственную базу, мыслилась не только и не столько защитой от нападения, но инструментом коммунистической геополитики в широком смысле.

Резкое ускорение индустриализации СССР, очевидно, было связано с началом «Великой депрессии». Мировой экономический кризис, с одной стороны, порождал ожидания новой европейской (мировой) войны, с которой коммунистами связывались надежды на подъем мирового революционного процесса, и Со-

ветский Союз не смог бы остаться в стороне. С другой стороны, кризис означал падение цен и создавал для СССР возможности удешевления импорта оборудования, техники и технологий. Существенно возросла и заинтересованность западного капитала в экономическом сотрудничестве с СССР. Разумеется, кризис обрушил и цены на хлеб, сельхозпродукцию и другие экспортные товары, но этот факт лишь подталкивал советское правительство к увеличению вывоза, чтобы объемом компенсировать падение цен. Хлеб был основным экспортным товаром. Закупки техники совершались в кредит, необходимость их погашения требовала от Сталина гнать хлеб на экспорт в определенные временные интервалы. Отсюда возникали уже многократно цитированные в литературе указания «форсировать вывоз хлеба вовсю», «бешено форсировать вывоз» и т. д., которые Сталин посылал соратникам в период своего отпуска в 1930 году — он спешил опередить выход на европейский рынок американского зерна (Гинцберг, 1999). «Сталину для решения не требующих отлагательств нужд флагманов первых пятилеток требовалось продать за границей два урожая — 1930 и 1931 годов», — считает В.В. Кондрашин (Кондрашин, 2012: 461). С.С. Маслов замечал: «В селе идет безжалостное отчуждение государством зерна — с каждым годом все больше и все строже. В 1931 и 1932 годах власть ищет его, как клад. <...> В свой социалистический поход против крестьянского хозяйства партия двинулась из-за хлеба, как аргonautы древнегреческого мифа отправились в Колхиду за золотым руном. «Зерновая проблема» была единственной, которая волновала ее» (Маслов, 2007: 112, 116). Логично, что основной удар коллективизации, раскулачивания и самых жестоких хлебозаготовок пришелся на самые хлебобродные регионы страны. Они же в 1932–1933 годах оказались эпицентрами голода.

По уточненным расчетам А.П. Бабенышева, использовавшего все имеющиеся демографические источники, повышенная убыль населения СССР из-за коллективизации и вызванного ею голода составила около 10 млн человек, из которых погибли около 5 млн человек: Украина — 1,9 млн; Казахстан — около 1 млн; Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Центрально-Черноземная область и другие районы РСФСР — около 1,2 млн; погибли в ходе раскулачивания и депортаций — 0,7 млн человек; 5,2 млн составили косвенные потери за счет повышения коэффициента смертности из-за ухудшения питания и условий жизни (Максудов, 2010: 394–395). В литературе имеются и более высокие оценки, но они менее обоснованны.

Голод не был повсеместным, жители столиц и крупных промышленных центров его не испытали, ощущая лишь повышенный дефицит продовольствия, голодающие сельские районы оцеплялись войсками и ОГПУ, информация о голоде была секретной (до 1989 года), распространение слухов о нем каралось, сообщения

о нем в иностранной прессе опровергались ТАСС. Сильнейший голод охватил Украину, но что могли видеть, например, жители ее столицы? Бывший рабочий Харьковского паровозостроительного завода А.Т. Иат в 1989 году вспоминал: «Заводской комитет ВЛКСМ всегда после рабочей смены посылал нас в милицию как дружинников. В милиции нас разделяли на группы по 4–6 человек. Одних заставляли рыть яму на кладбище, а других милиционер брал на грузовую машину, и приезжали на улицу, где был коммерческий хлебный магазин, где подбирали человеческие трупы умерших от голода. Милиционер проверял на предмет живой или мертвый и командовал: «Кидайте!» Мы брали за руки и ноги и кидали в кузов, привозили на кладбище, где яма была уже готова... и ехали обратно, уже на другую улицу, к другому магазину. Так мы работали до 24 часов, пока не приходила вторая смена... Всегда к утру в столице Харькове было чисто... С нас брали подписку о неразглашении этой тайны. За это нам платили по целой буханке черного хлеба, и мы были очень довольны этой платой. Это продолжалось примерно до половины мая 1933 года»². Харьковский паровозостроительный завод в это время выпускал быстроходные колесно-гусеничные танки, в частности в 1931–1933 годах изготовил более 600 БТ-2 и перешел на выпуск БТ-5. Сталинская индустриализация была ориентирована на выпуск именно такого рода конечной продукции; миллионы умерших от голода крестьян, по-видимому, следует отнести на счет «издержек» социалистического производства.

Таким образом, коллективизация, помимо доктринальной обусловленности, имела сугубо прикладное значение как средство решения задач индустриализации. При этом надо иметь в виду, что характер самой индустриализации, форсированный и милитаризированный, также был связан с особенностями геополитической доктрины, или, говоря шире, картины мира правящего в СССР слоя. Его нельзя объяснить необходимостью подготовки страны к Великой Отечественной войне, которую тогда никто не мог предвидеть, — в его основе лежали утопические мечты коммунистов о Советском Союзе «от Японии до Англии» с Гангом в придачу.

Крестьянский менталитет и институциональные предпосылки коллективизации

В Революции 1917 года присутствовала мощная составляющая крестьянского движения, что позволяет историкам говорить о ней как о Крестьянской революции. Однако с этой точки зрения правомерен вопрос: почему аграрная революция 1917 года не приве-

2. Архив газеты «Сельская жизнь», копия — личный архив автора.

ла к реализации крестьянских идеалов, но была использована для индустриализации? Почему в 1921 году крестьянское сопротивление заставило большевиков отказаться от коммунистической политики, а в начале 1930-х этого не произошло? Хотя сопротивление коллективизации было сильным (Виола, 2010; Ивницкий, 1996: 148–163 и др.). Объяснения, что у крестьян не было оружия, Красная Армия была изолирована от деревни, а в деревне коллективизация имела опору из активистов и молодежи (Кондрашин, 2012: 462) представляются верными, но последний тезис требует углубления.

Опыт чтения писем, приходивших в середине 1920-х годов из деревни в редакцию «Крестьянской газеты» (Литвак, 1994; Кузнецов, 1999), позволяет сделать ряд наблюдений. Во-первых, со страниц писем встает образ неизбывной деревенской бедности. Во-вторых, вырисовывается вполне антикрестьянский характер экономической политики правительства, проводимой даже в разгар НЭПа. В-третьих, письма создают картину сильно фрагментированного деревенского социума, с присущей ему внутренней конфликтностью, которая совершенно не вмещается в парадигму «классовой борьбы»: конфликты соседей на почве земельных, имущественных и личных отношений, зачастую уходящие корнями в прошлое, внутрисемейные конфликты, жалобы на представителей местной власти и т. д. В-четвертых, звучит стремление молодой и активной части крестьян к радикальным переменам, готовность покончить с крестьянством, уйти из деревни, в которой царят неизбывная бедность, конфликты и несправедливость. Почта партийной газеты, ориентированной на пропаганду среди крестьян, разумеется, нерепрезентативна для количественного изучения общественного мнения, однако она помогает расслышать голоса крестьян, понять их логику и мотивы.

Победившая аграрно-крестьянская революция не принесла крестьянину-земледельцу центральной части страны решения коренных проблем, в основе которых лежало аграрное перенаселение. Общее обеднение деревни из-за продрозверстки и войны, восстановление передельной общины со всеми ее агротехническими недостатками, послевоенный демографический скачок, открывший перспективы дальнейшего измельчания наделов, лишь усугубляли проблемы. Деревня, выступившая единой в момент «черного передела», уже в ходе Гражданской войны порой оказывалась расколотой, и этот раскол затем сохранялся. Работавшие до Революции социальные лифты — обогащение за счет предпринимательства, укрупнение собственного хозяйства, уход в город, переключение на несельскохозяйственные источники доходов — перестали работать или резко замедлились. Страдающий все 1920-е годы от безработицы город не вмещал избыточные рабочие руки. Предпринимательство сверх определенной властью невысокой планки административно пресекалось, обогащение тормозилось также

и узостью рынка. Отсутствие перспектив социальной мобильности особенно остро переживала молодежь. Между тем к началу коллективизации около двух третей сельского населения составляли люди до 25 лет, которые «духовно формировались под воздействием революции, советской власти и коммунистической партии» (Данилов, 1977: 25). Проникновение социалистических идей в годы НЭПа в умы части крестьянской молодежи, то есть младших, подчиненных членов крестьянской семьи, еще не бывших собственно крестьянами-хозяевами, думается, не стоит недооценивать.

Таким образом, крестьянство в конце 1920-х годов было уже не тем, что в 1917 году или в начале 1920-х, претерпев сильные перемены и в своем персональном составе, и в своем ментальном состоянии. Для значительного числа крестьян к этому времени просто не сформировалось достаточно привлекательной перспективы, образа будущего в рамках существующего хозяйственного строя. Путь индивидуального обогащения был возможен не для всех, и привлекал не всех, но что в таком случае ожидало остальных, было неясно. Среди бедноты существовал слой озлобленных и обиженных, мечтавших «доделать революцию», прорваться к власти, получить преференции, свести старые счеты. Часть крестьян разделяла социалистические иллюзии, и в социалистическом строительстве видела для себя социальные лифты, позволяющие подняться из скудного деревенского мира к светлому будущему. Хотя в массе своей крестьянство не поддерживало коллективизацию, надо признать, что в деревне существовал некоторый более или менее значительный слой, который стал ее социальной опорой.

Следует поставить и другой вопрос: что могло быть для нее преградой? Очевидно, что демократическое государство, опирающееся на большинство или на некий общественный консенсус, никогда не приняло бы политику коллективизации. Однако советское государство имело иной характер. С этой точки зрения интересен факт огромного для малограмотной страны потока писем, который шел в 1920-е годы в газету, а также непосредственно вождам и в высшие органы власти. Только для «Крестьянской газеты» он исчислялся десятками тысяч в месяц. Обращались по самым разным вопросам, от просьб о помощи в конкретных жизненных ситуациях и разнообразных жалоб до изложения альтернативных социально-политических программ. Крестьяне явно искали каналы обратной связи с «властью» в условиях отсутствия нормальных демократических институтов. Стремление к диалогу с властью не удивительно, оно было разбужено демократическими потенциями самой революции. Однако правомерно ли трактовать его как запрос в крестьянской среде на политическую демократию? Беспредельное многообразие тематики и характера крестьянских обращений в газету показывает скорее, что их авторы имели весьма примитивное представление об устройстве го-

сударства как о единой, неограниченной и всесильной власти. «Высшая власть», к которой апеллировали крестьяне, должна выслушать каждого, прийти, решить все проблемы. Для этого она должна быть поистине тотальной — такой она при Сталине в итоге и сделалась.

Ограничителями, которые не позволяют государству приобрести характер тоталитарного, очерчивая границы компетенции государственной власти, прежде всего выступают институты права и собственности. В крестьянском массовом сознании, как оно предстает по письмам «во власть», представления об этих институтах были слабы, размыты или отсутствовали. На традиционное для Российской империи отчуждение крестьянства от гражданского правового строя указывал еще С.Ю. Витте, видевший в этом опасность грядущих социальных потрясений. Думается, он был прав, и отсутствие в крестьянском менталитете понятий о праве и собственности придало российской революции столь радикально социалистический и разрушительный характер. Те же особенности менталитета и политической культуры не позволили выстроить барьеры — правовые, институциональные, ментальные, — которые препятствовали бы коллективизации, а без них крестьянскому сопротивлению не на что было опереться.

Рассмотренные в статье предпосылки и факторы коллективизации систематизируют накопленный в историографии материал и некоторые авторские наблюдения над источниками, но далеко не исчерпывают всех аспектов проблемы, которая, несомненно, будет и дальше привлекать исследователей аграрной истории.

Библиография

- Бруцкус Б.Д. (1995). Советская Россия и социализм. СПб.: Звезда.
- Виола Л. (2010). Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН.
- Воронцов В.П. (2008). Экономика и капитализм: Избранные сочинения / Вступ. статья и сост. А.И. Кравченко. М.: Астрель.
- Г.А.В.О. (1875). Заметки об улучшении крестьянского земледелия в средней нечерноземной полосе России посредством земледельческой крестьянской артели // Земледельческая газета. № 4. С. 50–54.
- Герцц Ф.О. (1900). Аграрные вопросы / Предисл. Э. Бернштейна; пер. А. Ильинского; ред. Д. Протопопова. СПб.: Издание т-ва «Знание».
- Гинцберг Л.И. (1999). Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. № 10. С. 119–126.
- Голубев А.В. (2008). Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. № 1. С. 36–58.
- Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука.
- Ивницкий Н.А. (1996). Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). 2-е изд. М.: Магистр.

- Ильиных В.А. (2010). Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х годов в Сибири). М.: РОССПЭН.
- Карпачев М.Д. (1991). Истоки российских революций: легенды и реальность. М.: Мысль.
- Карышев Н.А. (1905). Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М.: Тип. т-ва. Сытина.
- Карышев Н.А. (1889). Прикладная политическая экономия. Ч. 1. Экономия сельского хозяйства. М.
- Кедров Н.Г. (2014). Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства // Вопросы истории. № 3. С. 154–171.
- Кедров Н.Г. (2016). Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. № 1 (9). С. 173–185.
- Кедров Н.Г. (2017). Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. № 1 (4). С. 12–16.
- Кедров Н.Г. (2019). Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.
- Кондрашин В.В. (2012). Сталинская коллективизация и голод 1932–1933 гг. в СССР: причины и региональные особенности // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск. С. 457–468.
- Кондрашин В.В. (2019). Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР на постсоветском пространстве и в современной западной историографии // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом. Доклады Международной научно-практической конференции. М. С. 232–241.
- Кочонис Я. (2006). Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: НЛО.
- Кузнецов И.А. (1999). Фонд писем «Крестьянской газеты»: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 2. С. 70–84.
- Литвак К.Б. (1994). Жизнь крестьянина 20-х гг.: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука. С. 186–203.
- Литошенко Л.Н. (2001). Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Максудов С. (2019). Победа над деревней: демографические потери коллективизации. М.; Челябинск: Социум.
- Маслов С.С. (2007). Колхозная Россия. М.: Наука.
- Островский А.В. (2016). Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Рыков А.И. (1990). Индустриализация и хлеб (Доклад на собрании актива Ленинградской парторганизации 30 ноября 1928 г.) // Он же. Избранные произведения / Редкол.: Л.И. Абалкин и др. М.: Экономика. С. 418–452.
- Стебут И.А. (1906). Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. СПб.: Тип. Киршбаума.
- Творцы кооперации (1991): Сборник / Сост Л.А. Самсонов. М.: Московский рабочий.
- Финал артельной маниловщины последнего издания (1899) // Хозяин. № 27. Стб. 926–929.
- Чаянов А.В. (1991). Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука.
- Шафир Я.М. (1924). Газета и деревня. М.; Л.: Красная новь.

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: repytwd68@mail.ru.

The article considers historiographic issues in the study of reasons and factors that determined the agricultural collectivization in the USSR in the 1930s. The article is a kind of a review which aims at systematizing the data accumulated in the Russian scientific historical literature and the author's studies of historical sources. The author identifies a number of prerequisites for collectivization: the ones external to the peasantry (village, agriculture) explain motives of the political choice made by the Soviet government at the turn of the 1920s—1930s in favor of collectivization. These external prerequisites are divided into doctrinal and pragmatic. The doctrine that determined collectivization was socialism, and the author identifies the place of the radical communist idea of the Bolsheviks among other Russian socialist projects for uniting peasants into production collectives since the last quarter of the 19th century. Pragmatic prerequisites for collectivization were determined by the government's goal to obtain agricultural resources for industrialization and militarization of the national economy in the quantities that would exceed possibilities of the equivalent market exchange. Collectivization did have prerequisites within the village community, which allow to understand why this political course was implemented—the author focuses on the peculiarities of the mentality and political culture of the Russian peasantry.

Key words: agrarian history, collectivization, socialism, peasantry, industrialization in the USSR

И.А. Кузнецов

Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР

References

- Brutskus B.D. (1995) *Sovetskaya Rossiya i sotsializm* [Soviet Russia and Socialism], Saint Petersburg: Zvezda.
- Viola L. (2010) *Krestyansky bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kultura krestyanskogo soprotivleniya* [Peasant Revolt under Stalin: Collectivization and Culture of Peasant Resistance], Moscow: ROSSPEN.
- Vorontsov V.P. (2008) *Ekonomika i kapitalizm: Izbrannye sochineniya* [Economics and Capitalism: Selected Essays]. Vstup. statya i sost. A.I. Kravchenko, Moscow: Astrel.
- G.A.V.O. (1875) Zametki ob uluchshenii krestyanskogo zemledeliya v srednej nechernozemnoj polose Rossii posredstvom zemledelcheskoj krestyanskoj arteli [Notes on the improvement of the peasant agriculture in the Middle Non-Black-Earth regions of Russia with the peasant artel]. *Zemledelcheskaya gazeta*, no 4, pp. 50–54.
- Gertts F.O. (1900) *Agrarnye voprosy* [Agrarian Issues]. Predisl. E.Kh. Bernshteina; per. A. Il'yinskogo; red. D. Protopopova, Saint Petersburg: Izdanie tovarischestva "Znanie".
- Gintsberg L.I. (1999) Massovy golod v sochetanii s eksportom khleba v nachale 30-kh godov. Po materialam "osobykh papok" politbyuro TsK VKP(b) [Mass famine as combined with the grain export in the early 1930s. Based on the data from the 'special folders' of the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU (b)]. *Voprosy istorii*, no 10, pp. 119–126.
- Golubev A.V. (2008) Sovetskoe obshchestvo i "voennye trevogi" 1920-kh gg. [Soviet society and 'war fears' in the 1920s.]. *Otechestvennaya istoriya*, no 1, pp. 36–58.
- Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepolzovanie, khozyajstvo* [Soviet Pre-Collective-Farm Village: Population, Land Use, Economy], Moscow: Nauka.

- Ivzitsky N.A. (1996) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and Dekulakization (in the Early 1930s)]. 2-e izd., Moscow: Magistr.
- Ilyinykh V.A. (2010) *Khroniki khlebnogo fronta (zagotovitelnye kampanii kontsa 1920-kh godov v Sibiri)* [Chronicles of the Grain Front (Procurement Campaigns of the Late 1920s in Siberia)], Moscow: ROSSPEN.
- Karpachev M.D. (1994) *Istoki rossijskikh revolyutsij: legendy i realnost* [Origins of the Russian Revolution: Legends and Reality], Moscow: Mysl.
- Karyshev N.A. (1905) *Iz literatury voprosa o krupnom i melkom selskom khozyajstve* [From the Literature on the Large and Small-Scale Agriculture], Moscow: tipografiya tovarischestva Sytina.
- Karyshev N.A. (1889) *Prikladnaya politicheskaya ekonomiya*. Ch. 1: *Ekonomiya selskogo khozyajstva* [Applied Political Economy. Part 1. Economy of Agriculture], Moscow.
- Kedrov N.G. (2014) *Zamknuty krug rossijskoj istoriografii kollektivizatsii krestyanstva* [The vicious circle of the Russian historiography of the peasant collectivization]. *Voprosy istorii*, no 3, pp. 154–171.
- Kedrov N.G. (2016) *Stalinskaya istoriograficheskaya model osmysleniya kollektivizatsii rossijskogo krestyanstva* [Stalin's historiographical model of the Russian peasant collectivization]. *Peterburgsky istorichesky zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshhej istorii*, no 1, pp. 173–185.
- Kedrov N.G. (2017) *Rossijskaya istoriografiya kollektivizatsii krestyanstva: problemy izucheniya* [Russian historiography of the peasant collectivization: Research issues]. *Vestnik VGU. Seriya: Gumanitarnye, obshhestvennye, pedagogicheskie nauki*, no 1, pp. 12–16.
- Kedrov N.G. (2019) *Chetyre kontseptsii kollektivizatsii V.P. Danilova* [Viktor Danilov's four theories of collectivization]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 3, pp. 6–42.
- Kondrashin V.V. (2012) *Stalinskaya kollektivizatsiya i golod 1932–1933 gg. v SSSR: prichiny i regionalnye osobennosti* [Stalin's collectivization and famine of 1932–1933 in the USSR: Causes and regional features]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: Tipologiya i osobennosti regionalnogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoj Evropy X–XXI vv.*, Moscow–Bryansk, pp. 457–468.
- Kondrashin V.V. (2019) *Metody i issledovatel'skie praktiki politizatsii i falsifikatsii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR na postsovet'skom prostranstve i v sovremennoj zapadnoj istoriografii* [Methods and research practices of politicization and falsification of the Soviet famine of 1932–1933 in the post-Soviet space and in the contemporary Western historiography]. *Istoriya sovremennosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom*, Moscow, pp. 232–241.
- Kotsonis Ya. (2006) *Kak krestyan delali otstalymi: Selskokhozyajstvennye kooperativy i agrarny vopros v Rossii 1861–1914* [How Peasants Were Made Backward. Agricultural Cooperatives and Agrarian Question in Russia in 1861–1914], Moscow: NLO.
- Kuznetsov I.A. (1999) *Fond pisem "Krestyanskoj gazety": istochnikovedchesky aspekt* [The letters fund of the Peasant Newspaper: Source studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 2, pp. 70–84.
- Litvak K.B. (1994) *Zhizn krestyanina 20-kh gg.: sovremennye mify i istoricheskie realii* [The life of the peasant in the 1920s: Contemporary myths and historical realities]. *NEP: priobreteniya i poteri*, Moscow: Nauka, pp. 186–203.
- Litoshenko L.N. (2001) *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of Land in Russia], Novosibirsk: Sibirsky khronograf.
- Maksudov S. (2019) *Pobeda nad derevnej: demograficheskie poteri kollektivizatsii* [Victory over the Village: Demographic Losses of Collectivization], Moscow–Chelyabinsk: Sotsium.
- Maslov S.S. (2007) *Kolkhoznaya Rossiya* [Collective-Farm Russia], Moscow: Nauka.
- Ostrovsky A.V. (2016) *Rossijskaya derevnya na istoricheskom pereputie. Konets XIX — nachalo XX v.* [Russian Village at the Historical Crossroads. Late 19th — early 20th Century], Moscow: Tovarishhestvo nauchnykh izdanij KMK.
- Rykov A.I. (1990) *Industrializatsiya i khleb (Doklad na sobranii aktiva Leningradskoj partorganizatsii 30 noyabrya 1928 g.)* [Industrialization and grain. Report at the meeting

- of active members of the Leningrad Party organization on November 30, 1928]. *Izbrannyye proizvedeniya*. Redkol.: L.I. Abalkin i dr., Moscow: Ekonomika, pp. 418–452.
- Stebut I.A. (1906) *Neskolko myslej i soobrazhenij po povodu agrarnogo voprosa* [Some Ideas and Considerations on the Agrarian Question], Saint Petersburg: tipografiya Kirshbauma.
- Tvortsy kooperatsii* (1991): Sbornik [Creators of Cooperation: Collection of articles]. Sost. L.A. Samsonov, Moscow: Moskovsky rabochy.
- Final artelnoj manilovshhiny poslednego izdaniya (1899) [Ending of the Last Version of the Artel Utopia]. *Khozyain*, no 27, pp. 926–929.
- Chayanov A.V. (1991) *Osnovnye idei i formy organizatsii selskokhozyajstvennoj kooperatsii* [Main Ideas and Forms of Organization of Agricultural Cooperation], Moscow: Nauka.
- Shafir Ya.M. (1924) *Gazeta i derevnya* [Newspaper and Village], Moscow; Leningrad: Krasnaya nov.

И.А. Кузнецов

Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР

«Берегись! Зашибем!»: К вопросу о социально-политических причинах сталинской коллективизации

К.М. Александров

Кирилл Михайлович Александров, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва). 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: history@sfii.ru

В статье по результатам комплексного анализа негативных последствий социалистических преобразований в деревне для советского общества и народного хозяйства на основе широкого круга источников и литературы рассматривается актуальный вопрос о причинах коллективизации в СССР. Достижения историографии, полученные при изучении этой сложной проблемы, открывают возможности для широкой дискуссии с учетом разных аспектов, подходов и концепций в зависимости от оценок исследователями приоритетов И.В. Сталина и других руководителей ВКП(б) на рубеже 1920-х — 1930-х годов: от необходимого и форсированного создания промышленно-индустриальной базы за счет ужесточения эксплуатации сельского населения до установления личной диктатуры Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и ликвидации экономической самостоятельности крестьянства.

Автор предлагает искать ответ на концептуальный вопрос о смысле и целесообразности коллективизации не столько в экономических, сколько в социальных реалиях конца 1920-х годов в связи с особенностями однопартийного государства, резким ухудшением политической обстановки в СССР в ходе хлебозаготовительных кризисов, спровоцированных искусственными ограничениями частной инициативы в предшествующий период. Главными выгодоприобретателями колхозного строя, навязанного деревне путем беспрецедентного насилия, стали десятки тысяч номенклатурных работников ВКП(б), стремившихся в первую очередь сохранить свою власть, привилегированное положение и государственную собственность, находившуюся в их владении, путем введения «второго крепостного права» и создания всесоюзной системы принудительного труда, чем по существу закончилась Русская революция 1917 года.

Ключевые слова: коллективизация, колхозы, крестьянское сопротивление, И.В. Сталин, В.М. Молотов, номенклатура, XVII съезд ВКП(б), хлебозаготовительные кризисы

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-70-96

XVII съезд ВКП(б), состоявшийся зимой 1934 года, стал важным событием, завершившим семнадцатилетнюю эпоху глубоких кризисов и острых потрясений, связанных с радикальным изменением не только традиционных институтов и ценностей, моделей общественного, экономического и государственного устройства,

но и частной жизни. Руководители ВКП(б) фактически подвели итоги Русской революции, в начале которой историческую роль сыграл стихийный солдатский бунт, вспыхнувший 27 февраля 1917 года в «запасных» батальонах петроградского гарнизона, укомплектованных в первую очередь мобилизованными крестьянами (Френкин, 1978: 42–43). «Колхозный строй в деревне окончательно победил и шаг за шагом добывает остатки кулачества», — заявил при открытии съезда 26 января 1934 года член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов (XVII съезд, 1934: 5). В структуре населения доля горожан на 1 января 1933 года составляла лишь 23%, спустя шесть лет — 28% (Прокопович, 1952: 68; Жиромская, 1994: 32, 39), поэтому колхозная система определила условия труда, быта и жизненные перспективы для абсолютного большинства советских людей.

Докладчики, выступавшие после Молотова, обращали внимание делегатов на увеличение посевных площадей и валовой продукции зерновых по сравнению с 1913 и 1929 годами, отмечали численность и мощность тракторного парка, рассказывали о росте урожайности и производительности, хвалили усиление рабочей дисциплины и прочие достижения социалистических преобразований сельского хозяйства (XVII съезд, 1934: 19, 21, 44, 66, 86–87, 137). Однако номенклатурное самолюбование и хвастовство, сопровождавшиеся безудержными славословиями в адрес Генерального секретаря ЦК И.В. Сталина, не могли скрыть подлинных последствий коллективизации.

В 1930–1933 годах крестьяне пережили демографическую катастрофу: не менее 0,6 млн раскулаченных и членов их семей погибли во время депортаций и в «кулацкой ссылке» (расчет по: Данилов, 2004: 8, 15; Земсков, 1994: 150–151; Ивницкий, 2004: 277); около семи миллионов — от голода 1932–1933 годов (Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 48; Постановление ГД ФС РФ, 2008: 3¹); более 100 тыс. — на этапах, в тюрьмах, колониях и лагерях (ГУЛАГ, 2002: 441); десятки тысяч сельских «контрреволюционеров» уничтожили органы ОГПУ (История сталинского ГУЛАГА, 2004: 609); тысячи хлеборобов большевики убили при подавлении антиколхозных восстаний и выступлений («Совершенно секретно», 2008 б: 1363). В 1929–1934 годах общее количество крестьянских дворов в СССР сократилось с 25,4 млн до 22 млн (Прокопович, 1952: 204). Суммарно прямые жертвы сталинской политики в 1930–1933 годах превысили 7,5 млн человек.

В экономике коллективизация нанесла тяжелый удар по отечественному животноводству, о чем в отчетном докладе о работе ЦК Сталин сообщил в разделе «Подъем сельского хозяйства» (XVII съезд, 1934: 20).

1. Постановление ГД ФС РФ от 02. 04. 2008 № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР» // <http://duma.consultant.ru/page.aspx?955838>

Поголовье (в млн голов)	1929	1933	Сокращение (в млн голов)	Сокращение (в процентах, округленно)	1940 (на территории в границах на 1 сентября 1939) (Прокопович, 1952: 140)
Лошади	34	16,6	–17,4	51%	17,6
Крупный рогатый скот	68,1	38,6	–29,5	43%	47,5
Овцы и козы	147,2	50,6	–96,6	65%	85,5
Свиньи	20,9	12,2	–8,7	42%	22,3

Накануне Первой мировой войны 1914 года средние цены на живой скот в черноземной и нечерноземной полосах России выглядели так (за голову): лошадь стоила 75–77 рублей, корова дойная — 55–57 рублей, овца — 5–6 рублей, свинья (до откорма) — 17–18 рублей (Россия 1913, 1995: 319). Соответственно, в 1929–1933 годах финансовые потери животноводства (без учета потерь птицеводства за отсутствием должной статистики) превысили 3,4 млрд в царских золотых рублях (\$1,7 млрд). В 1912 году 14,1% крестьянских хозяйств Российской империи имели трех и более лошадей, 22,1% — двух, 32,1% — одну, 31,5% считались безлошадными (Климин, 2002: 270). В 1938 году в СССР в среднем на колхозный двор приходилось: коров — 1,65 головы, свиней — 0,81, овец и коз — 2,51, лошадей — 0,04 (Мерцалов, 1948: 47). За исключением свиноводства, важнейшая отрасль так и не восстановилась вплоть до Второй мировой войны.

Массовая гибель лошадей и быков неизбежно создала трудности с обработкой колхозных латифундий, так как привела к падению общей *тягловой силы*. В 1913 году ее совокупная мощность оценивалась в 26,8 млн лошадиных сил, а 25 лет спустя — лишь в 22,3 млн (Мерцалов, 1948: 103). Количество лошадиных сил на гектар пашни снизилось с 317 в 1928 году до 180 в 1934-м. Шесть лет спустя после восстановления этот показатель достиг статистической отметки только в 296 лошадиных сил (Хантер, 1985: 252). Сплошная коллективизация и сокращение тягловой силы потребовали миллиардных инвестиций в сельское хозяйство, в том числе в производство сотен тысяч тракторов, комбайнов, грузовиков (Кованьковский, 1956: 120), за счет перераспределения бюджетных средств в ущерб прио-

ритетной индустрии. Резко возросли непроизводительные затраты и простои, расходы на подготовку обслуживающего персонала, ГСМ, комплектующие, средний и капитальный ремонт. Вместе с тем ускоренная механизация еще не гарантировала *качества* обработки земли, повышения доходности и рентабельности сталинских колхозов (Прокопович, 1952: 248–250). Об этом в той или иной форме говорили и отдельные делегаты (XVII съезд, 1934: 93–94, 108, 116, 137–138, 157–158).

Эмигрант «второй» волны И.Ф. Скворцов, происходивший из крестьян-середняков, с детства трудившийся на земле и работавший в 1937–1941 годах агрономом-экономистом в разных районах Орловской области, так описывал проблемы, связанные с использованием техники машинно-тракторных станций:

«Трактор прекрасная и полезная машина, и тракторная вспашка может дать лучшую, с агротехнической точки зрения, проработку почвы, но на самом деле этого не было. В погоне за рекордными выработками трактористы перевыполняли нормы выработки, но качество работы было плохим. Вместо того чтобы пахать на глубину 15–16 сантиметров под зерновые культуры, на самом деле пахали на глубину 8–10 сантиметров, и ненормально увеличивали ширину захвата плуга, образуя огрехи — непропашки.

Серп, коса и жатка в значительной степени были вытеснены большими комбайнами, применяющимися нерационально. Большевикам гигантомания, сверхиндустриализация, механизация сверх меры совершенно вскружили голову. Так было и с комбайнизацией. На уборку комбайнами составлялись определенные планы. Но комбайновая уборка, по опыту прежних лет, научила колхозников уморазуму. Они знали, сколько теряют урожая, а потому стремились избежать комбайн[а] и убрать другими способами. Это категорически запрещалось. <...>

Комбайн выйдет на работу в поле в 6 часов утра, заедет, пройдет 30–40 метров и стоп — молотильный аппарат не работает — отсыревшая, во[л]глая солома наворачивается на барабан, и комбайн останавливается. Много времени затрачивается, чтобы освободить барабан от навившейся и уплотнившейся соломы. Убрали с хедера накопившийся хлеб, тронулись и снова повторяется то же. Стоит комбайн — до 8 часов утра. Пробуют снова на сокращенный хедер, прошли 100–200 метров и опять стопор. Стоят до 9 часов, опять пробуют — комбайн проходит 200–300 метров, и опять повторяется прежнее. И лишь с 10 часов, с наименьшими тормозами, комбайн начинает работать, но с остановками для очисток. Сделано мало и очень мало, а люди измучились и кроют “матом” свою незадачу. И с 11-ти часов начинается нормальная работа комбайна и [продолжается] до 7-ми часов вечера» (Скворцов, 1955: 61–63).

Вопреки теории и надеждам, ускоренная механизация не дала кардинального роста урожайности в СССР. Если в 1929 году с гектара собрали 7,47 центнера зерновых, то в 1931, с учетом неиз-

бежных советских приписок, — 6,66; в 1933 — 6,59; в 1935 — 7,42; в 1937 — 9,17; в 1939 — 7,47 (Хантер, 1985: 252). Хуже выглядели показатели на *душу* населения. Если в 1913/14 годах сбор хлебов составил 4,9 центнера, то в 1928/29 — 4,0; в 1930/31 — 4,4; в 1932/33 — 3,4; в 1934/35 — 3,8; в 1936/37 — 3,2; в 1938/39 — 3,7 (Прокопович, 1952: 210).

Коллективизация резко ухудшила социально-политическую ситуацию и криминогенную обстановку. В СССР в 1927 году (на 148,5 млн населения) насчитывалось до 200 тыс. заключенных (Джекобсон, Смирнов, 1998: 17), а в 1934-м (на 156,7 млн населения) — уже более миллиона (в лагерях, тюрьмах, колониях, изоляторах, на этапах, но без спецпоселенцев и ссыльных) (ГУЛАГ, 2002: 410; Смирнов, Сигачев, Шкапов, 1998: 37). Насильственное создание колхозов, массовые аресты, расстрелы, раскулачивания и высылки встретили на селе ожесточенный отпор. Пик сопротивления пришелся на 1930 год — в СССР состоялись 13 453 массовых крестьянских выступления (в том числе 176 повстанческих), 55 вооруженных восстаний. В совокупности в них участвовали почти 2,5 млн человек — как минимум в три раза больше, чем в Белом движении во время Гражданской войны. Максимальное количество выступлений произошло на Украине (4098), в Поволжье (1780), на Северном Кавказе (1467), в Центрально-Черноземной (1373) и Московской (676) областях, в Сибири (565). Чекисты зарегистрировали за год 13 794 низовых теракта и 5156 случаев распространения «контрреволюционных листовок». От учтенных терактов и покушений пострадали более 10 тыс. советских активистов (Трагедия советской деревни, 2000: 788–791, 801, 808; Дьяков, Колодникова, Бушуева, 2012: 208–210, 219–220).

90 лет назад боевые действия против повстанцев с привлечением сводных дивизионов из состава войск ОГПУ и регулярных частей Красной Армии велись в Острогожском (30 января — 1 февраля) и Борисоглебском (февраль) округах Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Сальском округе Северо-Кавказского края (СКК) (10–12 февраля), Муромцевском районе Барабинского округа Сибири (23 февраля — 5 марта), Мухоршибирском районе Читинского округа (3–5 марта), Енотаевском районе Нижне-Волжского края (НВК) (14–22 марта), в районах Баталпашинска и Карачаева СКК (15–30 марта), Бобровском и Лосевском районах ЦЧО (22–29 марта), под Кисловодском (22 марта — 2 апреля) и в других регионах Советского Союза (Александров, 2010: 119–121). В отдельных случаях (село Липовка Лосевского района Россосанского округа ЦЧО, село Владимировка Енотаевского района НВК и др.) повстанцы пытались дать бой в открытом поле или защищали свои села при помощи окопов («Совершенно секретно», 2008 б: 1376; Михеев, 2008: 182). В приграничных округах УССР (Бердичевском, Тульчинском, Шепетовском) советская власть отсутствовала на протяжении нескольких дней (Жен, 2002: 110). В 1931 году чеки-

сты учли по СССР 2102 массовых и 32 вооруженных выступления, 9098 терактов. От них пострадали более 9 тыс. советских активистов (Дьяков, Колодникова, Бушуева, 2012: 238–240).

В феврале 1933 года в речи на I съезде колхозников-ударников, собравшихся в разгар голодомора, сопряженного с людоедством, Сталин подчеркивал, что в годы первой пятилетки не менее двадцати миллионов бедняков большевики «спасли от нищеты и разорения», «от кулацкой кабалы и превратили [их], благодаря колхозам, в обеспеченных людей» (Сталин, 1947: 417). Как полагали руководители ВКП(б), к концу 1930-х годов в социалистической деревне, «благодаря укреплению колхозного строя, исчезла бедность», а «колхозы стали зажиточными» (История ВКП(б), 1945: 325). Однако органы НКВД сообщали о голодной смертности в колхозах в 1937 году (Осокина, 2008: 257, 262–264), о критических высказываниях колхозников летом 1939 года: «Работаем день и ночь за одни палочки» (Рылов, 2018: 228). Крестьянские письма и воспоминания свидетельствуют об изнурительном труде, который почти не оплачивался, непосильных налогах, нищете и беспросветном быте, не оставлявших надежд на человеческую жизнь (Зензинов, 1944: 184–191, 196–198, 207–210, 221–222; 60 лет, 1991: 115, 119, 123, 136, 144, 149–150, 153–154, 156–159).

Последствия «великого перелома» крайне негативно повлияли на моральное состояние военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В 1932–1933 годах Особые отделы ОГПУ зафиксировали в войсках сотни тысяч отрицательных высказываний со стороны бойцов и командиров, а также учли несколько тысяч устных угроз, содержавших повстанческие намерения (Сувениров, 1998: 49–50). «Крестьяне открыто заявляют недовольство властью, — утверждал писарь штаба 50-го артиллерийского полка (Московский военный округ) Булкин, исключенный из партии и арестованный особистами за «антисоветскую агитацию» в августе 1932 года. — Если будет война — мужики повернут винтовки на коммунистов»². «Житуха никуда <...> Люди в колхозах голодают и говорят: “Е... вашу мать, все равно нам придется с вами воевать»³, — рассуждал в разговоре с сослуживцами боец кавалерийского эскадрона 28-й стрелковой дивизии (Северо-Кавказский военный округ, СКВО) Н.И. Прокопов, арестованный чекистами за «антисоветскую агитацию» 17 февраля 1933 года. «Крестьянство принимало участие в Революции 1917 года потому, что оно боролось за землю, а теперь, если вспыхнет война, крестьянство воевать не будет за советскую власть, потому что земля находится в собственности государства и крестьянство ею не распоряжа-

2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837. Оп. 21. Д. 10. Сводка № 28 о ЧП в РККА на 14 сентября 1932. Л. 311.

3. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 92. Перечень антисоветских проявлений. Л. 72(об).

ется»⁴, — рассказывал в узком кругу летом 1937 года П.С. Билык, младший командир 287-го стрелкового Тульчинского полка 96-й стрелковой Винницкой дивизии им. тов. Фабрициуса 17-го стрелкового корпуса (Киевский военный округ). О тяжелых последствиях для режима и отечества при всеобщей мобилизации колхозников в случае большой войны писал в середине 1930-х годов эсер и теоретик кооперации С.С. Маслов, работавший в Праге (Маслов, 2007: 281).

Крестьянские потери, принудительный труд и другие особенности колхозной системы автор считает одной из важнейших причин, предопределивших невероятный успех германского наступления летом–осенью 1941 года. За первые пять месяцев операций на огромном фронте войска Вермахта, в разы уступавшие в людских ресурсах и технике Красной Армии, дошли от западной границы до Ленинграда, Москвы и Ростова-на-Дону. На главных направлениях противник продвинулся вглубь территории СССР на расстояние от семисот до тысячи километров. «Основная масса красноармейцев — колхозники, враждебно настроенные в отношении советского режима, так как у них была отобрабана частная собственность, — констатировали сотрудники Абвера из штаба XVII армейского корпуса 6-й армии группы армий «Юг» после опросов многочисленных пленных на протяжении первого месяца войны, — У большинства красноармейцев отцы сосланы, убиты, либо живут в тяжелейшей нужде» (Доклад о настроениях в войсках противника. 24 июля 1941, см.: Солонин, 2013: 535). В приказе № 001919 от 2 сентября 1941 года Ставки Верховного главнокомандования о создании заградотрядов Сталин признавал: «В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов»⁵. К 31 декабря 1941 года советские боевые потери составили почти 6 млн человек (противника — округленно 850 тыс.), в том числе пропавшими без вести 3,9 млн, или 65% (противника — 57 245, или менее 7%, в том числе пленными более 9 тыс.) (Мельтюхов, 2002: 419; Сидоров, 2000: 29). Абсолютное большинство пропавших без вести бойцов и командиров, включая перебежчиков, попали в немецкий плен — как минимум 3,35 млн (Dallin, 1957: 427) — или остались на оккупированных территориях дезертирами, чья судьба затем складывалась по-разному. В значительной степени объективным следствием коллективизации, голода 1932–1933 годов и колхозного быта стало массовое сотрудничество советских людей с оккупантами и их союзниками, когда на стороне противника несли военную службу не менее миллиона граждан СССР (Dallin, 1957: 555, 658; Семиряга, 2000: 88–92, 104, 460, 463–464, 471).

4. РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 25. Сводка № 034 о ЧП в частях, поднадзорных Военной прокуратуре КВО (по состоянию на 9 августа 1937). Л. 115.

5. Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Volkogonov Dmitry Papers. Container 7. Reel 5. Приказ № 001919 от 2 сентября 1941 СВГК. Л. 1.

Жестокая коллективизация, по словам Сталина, потребова-
ла «много времени и больших издержек» (XVII съезд, 1934: 18).
Но мучительная гибель 7,5 млн человек, разрушение животновод-
ства, миллиардные финансовые потери, очередное обострение со-
циальной вражды и прочие «издержки» так и не привели к созда-
нию эффективного хозяйства на земле, не повысили урожайности,
крестьянского благосостояния и накопления. Впрочем, Молотов
и не видел в улучшении качества народной жизни перспектив-
ной цели Коммунистической партии (Сто сорок бесед, 1991: 383).
По оценкам профессора Х. Хантера, попытавшегося построить аль-
тернативную модель развития сельского хозяйства СССР на основе
показателей второй половины 1920-х годов, при отказе от коллек-
тивизации поголовье лошадей за период 1928–1939 годов увеличи-
лось бы почти на 40%, объем посевных площадей — почти на 20%,
средняя урожайность могла достигнуть 9,6–10,2 центнера с гекта-
ра, а население возрастало как минимум до 185,6 млн человек (Хан-
тер, 1985: 250–251, 254). В реальности на 17 января 1939 года в СССР
проживали не более 167,7 млн человек (Жиромская, 1994: 32).

Колхозный строй не укрепил Красной Армии и не обеспечил
продовольственной безопасности СССР в чрезвычайных услови-
ях военного времени. Несмотря на все затраты, жертвы и тяготы,
большевикам так и не удалось создать автаркическое сельскохо-
зяйственное производство, независимое от импорта, как того тре-
бовал член Политбюро и наркомвоенмор К.Е. Ворошилов на XV
съезде ВКП(б) в 1927 году (Симонов, 1996: 64). В 1941–1945 годах
в глубоком тылу голод и другие бедствия унесли миллионы жизней
(Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 77; Исупов, 1994: 104–106, 112–
113). Чтобы поддерживать силы советских военнослужащих и ква-
лифицированных рабочих, потребовалась безвозмездная помощь
американских, британских и канадских союзников, доставивших
в СССР почти 5 млн нетто-тонн продовольствия. По калорийно-
сти им можно было кормить десятиmillionную армию в течение
четырех с половиной лет (Супрун, 1996: 53). Не меньшую ценность
для проведения посевных кампаний имело спасительное пополне-
ние ленд-лиззовскими семенами скудных колхозных фондов (Гури-
на, 2015: 58).

Таким образом, неизбежно возникает концептуальный вопрос
о смысле и целях сталинского курса, разорившего деревню и поло-
жившего начало превращению самостоятельных крестьян-произво-
дителей в потомственных батраков. Десятилетия спустя Молотов
убежденно считал «успех коллективизации значительнее победы
в Великой Отечественной войне», «если б мы ее не провели, вой-
ну бы не выиграли». Колхозная система, по мнению ближайшего
сталинского соратника, позволила создать «могучее социалистиче-
ское государство со своей экономикой, промышленностью» (Сто со-
рок бесед, 1991: 383). С учетом человеческих потерь и других отри-
цательных результатов подобные объяснения неубедительны, хотя

точка зрения Молотова разделялась некоторыми исследователями (Симонов, 1996: 72, 324).

Дискуссионный вопрос о причинах коллективизации рассматривался многократно, в том числе в исследованиях П. Грегори (Грегори, 2008: 53, 57–58), В.П. Данилова (Кедров, 2019: 9–10, 16, 25, 31), Н.А. Ивницкого (Ивницкий, 1996: 10–11), В.С. Мерцалова (Мерцалов, 1948: 13–14), Е.А. Осокиной (Осокина, 2008: 103), С.Н. Прокоповича (Прокопович, 1952: 182–183, 185), Ш. Фицпатрик (Фицпатрик, 2008: 11), О.В. Хлевнюка (Хлевнюк, 2010: 32–33) и других специалистов. Развернутый анализ проблемы коллективизации в отечественной постсоветской историографии дал Н.Г. Кедров (Кедров, 2018: 91–99).

В исторической литературе достаточно часто указывалось на приоритетное стремление руководителей ВКП(б) при помощи колхозов снять зерновую проблему, обострившуюся в 1928–1929 годах, разрешить хлебный вопрос в интересах индустриализации, добыв для нее средства за счет крестьянской платежеспособности, максимально ускорить рост сельскохозяйственного производства, увеличить его товарность, зерновой экспорт и размеры хлебозаготовок (Ивницкий, 1996: 10–11; Кованьковский, 1956: 19, 21–22; Козлов, 2011: 5; Осокина, 2008: 103; Прокопович, 1952: 185; Фицпатрик, 2008: 11). Другие ученые связывали очередной натиск на хлебоборогов с приверженностью большевиков определенным идеологическим схемам (Колодежный, 2002: 382–383, 392–394), избранием привычных военно-коммунистических методов для директивного управления народным хозяйством (Хлевнюк, 2010: 33) и эффективной эксплуатации сельских производителей (Маслов, 2007), а также с внутрипартийными конфликтами и неустанной борьбой Сталина за установление личной диктатуры (Кедров, 2019: 30–31; Конквест, 1988: 156–157).

В рамках концепции о планомерной подготовке СССР с 1928 года к большой войне, должной создать объективные предпосылки для нового этапа анархии и социалистической революции в Европе, колхозы подавались как форма «крупных производственных единиц, легче поддающихся планомерному воздействию, чем многомиллионная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств» (Симонов, 1996: 59, 67). Руководители ВКП(б) не просто нуждались в валюте для индустрии (Козлов, 2011: 6), но преимущественно для инвестиций в военно-промышленный комплекс. В 1929–1934 годах члены Политбюро рассчитывали создать современную военно-техническую базу и достигнуть превосходства над объединенными силами мифического «западного блока» по авиации, артиллерии и бронетехнике (Кен, 2002: 62–63). В итоге к зиме 1934 года на вооружении войск РККА находились 4847 танков, 2897 танкеток, 50 самоходных артиллерийских установок (САУ) и 325 броневых автомобилей, в том числе 266 с пушечным вооружением (Мельтюхов, 2002: 516). Красная Армия получила значительный перевес над

суммарными силами западных соседей, не планировавших нападать на СССР (Кен, 2002: 264). Но к 1938 году многие серийные образцы бронетехники выпуска 1929–1935 годов, создававшиеся в ходе и за счет жестокого насилия партии над крестьянством, практически выработали свой ресурс, и их состояние выглядело плачевно (Симонов, 1996: 100).

Беспримерная по срокам, темпам и масштабам гонка вооружений вполне соответствовала стратегическим целям Коммунистической партии, изложенным в декларативной части Конституции СССР 1924 года, материалах Коминтерна и Штаба РККА (Кен, 2002: 264–265). Действительно, еще в 1924 году Сталин рассматривал большевистскую революцию «не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах» (Валентинов, 1991: 71), в 1928 году он напомнил слушателям, что «мировая революция может питаться только советским хлебом» (Авторханов, 1959: 12). Однако в 1929–1933 годах непосредственная угроза большой европейской войны отсутствовала — с точки зрения Сталина, дело еще лишь шло к ней, мировой революционный кризис назревал, но пока не наступил, а Советский Союз тем временем нуждался в сближении и выгодном сосуществовании с капиталистическими государствами для накопления необходимых ресурсов (XVII съезд, 1934: 8, 10, 12–14). Взаимозависимость между внешнеполитическими планами руководителей ВКП(б), начатой ими гонкой вооружений, коллективизацией и созданием грандиозной системы принудительного труда несомненна. Но в этом контексте сталинский курс, помимо прочего зависевший и от обострения международных противоречий, мог дать ожидаемый эффект не на рубеже 1920-х — 1930-х годов, а лишь в среднесрочной перспективе, примерно через десять лет, как полагал и сам Генеральный секретарь (Сталин, 1947: 329). Только летом 1939 года сложились благоприятные условия, когда во время обострившегося противостояния между Германией и ее потенциальными противниками Сталин мог использовать все преимущества третьей стороны и придирчиво выбирать, как будут действовать на Западе — или останутся нейтральными — огромные силы Красной Армии, насчитывавшие 147 дивизий, почти 56 тыс. артиллерийских стволов, более 11 тыс. самолетов, а также более 23 тыс. танков, танкеток, САУ и броневедомителей (Мельтюхов, 2002: 66, 525).

Наконец, некоторые исследователи (В.С. Мерцалов, М.С. Френкин, В.П. Дмитренко и др.) видели в насаждении колхозов и массовом раскулачивании в первую очередь комплекс неотложных мер по защите власти ВКП(б), зашатавшейся во время короткого НЭПа. Вслед за ликвидацией дворянства, духовенства, купечества, почетных граждан и всероссийским *расказачиванием* неизбежно пришла пора всесоюзного *раскрестьянивания* — главный смысл коллективизации заключался в уничтожении крестьянства как самостоятельного класса, экономически независимого от Ком-

мунистической партии, постоянно питавшего силы оппозиции и антибольшевистского сопротивления (Билимович, 2007: 418; Френкин, 1987: 221–222). С кризисом НЭПа возникла острая необходимость «добить остатки капитализма и устранить всякую угрозу [буржуазной] реставрации» (Мерцалов, 1948: 14), иначе партия рисковала потерять контроль над экономикой и общественной жизнью (Кедров, 2019: 24). В развитие высказанных тезисов мы считаем необходимым обсуждать причины коллективизации в тесной связи с особенностями социального устройства СССР и обострением внутривнутриполитического положения во второй половине 1920-х годов.

Советская государственная модель, укрепившаяся в 1918–1922 годах в результате поражения Белых и крестьянско-повстанческих армий, по существу, была однопартийной диктатурой. «Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем», — заявлял председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин в 1919 году, представляя Коммунистическую партию в качестве «авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата» (Ленин, 1970: 134), в то время как его доля в российском населении не превышала 13%. В то же время Советы и их съезды, избиравшиеся на условиях неравного классового голосования, так как один голос рабочего (пролетария) приравнивался к пяти голосам крестьян (Первая советская конституция, 1938: 431–432) — мелких буржуа, — превратились в фикцию. Они играли роль лишь конституционной ширмы, скрывавшей подлинную вертикаль власти в РСФСР. На ее вершине находились Центральный комитет (ЦК) из девятнадцати человек, избираемых на очередном партийном съезде, и более узкие коллегиальные органы — Организационное и Политическое бюро, включавшие наиболее авторитетных членов ЦК. «Самая настоящая “олигархия”, — не без откровенности признавал Ленин в 1920 году. — Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» (Ленин, 1981: 30–31). Весь жесткий механизм так называемого «пролетарского» управления выполнял коллективные решения небольшой узурпаторской группы, вышедшей из дисциплинированной организации профессиональных революционеров-заговорщиков. Большая часть из них, судя по результатам персональных выборов в ЦК на X съезде в 1921 году, не имела ни рабочего происхождения, ни фабрично-заводского ценза.

В соответствии с идейно-теоретическим наследием Ленина и резолюцией XII съезда, состоявшегося в 1923 году, «диктатура рабочего класса» не могла «быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, то есть Компартии» (Коммунистическая партия..., 1984 а: 53). При этом органам ВЧК-ГПУ, как отмечал Ф.Э. Дзержинский, принадлежала роль главного карательного инструмента ЦК (Плеханов, 2006: 94). Тем самым чекисты госбезопасности защищали неприкосновенность олигархической

группы партийной бюрократии, в чьих руках концентрировались власть и национализированная собственность, сосредотачивались учет и распределение ресурсов, функции политического контроля, пропаганды и репрессивных мероприятий. На том же XII съезде Сталин обосновал принципиальную доктрину о *руководящей роли аппарата* в жизни партии и Советского Союза. «Необходимо подобрать [нужных] работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь» (Двенадцатый съезд, 1968: 63), — доложил делегатам Сталин в отчете от имени ЦК.

Осенью 1923 года члены Оргбюро ЦК впервые определили перечень ключевых назначений, требовавших одобрения или согласования партийных инстанций. 3500 советских должностей занимались только после утверждения ЦК выдвинутых кандидатур, а 1500 — с его предварительным уведомлением. На местах свою низовую номенклатуру формировали ЦК республиканских Компартий, губкомы (обкомы) и укомы (райкомы). В 1924 году в учетно-распределительном отделе ЦК, где обобщались сведения о кадрах, состояли на регистрации почти 15 тыс. работников аппарата, постепенно охватывавшего все стороны государственной, экономической, общественной и культурной жизни СССР (Измозик и др., 2010: 374–375). Заветный партбилет открывал дорогу к материальным благам, а главным условием успешной карьеры становилась готовность принять цековские директивы «как родные» и добиться их полного выполнения. Во второй половине 1920-х годов численность большевистской партии, включая кандидатов, резко увеличилась: почти с 736 тыс. человек (на 1 января 1924) до 3,9 млн (на 1 мая 1930), несмотря на постоянные чистки и исключения (Тринадцатый съезд, 1963: 529; XVI съезд, 1930: 598). Одновременно рос и корпус освобожденных партработников.

Совершенствовалась и приобретала все большие размеры система номенклатурных привилегий, возникшая в 1918–1919 годах: от прикрепления ответственного товарища к особому снабжению, выдачи спецпайков и доступа к дефицитным товарам до предоставления ему комфортного жилья, персонального транспорта, квалифицированной медицинской помощи, условий первоклассного отдыха и права ношения огнестрельного оружия. Привычка к достатку и комфорту приходила быстро. От закулисных аппаратных решений зависели должностные и служебные перемещения, условия работы, быта и жизненные перспективы. Один из основателей КПФ и видных деятелей Коминтерна Б.К. Суварин вспоминал: «Когда приходилось голосовать за “платформы”, то голосовали не за “перманентную революцию” или “социализм в одной стране”, а за квартиру и должность в Москве либо Ленинграде» (Борис Суварин, 1980: 439). Позднее к привилегиям прибавились возможности свободного перемещения по стране и санкционированного вы-

езда за границу. В итоге — в зависимости от приближения человека к властной вертикали или отдаления от нее — в СССР закреплялась почти феодальная стратификация населения по отношению к благам и довольствию. «Коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса. Все остальное — маскировка и иллюзия» (Джилас, 1961: 51), — констатировал один из бывших руководителей КПЮ, разочаровавшийся в социалистическом эксперименте и ставший гонимым диссидентом.

Важнейшая корпоративная задача номенклатуры заключалась в том, чтобы сохранить свое привилегированное положение и власть, которую партия сумела удержать в годы Гражданской войны при помощи массового террора. Возможная победа контрреволюции и смена режима в СССР — при любом сценарии — означали личный крах для десятков тысяч партработников, начиная от уровня секретарей первичных организаций, и, кроме того, создавали реальную угрозу для их жизни. «Вас всех растерзают!» (Сто сорок бесед, 1991: 210) — предупреждал своих соратников Ленин по свидетельству Молотова.

В разгар НЭПа Сталин не высказывал антикрестьянских взглядов. Напротив, в рамках «бухаринской» доктрины «правого коммунизма» он в духе времени призывал «сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень», выступал против «разжигания классовой борьбы» в деревне, одобрял поощрение кредитной, сельскохозяйственной, потребительской, промысловой кооперации, благодаря чему накапливались необходимые средства для постепенной индустриализации (Валентинов, 1991: 90, 102–104). Возвышение и успехи Генерального секретаря в борьбе с оппонентами объясняются не только его административно-аппаратными способностями, но и криминальными талантами. «Сталин собрал настоящую банду, лишённую каких бы то ни было принципов и решившую ценой любых человеческих жертв сохранить власть, — рассказывал Суварин. — Со всеми ее привилегиями и преимуществами» (Борис Суварин, 1980: 441–442). На сталинский синтез политического руководства с искусством уголовных методов управления обращали внимание и другие современники (Авторханов, 1983б: 760). НЭП мог существовать, но лишь до тех пор, пока не грозил интересам номенклатуры и ее благополучию, а ситуация в СССР не выглядела безмятежной. 3 января 1925 года на заседании Политбюро Сталин прямо сказал соратникам: «Мы до полной ликвидации гражданской войны далеко не дошли, и не скоро, должно быть, дойдем» (Плеханов, 2006: 91). И у него существовали веские основания для подобных заявлений.

В 1925–1926 годах доля сельского населения СССР превышала 80% (более 120 млн из 148,5 млн человек) (Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 56). Производительный труд и рост благосостояния во время НЭПа сделали советскую деревню самостоятельной,

стимулировали местное предпринимательство, накопление и развитие сельской кооперации (Валентинов, 1991: 128–129, 138–139; Прокопович, 1952: 174). Однако материально независимые крестьяне, от чьих усилий зависело снабжение городов и ситуативная стабильность, не говоря уже о нэпманах, в краткосрочной перспективе представляли опасность для большевистской партии (Колодежный, 2002: 392; Прокопович, 1952: 174; Скворцов, 1955: 61–63; Сто сорок бесед, 1991: 381). По мнению одного из коммунистов, в середине 1920-х годов оживился «кулак, у которого революция обрезала крылья», еще более «свирепый враг», чем «буржуй» (Фицпатрик, 2008: 40). Доминировавшая середняцкая, а отчасти и бедняцкая группы деревни находились под сильным влиянием зажиточных домохозяев, к которым коммунисты прилепили «кулацкий» ярлык (5–6 млн человек), хотя подобное клеймение преимущественно носило искусственный характер (Ивницкий, 1996: 62; Шанин, 2019: 295–298; Френкин, 1987: 226).

Крепкие хлеборобы, обеспечивавшие продовольственную безопасность страны, кормившие город, армию и партию, вполне естественно желали представительства на политическом уровне и могли составить конкуренцию большевикам. Тем более партиячки на селе владели жалкое существование и авторитетом не пользовались, так как процент коммунистов в сельском населении был ничтожным (Шанин, 2019: 317–321). В 1925 году — самом благополучном в истории пореволюционной деревни, по мнению Н.В. Вольского-Валентинова, занимавшего в тот момент должность заместителя редактора «Торгово-промышленной газеты» ВСНХ (Валентинов, 1991: 139), — в Самарской и Тамбовской губерниях, Северо-Кавказском и Сибирском краях развернулась серьезная борьба на выборах в сельские Советы. Крестьяне требовали уравнивать их в избирательных правах с рабочими, разрешить свободную агитацию, отменить монополию внешней торговли, снять ограничения кооперативной деятельности, реабилитировать политзаключенных и «лишенцев». В избирательную кампанию вмешались органы ОГПУ. Как следствие новых конфликтов, на селе резко возросло количество низовых терактов: с 313 в 1924 году до 902 в 1925 году и 1123 в 1928-м (Баранов, 1997: 190–192; Плеханов, 2006: 79–81; Френкин, 1987: 227).

Повышение уровня жизни в нэповской деревне по сравнению с периодом «военного коммунизма» неизбежно привело к росту потребления и покупательского спроса. В то же время большевики, чтобы не потерять власть, принципиально сохраняли в своих руках «командные высоты» в народном хозяйстве. Тем самым развитие и влияние «капиталистических элементов» жестко ограничивалось партией и допускалось лишь до определенного уровня — с планами их неизбежного уничтожения в ближайшем будущем (История ВКП(б), 1945: 245–247). Но в результате охранительной политики по искусственному сдерживанию частной инициативы на протя-

жении нескольких лет, зимой 1926/27 года на полусвободном рынке СССР неизбежно возник дефицит промтоваров. Широкий крестьянский спрос превышал бедное государственное предложение («Совершенно секретно», 2002: 49; Коммунистическая партия..., 1984б: 140). Поэтому цены на дефицитные промтовары начали быстро расти, а вслед за ними — в качественной естественной реакции — и отпускные цены на продовольствие.

Полная либерализация советской экономики с целью товарного насыщения рынка исключалась: такой сценарий означал быстрый конец режима с мрачными последствиями для его актива. В качестве выхода члены ЦК ВКП(б) решили ликвидировать частную торговлю и вернуться к внеэкономическому принуждению, чтобы путем административного нажима заставить сельских производителей продавать хлеб государству не по рыночным (2–6 рублей за пуд), а по убыточно-директивным ценам (0,8–1,2 рубля). «Им, конечно, [было] не выгодно» (Сто сорок бесед, 1991: 376), — соглашался Молотов, комментируя применение чрезвычайных мер. Так после нескольких лет нэповского «перемирия» партия начала новый поход против хлеборобов (Скворцов, 1955: 37).

Крестьяне, пытавшиеся защитить плоды своего тяжелого физического труда, ответили сопротивлением. Если в 1926–1927 годах чекисты зафиксировали 1612 терактов, то в 1928–1929 — 10 120. Количество массовых протестных выступлений по стране выросло с 63 в 1926–1927 годах до 2016 в 1928–1929 (Трагедия советской деревни, 2000: 788; Плеханов, 2006: 79–81, 391). Например, зимой 1928 года в волостном селе Воскресенском Рыбинского уезда Ярославской губернии среди жителей звучали призывы «выкинуть трехцветный флаг и поднять восстание», в Донском округе СКК в подполье формировались вооруженные казачьи группы («Совершенно секретно», 2002: 47, 55). Только в декабре 1929 года чекисты зафиксировали в сельской местности более восьмидесяти массовых выступлений, в первую очередь в ЦЧО и Средне-Волжском крае. Почти половина из них связывалась с крестьянскими протестами против гонений на Православную Российскую Церковь и подавления религиозной жизни, а треть — с принудительными хлебозаготовками («Совершенно секретно», 2004: 583–585). Широко распространялись антибольшевистские листовки: в 1928 году — 845 учтенных случаев, в 1929-м — 2391 (Трагедия советской деревни, 2000: 788). Соответственно, ужесточалась карательная политика: в 1925 году в СССР за «контрреволюционные преступления» были осуждены 1042 человека, в 1926-м — 17 804 человек, в 1927-м — 26 036 человек, в 1929-м — 33 757 человек (Измозик, 1995: 121; Плеханов, 2006: 145).

В результате организованного натиска на деревню при помощи сталинских методов хлеб успешно «подкачался» (История ВКП(б), 1945: 279; Сто сорок бесед, 1991: 377). Но опыт 1927–1928 годов наглядно показал многим представителям высшей номенклатуры ВКП(б), насколько уязвима их власть в крестьянской стране, где

лояльность пролетариата и армии зависели от труда свободных сельских производителей, способных в ближайшие год-два сократить запашку и производство продовольствия или даже взяться за оружие. «Нельзя строить социализм, имея бандитские выступления и восстания среди крестьян» (Сталин, 1949: 197), — заявил Генеральный секретарь осенью 1927 года. Бывший номенклатурный работник ЦК А.Г. Авторханов в эмиграции так оценивал положение партии после хлебозаготовительных кризисов: «Сталин помнил, как пало царское самодержавие. “Хлеба, хлеба, хлеба!” — вот с какого лозунга начали Февральскую революцию в Петрограде. Сталин знал лучше, чем Бухарин, что большевистское самодержавие ждет та же судьба, под тем же лозунгом, если самому не произвести революцию сверху в деревне, чтобы предупредить революцию снизу в городе» (Авторханов, 1983а: 377).

В краткосрочной перспективе вероятность социального взрыва в столичных центрах неуклонно возрастала. В 1928–1929 годах органы ОГПУ регистрировали на промышленных предприятиях 1576 забастовок, в них участвовали 155 860 человек («Совершенно секретно», 2002: 160, 206, 256, 315, 376, 415, 455, 503, 544, 603, 670; «Совершенно секретно», 2004: 85, 139, 173, 229, 279, 320, 365, 406, 478, 526, 564, 602). С магазинных прилавков исчезали сметана, масло, творог, подсолнечное масло — и хлеб. Зимой 1928/29 года члены Политбюро приступили к введению карточной системы на хлеб, тем более в ряде регионов карточки уже существовали явочным порядком с 1928 года. 14 февраля 1929 года выдача хлеба по карточкам стала всесоюзной. Специальные заборные книжки, по которым отныне отпускался хлеб, получили только городские трудящиеся. В Москве и Ленинграде для рабочих и служащих предприятий устанавливалась норма суточной выдачи печеного хлеба в 900 граммов, для членов их семей, служащих, безработных и прочих категорий трудящихся — 500 граммов. В остальных промышленных районах и рабочих поселках, соответственно, 600 и 300 граммов. Крайней датой введения карточек назначалось 1 марта (Осокина, 2008: 95). Вслед за рационированием хлеба неизбежно наступала очередь мяса, сельди, молока, яиц, масла и других продуктов. Но карточки не спасали.

В последнем квартале 1929 года в снабжении горожан все равно возникали перебои — месячные нормы выдачи хлеба сокращались в Сибири и на Дальнем Востоке. В Москве, Владимире, Костроме, Нижнем Новгороде не хватало рыбы, колбасы, сахара, кондитерских изделий. В столице вместо мяса покупателям предлагалась конина, не пользовавшаяся спросом. В ярославских очередях дрались за галошами. Прямым следствием ухудшения условий труда и быта становились локальные забастовки на фабриках и заводах («Совершенно секретно», 2002: 566–567, 572–573). Сексоты ОГПУ фиксировали резко критические высказывания против расширения колхозной системы, циркулировавшие среди части рабочих на пред-

приятнях Ленинграда, Москвы, Нижнего Новгорода и других городов. Одни сомневались в ее целесообразности и эффективности, другие, особенно строители, утверждали, что в результате нового натиска Коммунистической партии на деревню уровень жизни мастеровых упал не только по сравнению с предреволюционным состоянием царской России, но даже при сопоставлении с эпохой крепостного права («Совершенно секретно», 2002: 569–570).

Наконец, при оценках мотивации руководителей ВКП(б) необходимо учитывать наличие непримиримой эмиграции, представлявшей на рубеже 1920-х — 1930-х годов потенциальную опасность для большевиков. Их политике противопоставлялся белогвардейский «активизм» и подготовка к «весеннему походу», заключавшаяся в сохранении и обучении военных кадров, насчитывавших десятки тысяч чинов в составе полковых объединений, а также сохранившихся частей и отдельных подразделений русской армии, прекратившей существование в 1924 году. Георгиевский кавалер и председатель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), генерал от инфантерии А.П. Кутепов накануне собственной гибели зимой 1930 года распорядился приступить к разработке оперативного плана по высадке крупного десанта на Кубань с целью возобновления боевых действий с опорой на казачество и крестьянство Юга России (Александров, 2004: 40–41). И при определенных обстоятельствах соединение «офицерской» и «кулацкой» контрреволюции могло состояться.

Следовательно, чтобы номенклатура ВКП(б) смогла удержать власть в СССР в начале 1930-х годов и продолжить в международном масштабе борьбу за коммунизм — постоянную величину в сталинской стратегии — сельские производители должны были лишиться возможностей для сопротивления и стать покорным объектом государственной эксплуатации. Для достижения этой прагматичной цели в кратчайший срок требовалось уничтожить наиболее состоятельную и хозяйственную часть хлеборобов-налогоплательщиков, а основную массу крестьян превратить в прикрепленных к государственной земле сельскохозяйственных рабочих, выполняющих плановые задания при фиктивной или минимальной оплате труда.

В сталинской программе социалистических преобразований деревни экспроприации подлежали не только собственность и орудия производства, но в первую очередь *крестьянский труд*. Поэтому в 1928 году Сталин публично назвал крестьянство «классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплуататоров» (Сталин, 1947: 192). При этом добровольно в колхозы не удавалось вовлечь даже всех бедняков, не говоря уже о середняцкой массе: концепция коллективного землепользования не имела популярности на селе. По свидетельству агронома Скворцова, работавшего в конце 1920-х годов в ЦЧО, в подавляющем большинстве хлеборобы коллективизации не хотели (Скворцов, 1955: 37). Осенью 1929 года в СССР насчитывалось более 25,4 млн крестьянских дворов, из которых бо-

лее 24,4 млн вели единоличное хозяйство и лишь чуть более 1 млн (4,1%) были коллективизированы (Прокопович, 1952: 191). Потребовалось невероятное насилие над крестьянством, чтобы в 1930–1933 годах осуществить «революцию сверху», в ходе которой номенклатура боролась за создание благоприятных условий для самосохранения. «Нет, тут уж руки не должны, поджилки не должны дрожать, а у кого задрожат — берегись! Защибем!» (Сто сорок бесед, 1991: 378) — так объяснял Молотов в 1972 году собеседникам жестокость решений, принимавшихся руководящими органами ВКП(б).

Таким образом, сталинская коллективизация в первую очередь имела политические причины, обусловленные социальными особенностями однопартийного государства. В стране с преобладающим крестьянским населением только колхозная организация сельского хозяйства, несмотря на все ее очевидные издержки и неэффективность принудительного труда, гарантировала партийной номенклатуре удержание власти, сохранение привилегированного положения и захваченной собственности, когда для них сложились очевидные угрозы в 1927–1929 годах. Недаром безымянные авторы «контрреволюционных» листовок расширяли аббревиатуру ВКП(б) как «Всероссийское Крепостное Право большевиков» («Совершенно секретно», 2008 а: 701). Кроме того, колхозная система породила постоянное недоедание и дефицит, поставила повседневную жизнь сельского населения под жесткий контроль местного совпартактива, заставила людей бороться за повседневное выживание — и минимизировала риски протестных выступлений, сняв проблему «кулацкой» контрреволюции. Двадцать лет спустя схожие процессы произошли на Западной Украине, когда коллективизация, репрессии и депортации закономерно привели к постепенной ликвидации социальной и хозяйственно-экономической базы подпольных формирований Украинской повстанческой армии (Гогун, 2012: 344–346).

На XVII съезде ВКП(б) 1934 года действительно собрались торжествовавшие «победители»: они навязали деревне колхозы и тем сделали неизбежным положение партийной бюрократии. Революция, которую в 1917 году русский крестьянин в солдатской шинели начал стихийным бунтом против культуры, права и собственности старой России, закончилась для него и его детей новым крепостным состоянием.

Библиография

- Авторханов А.Г. (1959). Технология власти. Процесс образования КПСС (мемуарно-исторические очерки). Мюнхен: ЦОПЭ.
- Авторханов А.Г. (1983а). Происхождение партократии. Т. 2: ЦК и Сталин. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне: Посев.
- Авторханов А.Г. (1983б). Мемуары. Франкфурт-на-Майне: Посев.

- Александров К.М.* (2004). Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения // Зарубежная Россия 1917–1945. Кн. 3 / Ред. кол. В.Ю. Черняев (гл. ред.), А.Л. Дмитриев, Л.А. Ивонинская и др. СПб. С. 37–46.
- Александров К.М.* (2010). «Вторая гражданская»: К истории вооруженной борьбы крестьянства против коллективизации в 1930–1931 годах // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова / Сб. науч. статей. Под ред. В.В. Попова. Сост. А.Л. Кузьминых. Вологда. С. 113–121.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* (1993). Население Советского Союза 1922–1991. М.: Наука.
- Баранов А.В.* (1997). ОГПУ и свертывание нэпа в 1926–1927 гг. (по материалам Северного Кавказа) // Политический сыск в России: история и современность. СПб. С. 190–197.
- Билимович А.Д.* (2007). Труды / сост. комм. Корицкий Э.Б., Дмитриев А.Л.; вступит. ст. Корицкий Э.Б., Щербаковский Г.З. СПб.: Росток.
- Борис Суварин о Сталине (1980) / Интервью М.Я. Геллера // Континент (Париж). № 22. С. 435–444.*
- Валентинов Н.В.* (1991). Наследники Ленина / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Терра.
- Гогун А.* (2012). Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Грегори П.* (2008). Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. (2002) / сост.: А.И. Кокурин и Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: Материк; Междунар. фонд «Демократия», 2002.*
- Гурина М.В.* (2015). Продовольственный ленд-лиз США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). № 12 (62). Ч. 3. С. 52–59.
- Данилов В.П.* (2004). Советская деревня в годы «Большого террора». Введение // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. / Главный ред. совет В. П. Данилов и др. Т. 5. Кн. 1. М. С. 7–50.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет (1968). М.: Политиздат.*
- Джекобсон М., Смирнов М.Б.* (1998). Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья. С. 10–24.
- Джилас М.* (1961). Новый класс. Нью-Йорк.: Прегер.
- Первая советская конституция (конституция РСФСР 1918 года): сборник документов (1938) / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР.*
- Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* (2012). Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью: По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Прометей.
- Жиромская В.Б.* (1994). Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник науч. трудов. М.: ИРИ. С. 27–49.
- Земсков В.Н.* (1994). Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник науч. трудов. М.: ИРИ. С. 145–194.
- Зензинов В.М.* (1944). Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию, 1939–1940. Нью-Йорк.
- Ивницкий Н.А.* (1996). Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). 2-е изд. М.: Магистр.
- Ивницкий Н.А.* (2004). Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание.

- Измозик В.С. (1995). Глаза и уши режима. Государственный и политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов.
- Измозик В.С., Старков Б.А., Павлов Б.А., Рудник С.Н. (2010). Подлинная история РСДРП–РКПб–ВКПб. Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. (1945) / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.
- История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7 т. Т. 1 (2004) / Отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН.
- Исупов В.А. (1994). Смертность населения в тыловых районах России в 1941–1942 годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник науч. трудов. М.: ИРИ. С. 95–114.
- Кедров Н.Г. (2018). Коллективизация российского крестьянства: генезис проблемы в отечественной постсоветской историографии // Пути России 1917–2017: сто лет перемен: Сборник статей под общ. ред. М.Г. Пугачёвой и В.П. Жаркова. М. — СПб. С. 91–99.
- Кедров Н.Г. (2019). Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.
- Кен О.Н. (2002). Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.) СПб.: Европейский университет.
- Климин И.И. (2002). Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: НИИХ СПбГУ.
- Кованьковский П.Л. (1956). Бюджет СССР (Историко-критический обзор) / Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы. Серия 1. Вып. 33. Мюнхен.
- Козлов В.П. (2011). Общая трагедия народов СССР // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1: 1929 — июль 1932. Кн. 1. / Редкол. В.В. Кондрашин и др. М.: Международный фонд «Демократия». С. 5–9.
- Колодежный В.Н. (2002). Эволюция земельной политики советской власти // Собственность на землю в России: История и современность / под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН. С. 348–399.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. (1984 а) Т. 3. 1922–1925. М.: Политиздат.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. (1984 б) Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат.
- Конквест Р. (1988). Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / под ред. М. Хейфеца. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Ленин В.И. (1970). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. Июнь — декабрь 1919. М.: Политиздат.
- Ленин В.И. (1981). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Май — ноябрь 1920. М.: Политиздат.
- Маслов С.С. (2007). Колхозная Россия. М.: Наука.
- Мельтохов М.И. (2002). Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече.
- Мерцалов В.С. (1948). Трагедия российского крестьянства (Анализ колхозной системы). Лимбург-на-Лане: Посев.
- Михеев В.И. (2008). Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. // Исторические чтения на Лубянке, 1997–2007. М.: Кучково поле. С. 173–188.
- Осокина Е.А. (2008). За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. 2-е изд. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина; РОССПЭН.

К.М. Александров
«Берегись! Защи-
бем!»: К вопросу
о социально-по-
литических при-
чинах сталинской
коллективизации

- Плеханов А.М. (2006). ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики, 1921–1928. М.: Кучково поле.
- Прокопович С.Н. (1952). Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. (1995) / ред.-сост. А.М. Анфилов, А.П. Корелин (отв. ред.). СПб.: БЛИЦ.
- Рылов В.Ю. (2018). Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939–1941). Воронеж.
- Семиряга М.И. (2000). Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН.
- XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января—10 февраля 1934 г. Стенографический отчет (1934). М.: Партиздат.
- Сидоров С.Г. (2000). Введение // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорюлько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Под ред. М.М. Загорюлько. М.: Логос. С. 25–58.
- Симонов Н.С. (1996). Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е — 1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН.
- Скворцов И.Ф. (1955). К земельной реформе новой России. Ч. 1–2. Б. м: Изд. автора.
- Смирнов М.Б., Сигачёв С.П., Шапов Д.В. (1998). Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья. С. 25–74.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2002). Т. 6. 1928 год / Ред. колл. А.Н. Сахаров и др. Сост. Н. Е. Быстрова, Л.П. Колодникова, А.Д. Чернев и др. М.: ИРИ РАН
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2004). Т. 7. 1929 год / Ред. колл. В.С. Христофоров и др. Сост. Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, Н.Е. Быстрова и др. М.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2008 а). Т. 8. Ч. 1. 1930 год / Ред. колл. А.Н. Сахаров и др. Сост. Н.Е. Быстрова, В.Н. Земсков, Л.П. Колодникова и др. М.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2008 б). Т. 8. Ч. 2: 1930 год / Ред. колл. А.Н. Сахаров и др. Сост. Н.Е. Быстрова, В.Н. Земсков, Л.П. Колодникова и др. М.: ИРИ РАН
- Солонин М.С. (2013). Июнь 41-го. Окончательный диагноз. М.: Эксмо.
- Сталин И.В. (1947). Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат.
- Сталин И.В. (1949). Собрание сочинений. Т. 10. М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. (1991). М.: Терра.
- Сувениров О.Ф. (1998). Трагедия РККА. 1937–1938. М.: Терра.
- Супрун М.Н. (1996). Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // Отечественная история. № 3. С. 46–54.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. (2000) / Главный ред. совет В. П. Данилов и др. Т. 2. Ноябрь 1929 — Декабрь 1930 / Ред. коллегия: Н. Ивницкий, В. Виноградов, Л. Виола и др. М.: ИРИ РАН; РОССПЭН..
- Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет (1963). М.: Госполитиздат.
- Фицпатрик Ш. (2008) Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина.
- Френкин М.С. (1978). Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен: Logos.
- Френкин М.С. (1987). Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон.
- Хантер Х. (1985). Если бы не коллективизация... Советское сельское хозяйство в годы 1928–1940 / Публ. Б.С. Пушкарёва // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1985. № 136. С. 242–259.

- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. (1930). М.: ОГИЗ.
- 60 лет колхозной жизни глазами крестьян (1991) / Публ. Е.Н. Разумовской // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс; Atheneum; Феникс. С. 113–162.
- Хлевнюк О.В. (2010). Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.
- Шанин Т. (2019). Неудобный класс: Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М.: Дело.
- Dallin A. (1957). *German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies.* London — N. Y.

К.М. Александров
«Берегись! Зашибем!»: К вопросу о социально-политических причинах сталинской коллективизации

“Look out or you’ll be harmed!”: On the social-political reasons for Stalin’s collectivization

Kirill M. Aleksandrov, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062, Russia. E-mail: history@sfi.ru

The article presents the results of the comprehensive analysis of the negative consequences of socialist transformations in the Soviet village for both society and national economy. The article is based on a wide range of sources and works on the reasons for collectivization in the USSR. The historiographic findings provide grounds for broad discussions that take into account different aspects, approaches and concepts — depending on the assessments of the priorities of I.V. Stalin and other leaders of the CPSU (b) at the turn of the 1920s — 1930s: from the necessary and forced development of the industry at the expense of the rural population exploitation to the establishment of the personal dictatorship of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU (b) and eradication of the peasant economic independence. The author suggests to search for an answer to the conceptual question about the meaning and reasonability of collectivization not so much in the economic conditions as in the social realities of the late 1920s as related to the peculiarities of the one-party state and to the sharp deterioration in the political situation under the grain-procurement crises determined by the artificial restrictions on the private initiative in the previous period. The main beneficiaries of the collective-farm system, which was imposed on the village by the unprecedented violence, were thousands of appointees of the CPSU (b), who sought to preserve their power, privileges and state property in their possession by introducing the ‘second serfdom’ and the all-Union system of forced labor, which put an end to the Russian Revolution of 1917.

Key words: collectivization, collective farms, peasant resistance, I.V. Stalin, V.M. Molotov, appointees, XVII Congress of the CPSU (b), grain procurement crises

References

- 60 let kolkhoznoy zhizni glazami krestyan* [60 years of the collective-farm life through the peasant eyes] (1991). Publ.: E.N. Razumovskaya. *Zveniya*, issue 1, Moscow: Progress; Atheneum; Feniks, pp. 113–162.
- Aleksandrov K.M. (2004) *Belaya voennaya emigratsiya v Evrope 1930–1945 gg. Noveye dokumenty, materialy, suzheniya* [White military emigration in Europe in 1930–1945. New documents, materials, estimates]. *Zarubezhnaya Rossiya 1917–1945*. Kn. 3. Red. kol. V.Yu. Chernyaev, A.L. Dmitriev, L.A. Ivnoninskaya i dr., Saint Petersburg, pp. 37–46.
- Aleksandrov K.M. (2010) “Vtoraya grazhdanskaya”: K istorii vooruzhennoy borby krestyanstva protiv kollektivizatsii v 1930–1931 godakh [“Second civil war”: On the history of

- the peasant armed struggle against collectivization in 1930–1931]. *Istoriik i ego vremya. Pamyati professora V.B. Konasova*. Pod red. V.V. Popova. Sost. A.L. Kuzminykh, Vologda, pp. 113–121.
- Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuza v 1922–1991* [Population of the Soviet Union in 1922–1991], Moscow: Nauka.
- Avtorkhanov A.G. (1959) *Tekhnologiya vlasti. Protseess obrazovaniya KPSS (memuarno-istoricheskie ocherki)* [Technology of Power. Creation of the CPSU (Memoirs and Historical Essays)], Munich: TSOPE.
- Avtorkhanov A.G. (1983a) *Proiskhozhdenie partokratii. T. 2: TsK i Stalin* [Origins of Partocracy. Vol. 2: Central Committee and Stalin]. 2-e izd., Frankfurt am Main: Posev.
- Avtorkhanov A.G. (1983b) *Memuary* [Memoirs], Frankfurt am Main: Posev.
- Baranov A.V. (1997) OGPU i svertyvanie NEPa v 1926–1927 gg. (po materialam Severnogo Kavkaza) [United State Political Administration of the USSR and the collapse of the NEP in 1926–1927 (based on the data from the North Caucasus)]. *Politicheskyy syusk v Rossii: istoriya i sovremennost*, Saint Petersburg, pp. 190–197.
- Bilimovich A.D. (2007) *Trudy* [Works]. Sost. komm. Koritsky E.B., Dmitriev A.L.; vstupit. st. Koritsky E.B., Shcherbakovsky G.Z., Saint Petersburg: Rostok.
- Boris Suvarin o Staline [Boris Suvarin about Stalin] (1980) Interviyu M.Ya. Gellera. *Kontinent* (Paris), no 22, pp. 435–444.
- Conquest R. (1988) *Zhatva skorbi. Sovetskaya kollektivatsiya i terror golodom* [The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine]. Pod red. M. Hafetsa, London: Overseas Publications Interchange.
- Dallin A. (1957) *German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies*, London–New York.
- Danilov V.P. (2004) Sovetskaya derevnya v gody “Bolshogo terrora”. Vvedenie [Soviet village under the Great Terror. Introduction]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy: v 5 t. Gl. red. soviet: V.P. Danilov i dr.*, vol. 5, book 1, Moscow, pp. 7–50.
- Dvenadtsaty s'ezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenografichesky otchet [Twelve Congress of the RCP (b). April 17–25, 1923. Verbatim Record] (1968), Moscow: Politizdat.
- Dyakov Yu.L., Kolodnikova L.P., Bushuyeva T.S. (2012) *Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931 gg.). Monarkhicheskie, natsionalisticheskie i kontrevolyutsionnye partii i organizatsii v SSSR: ikh deyatelnost i otnosheniya s vlastyu: Po dokumentam VChK–OGPU* [Protest Movement in the USSR (1922–1931). Monarchist, Nationalist and Counter-Revolutionary Parties and Organizations in the USSR: Their Activities and Relations with the Authorities: Based on the Documents of the All-Russian Extraordinary Commission and United State Political Administration], Moscow: Prometey.
- Fitzpatrick S. (2008) *Stalinskie krestyane. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Social History of Soviet Russia in the 1930s: Village], Moscow: ROSSPEN; Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. Yeltsina.
- Frenkin M.S. (1978) *Russkaya armiya i revolyutsiya, 1917–1918* [Russian Army and Revolution, 1917–1918], Munich: Logos.
- Frenkin M.S. (1987) *Tragediya krestyanskikh vosstaniy v Rossii, 1918–1921 gg.* [Tragedy of Peasant Uprisings in Russia, 1918–1921], Jerusalem: Leksikon.
- Gogun A. (2012) *Mezhdru Gitlerom i Stalinym. Ukrainskie povstantsy* [Between Hitler and Stalin. Ukrainian Rebels]. 2-e izd., ispr. i dop., Moscow: OLMA Media Grupp.
- Gregori P. (2008) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [Political Economy of Stalinism]. 2-e izd., Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina.
- GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960 (2002) [GULAG (Central Administration of Prison Camps). 1918–1960]. Sost.: A.I. Kokurin, N.V. Petrov; nauch. red. V.N. Shostakovskiy, Moscow: Materik; Mezhdunarodny fond “Demokratiya”.

- Gurina M.V. (2015) Prodovolstvenny lend-liz SShA [US food lend-lease]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no 12, part 3, pp.52–59.
- Hunter H. (1985) Esli by ne kollektivizatsiya... Sovetskoe selskoe kho-zyaystvo v gody 1928–1940 [If not for collectivization... Soviet agriculture in 1928–1940]. Publ.: B.S. Pushkarova. *Grani* (Frankfurt-am-Main), no 136, pp. 242–259.
- Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratky kurs* (1945) [History of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks). A Short Course]. Pod red. komissii TsK VKP(b), Moscow.
- Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh — pervaya polovina 1950-kh godov* (2004) [History of Stalin's GULAG. Late 1920s — first half of the 1950s]: v 7 t. Otv. sost. I.A. Zyuzina, Moscow: ROSSPEN, vol. 1.
- Isupov V.A. (1994) Smertnost naseleniya v tylovykh rayonakh Rossii v 1941–1942 godakh [Mortality in the rear regions of Russia in 1941–1942]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii*, Moscow: IRI, pp. 95–114.
- Ivnitsky N.A. (1996) *Kollektivizatsiya i raskulachivaniye (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and Dekulakization (in the Early 1930s)]. 2-e izd., Moscow: Magistr.
- Ivnitsky N.A. (2004) *Sudba raskulachennykh v SSSR* [Fate of the Dispossessed Kulaks in the USSR], Moscow: Sobranie.
- Izmozik V.S. (1995) *Glaza i ushi rezhima. Gosudarstvenny i politichesky kontrol za naseleniem Sovetskoy Rossii v 1918–1928 godakh* [Eyes and Ears of the Regime. The State and Political Control over the Population of Soviet Russia in 1918–1928], Saint Petersburg: Izd-vo SPbUEF.
- Izmozik V.S., Starkov B.A., Pavlov B.A., Rudnik S.N. (2010) *Podlinnaya istoriya RSDRP–RKPb–VKPb. Kratky kurs. Bez umolchaniy i falsifikatsiy* [True History of the RSDWP–RCPb–ACPb. A Short Course. Without Omissions and Falsifications], Saint Petersburg: Piter.
- Jacobson M., Smirnov M.B. (1998) *Sistema mest zaklyucheniya v RSFSR i SSSR. 1917–1930* [System of penal institutions in the RSFSR and USSR. 1917–1930]. *Sistema ispravitelno-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960: Spravochnik*. Sost. M.B. Smirnov, Moscow: Zveniya, pp. 10–24.
- Jilas M. (1961) *Novy klass* [New Class], New York: Preger.
- Kedrov N.G. (2018) Kollektivizatsiya rossiyskogo krestyanstva: genezis problemy v otechestvennoy postsovetskoy istoriografii [Collectivization of the Russian peasantry: Genesis of the issue in the Russian post-Soviet historiography]. *Puti Rossii 1917–2017: sto let peremen*. Pod obshch. red. M.G. Pugachovoy, V.P. Zharkova, Moscow–Saint Petersburg, pp. 91–99.
- Kedrov N.G. (2019) Chetyre kontseptsii kollektivizatsii V.P. Danilova [Victor Danilov's four theories of collectivization]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 3, pp. 6–42.
- Ken O.N. (2002) Mobilizatsionnoe planirovaniye i politicheskie resheniya (konets 1920-kh — seredina 1930-kh gg.) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s — mid 1930s)], Saint Petersburg: Evropeyskiy universitet.
- Khlevnyuk O.V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdeniye stalinskoy diktatury* [Master. Stalin and the Establishment of Stalin's Dictatorship], Moscow: ROSSPEN.
- Klimin I.I. (2002) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i stanovleniye krestyan-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin Agrarian Reform and Formation of Peasant Owners Class in Russia], Saint Petersburg: NIIKh SPbGU.
- Kovankovsky P.L. (1956) *Byudzhety SSSR (Istoriko-kritichesky obzor)* [Budget of the USSR (historical-critical review)]. *Institut po izucheniyu istorii i kultury SSSR. Issledovaniya i materialy. Seriya 1*, issue 33, Munich.
- Kozlov V.P. (2011) Obshchaya tragediya narodov SSSR [The common tragedy of the peoples of the USSR]. *Golod v SSSR. 1929–1934. T. 1: 1929 — iyul 1932*. Kn. 1. Redkol.: V.V. Kondrashin i dr., Moscow: Mezhdunarodny fond “Demokratiya”, pp. 5–9.

- Kolodezhny V.N. (2002) Evolyutsiya zemelnoy politiki sovetской vlasti [Evolution of the Soviet land policy]. *Sobstvennost na zemlyu v Rossii: Istoriya i sovremennost*. Pod obshch. red. D.F. Ayatskova, Moscow: ROSSPEN, pp. 348–399.
- Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuzа v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)] (1984a) 9-e izd., vol. 3: 1922–1925, Moscow: Politizdat.
- Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuzа v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)] (1984b) 9-e izd., vol. 4: 1926–1929, Moscow: Politizdat.
- Lenin V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5-e izd., vol 39: iyun — dekabr 1919, Moscow: Politizdat.
- Lenin V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5-e izd., vol 41: may — noyabr 1920, Moscow: Politizdat.
- Maslov S.S. (2007) *Kolkhoznaya Rossiya* [Collective-Farm Russia], Moscow: Nauka.
- Meltyukhov M.I. (2002) *Upushchenny shans Stalina. Sovetsky Soyuz i borba za Evropu, 1939–1941 gg. (Dokumenty, fakty, suzhdeniya)* [Stalin's Missed Chance. Soviet Union and the Struggle for Europe, 1939–1941 (Documents, Facts, Estimates)], Moscow: Veche.
- Mertsalov V.S. (1948) *Tragediya rossiyskogo krestyanstva (Analiz kolkhoznoy sistemy)* [Tragedy of the Russian Peasantry (Analysis of the Collective-Farm System)], Limburg an der Lahn: Posev.
- Mikheev V.I. (2008) Iz istorii deyatelnosti OGPU Tsentralnogo Chernozemya v 1930 g. [From the history of the activities of the United State Political Administration in the Central Black-Earth Region in 1930]. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke, 1997–2007*, Moscow: Kuchkovo pole, pp. 173–188.
- Osokina E.A. (2008) *Za fasadom "stalinskogo izobiliya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the Facade of Stalin's Abundance: Distribution and the Market in the Supplies of the Population under Industrialization, 1927–1941]. 2-e izd., Moscow: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina; ROSSPEN.
- Pervaya sovetская konstitutsiya (konstitutsiya RSFSR 1918 goda): sbornik dokumentov (1938) [First Soviet Constitution (Constitution of the RSFSR of 1918): A Collection of Documents]. Pod red. A.Ya. Vyshinskogo, Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR.
- Plekhanov A.M. (2006) *VChK–OGPU v gody novoy ekonomicheskoy politiki, 1921–1928* [All-Russian Extraordinary Commission and United State Political Administration under the New Economic Policy, 1921–1928], Moscow: Kuchkovo pole.
- Prokopovich S.N. (1952) *Narodnoe khozyaystvo SSSR* [National Economy of the USSR], vol. 1, New York: Izd-vo im. Chekhova.
- Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumentalny spravochnik* [Russia in 1913. Statistical-Documentary Handbook] (1995) Red.-sost. A.M. Anfimov, A.P. Korelin (otv. red.), Saint Petersburg: BLITS.
- Rylov V.Yu. (2018) *Vlast i obshchestvo v Voronezhskoy oblasti v nachale Vtoroy mirovoy voyny (1939–1941)* [Power and Society in the Voronezh Region at the Beginning of the World War II (1939–1941)], Voronezh.
- Semiryaga M.I. (2000) *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaboration. Nature, Typology and Manifestations in the World War II], Moscow: ROSSPEN.
- Shanin T. (2019) *Neudobny klass: Politicheskaya sotsiologiya krestyanstva v razvivayushchemya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925], Moscow: Delo.

- Sidorov S.G. (2000) Vvedenie [Introduction]. *Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy*. Sost. M.M. Zagorulko, S.G. Sidorov, T.V. Tsarevskaya. Pod red. M.M. Zagorulko, Moscow: Logos, pp. 25–58.
- Simonov N.S. (1996) *Voенно-promyshlenny kompleks SSSR v 1920-e — 1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s — 1950s: Economic Growth Rates, Structure, Organization of Production, and Management], Moscow: ROSSPEN.
- Skvortsov I.F. (1955) *K zemelnoy reforme novoy Rossii* [On the Land Reform in New Russia], part 1–2, chapter 1–2.
- Smirnov M.B., Sigachov S.P., Shkapov D.V. (1998) *Sistema mest zaklyuche-niya v SSSR. 1929–1960* [System of penal institutions in the USSR. 1929–1960]. *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960: Spravochnik*. Sost. M.B. Smirnov, Moscow: Zveniya, pp. 25–74.
- “Sovershenno sekretno”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [“Top secret”: Lubyanka’s Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2002), vol. 6: 1928 god. Red. koll.: A.N. Sakharov i dr. Sost.: N.E. Bystrova, L.P. Kolodnikova, A.D. Chernev i dr., Moscow: IRI RAN.
- “Sovershenno sekretno”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [“Top secret”: Lubyanka’s Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2004), vol. 7: 1929 god. Red. koll.: V.S. Khristoforov i dr. Sost.: Yu.L. Diyakov, L.P. Kolodnikova, T.S. Bushueva, N.E. Bystrova i dr., Moscow: IRI RAN.
- “Sovershenno sekretno”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [“Top secret”: Lubyanka’s Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2008a), vol. 8, chapter 1: 1930 god. Red. koll.: A.N. Sakharov i dr. Sost.: N.E. Bystrova, V.N. Zemskov, L.P. Kolodnikova i dr., Moscow: IRI RAN.
- “Sovershenno sekretno”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [“Top secret”: Lubyanka’s Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2008 b), vol. 8, chapter 2: 1930 god. Red. koll.: A.N. Sakharov i dr. Sost.: N.E. Bystrova, V.N. Zemskov, L.P. Kolodnikova i dr., Moscow: IRI RAN.
- Solonin M.S. (2013) *Iyun 41-go. Okonchatelnyy diagnost* [June of 1941. Final Diagnosis], Moscow: Eksmo.
- Stalin I.V. (1947) *Voprosy leninizma* [Issues of Leninism], 11-e izd., Moscow: Gospolitizdat.
- Stalin I.V. (1949) *Sobranie sochineniy* [Collected Works], vol. 10, Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury.
- Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva* [One Hundred and Forty Conversations with Molotov. From F. Chuev’s Diary] (1991), Moscow: Terra.
- Suvenirov O.F. (1998) *Tragediya RKKA. 1937–1938* [Tragedy of the Workers-Peasants’ Red Army. 1937–1938], Moscow: Terra.
- Suprun M.N. (1996) *Prodovolstvennyye postavki v SSSR po lend-lizu v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Food supplies to the USSR under lend-lease in the World War II]. *Otechestvennaya istoriya*, no 3, pp. 46–54.
- Tragediya sovetskoй derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy: v 5 t.* [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939: Documents and Materials: in 5 vols.] (2000) Gl. red. sovet: V.P. Danilov i dr., vol 2: noyabr 1929 — dekabr 1930. Red. koll.: N. Ivniits-ky, V. Vinogradov, L. Viola i dr., Moscow: IRI RAN; ROSSPEN.
- Trinadtsaty s’ezd RKP(b). May 1924 goda. Stenografichesky otchet* [Thirteenth Congress of the RCP (b). May 1924. Verbatim Record] (1963), Moscow: Gospolitizdat.
- Valentinov N.V. (1991) *Nasledniki Lenina* [Heirs of Lenin]. Red.-sost. Yu.G. Felshtinsky, Moscow: Terra.
- XVII s’ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). 26 yanvarya — 10 fevralya 1934 g. *Stenografichesky otchet* [XVII Congress of the All-Union Communist Party (b). January 26 — February 10, 1934. Verbatim Record] (1934), Moscow: Partizdat.

- XVI s'ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). *Stenografichesky otchet* [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim Record] (1930), Moscow: OGIz.
- Zemskov V.N. (1994) Spetsposelentsy (1930–1959 gg.) [Special settlers (1930–1959)]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii*, Moscow: IRI, pp. 145–194.
- Zenzinov V.M. (1944) *Vstrecha s Rossiey. Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze. Pisma v Krasnuyu armiyu, 1939–1940* [Meeting Russia. What Life People Live in the Soviet Union. Letters to the Red Army, 1939-1940], New York.
- Zhiromskaya V.B. (1994) Chislennost naseleniya Rossii v 1939 g.: poisk is-tiny [Population of Russia in 1939: The search for truth]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii*, Moscow: IRI, pp. 27–49.

Православная церковь в СССР накануне коллективизации

К.П. Обозный

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: history@sfi.ru

В статье представлено положение православной церкви в Советской России накануне массовой коллективизации и раскулачивания 1930 года. На основе церковных документов и постановлений советского правительства прослеживаются серьезные изменения, которые происходили в церковной жизни различных епархий Московской Патриархии. Церковные расколы, массовые репрессии, количественное и качественное изменение состава духовенства — все эти факторы особым образом готовили советских граждан, и в первую очередь крестьянство, к серьезным переменам в аграрной политике большевиков. Несмотря на жесткую внутреннюю политику коммунистической партии, направленную на устранение всякой оппозиции (политической, экономической и религиозной), в том числе среди сельского населения, сопротивление колхозной системе проходило прежде всего по линии духовной. Таким образом, ослабление позиций церкви и фактическое ее разорение в конце 1920-х — начале 1930-х годов стало частью плана советского правительства, направленного на подавление и порабощение крестьянства.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «сергианство», коллективизация, репрессии, колхозы, духовная оппозиция

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-97-108

В Париже в 1937 году вышла статья известного русского мыслителя, церковного историка, бывшего министра исповеданий Временного правительства Антона Владимировича Карташева «Русская церковь периода империи». В статье, описывая сокрушительные плоды советской политики, Карташев приходит к выводу о полном разрушении традиционного российского общества и порабощении большевиками всех общественных институтов: «Свободные общественные классы, столь гордившиеся своей организованностью: политические партии, интеллигенция, земские и городские самоуправления, промышленники, рабочие, — все уничтожены без остатка, все стали невольными рабами интернациональной власти. Долее всех сопротивлялось крестьянство. Но и оно уже сломлено как целое» (Карташев, 1996: 181).

Статья Карташева вышла в год Большого террора, к тому времени советское крестьянство получило сокрушительный удар, от кото-

рого оно уже не оправится. Колхозная система во второй половине 1930-х годов не вызывала активного сопротивления, а православная церковь переживала тяжелые времена. Совсем иная ситуация была накануне начала кампании по тотальной коллективизации, которая началась 30 января 1930 года, когда члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным приняли постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Тогда и крестьянство, и православная церковь были довольно консолидированной силой и в определенной мере имели внутренний потенциал для сопротивления советской власти. Особенного внимания заслуживает положение православной церкви к началу 1930 года. Это положение в основном определялось двумя документами — Декларацией о лояльности церкви советской власти, подписанной митрополитом Сергием (Страгородским), и постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Первый документ был опубликован в советских газетах в июле 1927 года, а постановление правительства в апреле 1929 года. Конечно, не следует забывать о главном документе, регулирующем положение верующих и церковных организаций в СССР, Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви. Через десять лет после выхода декрета многие верующие и клирики и даже епископы не расценивали его в однозначно негативном ключе, как это было в 1918 году. Духовенство, находящееся в заключении в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), в мае 1926 года в своем обращении к большевистскому правительству отмечало: «При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности» (Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1996: 208–209).

Казалось бы, насколько авторитетно было это мнение для православной церкви в Советской России? Следует напомнить, что к этому времени почил патриарх Тихон, а вернувшийся весной 1926 года из ссылки местоблюститель патриаршего престола митрополит Агафангел (Преображенский) не смог вступить в свои права из-за жесткого противостояния митрополита Сергия (Страгородского), все более уверенно занимавшего центральную роль в высшем церковном управлении. Однако еще в 1923 году патриарх Тихон подписал указ о первенстве епископов, отбывающих заключение в Соловецком лагере (Регельсон, 2007: 350). Тем самым патриарх подтверждал, что и после его смерти старшими в Церкви будут не архиереи, занимающие важные должности высшего церковного управления, а те, кто был осужден большевиками

на ссылки, тюрьмы и лагеря. С выходом Декларации приоритеты официальной церковной жизни начинают меняться. При этом следует отметить, что этот документ был составлен митрополитом Сергием в обмен на возможность легализовать высшее церковное управление. По советским законам для религиозных организаций, действовавших легально, требовалась обязательная регистрация в органах внутренних дел. Задача регистрации четко осознавалась и патриархом Тихоном, и местоблюстителями патриаршего престола, и митрополитом Сергием (Страгородским). При этом показателен тот факт, что проект Декларации о лояльности советской власти, подготовленный в 1926 году, был отклонен Е.А. Тучковым, одним из активных сотрудников ОГПУ, курировавшим церковный вопрос. Степень лояльности в проекте Декларации была недостаточной, как посчитало советское правительство. Слова осуждения в адрес врагов большевиков, прежде всего зарубежного духовенства, были прописаны без должной категоричности. Чтобы получить желанную регистрацию высшего церковного управления, митрополит Сергей (Страгородский) пошел на компромисс, подготовил новый вариант Декларации и весной 1927 года был освобожден из заключения, получив и возможность сформировать Временный патриарший синод, и документ о регистрации.

Какие интересы преследовало советское руководство, затевая эту игру с митрополитом Сергием? Во-первых, Декларация должна была успокоить западную общественность, выступавшую в защиту христиан в СССР. Во-вторых, Декларация, а вернее реакция на нее, должна была выявить противников большевиков в церковной ограде, подвергнуть их церковному осуждению, а затем политическому и правовому преследованию. По сути дела, митрополит Сергей вручил советской власти и ОГПУ своего рода «лакмусовую бумажку» для определения контрреволюционных элементов среди «церковников». В-третьих, сотрудники ОГПУ, разрабатывавшие эту операцию, не без оснований полагали, что столь провокационный документ с заявлением: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (Русская Православная Церковь..., 1996: 226), неминуемо приведет к новому церковному расколу, подобно тому, как это случилось весной-летом 1922 года с появлением в православной церкви обновленчества.

Действительно, уже летом и в начале осени 1927 года многие православные приходы, клирики и архиереи отказались подписывать Декларацию, не признавали старшинство митрополита Сергия и отказывались возносить за богослужением его имя как старшего епископа. В некоторых епархиях до 90% приходов не приняли Декларацию (Регельсон, 2007: 434). Не менее 37 архиереев отказались от административного подчинения митрополиту Сергию и созданному им Синоду (поименный список см. Там же: 546–548).

Среди них были наиболее авторитетные православные епископы: митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Феодор (Поздеевский), митрополит Агафангел (Преображенский), митрополит Иосиф (Петровых) и другие. Таким образом появилось движение «непоминающих», приверженцы которого не приняли не только Декларацию, но и последующую церковную политику безграничного компромисса и сотрудничества (по сути, церковного коллаборационизма) с безбожной властью, получившую вскоре наименование «сергианство».

Наиболее крупные и влиятельные центры церковной оппозиции сложились в Ленинградской области и на Северо-Западе России, а также в Центрально-Черноземной области (объединявшей территории современных Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Белгородской, Курской областей). В январе 1928 года епископ Козловский Алексей (Буй) обратился к своей пастве с посланием, в котором заявил о том, что своими «противными духу Православия деяниями» митрополит Сергей (Страгородский) изверг себя из Церкви и «утратил право предстоятельства», то есть церковного старшинства (Шкаровский, 1999а: 39). Это заявление послужило началом движения «непоминающих», которое в научной литературе именуется по имени его духовного лидера — «бுவевцы». Кроме епископов, клириков и монашествующих в этом движении было значительное число мирян из сельских приходов. Несмотря на репрессии и на активную деятельность Союза воинствующих безбожников, большинство крестьян старшего поколения сохраняло традиционную религиозность. Следует отметить, что уровень их воцерковленности зачастую был невысок, однако консервативное начало играло определяющую роль. Чем большее давление оказывали власти на традиционность религиозных убеждений, тем сильнее проявлялась приверженность крестьянства к вере предков и нежелание поддаваться секулярному духу большевистской пропаганды.

Кроме традиционной консервативности крестьян важную роль играли возрастающие эсхатологические настроения. Их стремительный рост не в последнюю очередь был вызван советскими реформами на селе и церковным конформизмом «сергианского» духовенства. Советское руководство и его союзник митрополит Сергей (Страгородский) удостоивались не самых лестных оценок церковной оппозиции.

Так, например, находящийся к моменту публикации Декларации в Соловецком лагере архиепископ Иларион (Троицкий) в частном письме написал такие строчки: «Всякому, имеющему очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно, что вопреки декрету об отделении Церкви от государства, Православная Церковь вступила в тесный, живой контакт с государством. И каким государством?! Возглавляемым не Православным царем, а властью, которая основной задачей своей поставляет уничтожение на земле всякой рели-

гии, и прежде всего Православного Христианства...» (Русская Православная Церковь..., 1996: 238).

Другой противник безграничной лояльности большевикам архиепископ Димитрий (Любимов) на допросе еще более принципиально обосновал неприятие советской власти и той части церкви, которая декларировала свою преданность «слугам Антихриста». Лидер «непоминающих» в северо-западных районах Советской России от лица своих единомышленников заявил следователю: «... Мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям не является для нас государственной властью, такой, какой мы подчиняться можем. ...Признание нами советской власти властью антихристовой должно было повлечь за собой для верующих, ориентирующихся на нас, невозможность участвовать в каких бы то ни было ее начинаниях» (Священноисповедник Димитрий, 2008: 394–395).

Эти откровенные высказывания заключенного епископа были фактически руководством к действию оппозиционного духовенства и их паствы уже в 1928–1929 годах. «Непоминающие» Центрально-Черноземного региона СССР также занимали непримиримую позицию в отношении большевиков и их пособников из церковной ограды. Так, на следствии в начале 1930 года церковный староста одного из приходов Воронежской губернии давал показания о ситуации в деревне осенью 1929 года: «...Духовенство и верующие сейчас терпят большие насилия от Советской власти. Церкви закрываются, священники арестовываются, а крестьян насильно загоняют в колхозы» (Шкаровский, 1999а: 43). Особая роль отводилась духовным беседам, которые проводили с крестьянами священники и странствующие монахини. Главной мыслью этих беседований было убеждение, что «...колхозы есть фактическое закрытие церкви, лишение верующих общения с Богом, лишения получения благодати, что колхозы есть не что иное, как дело рук сатаны. Когда же крестьянство будет восставать против колхозов, то неизбежно будет и то, что правительство вынуждено будет пойти на уступки или же ему будет грозить крах» (Там же). Как теперь известно, ожидания оппозиции не оправдались. Советская власть не дрогнула, не пошла на уступки, а решительно подавила и духовное, и социальное сопротивление так, что к началу 1940-х годов и легальная часть православной церкви, и свободолюбивое крестьянство были разгромлены.

Накануне кампании по раскулачиванию в апреле 1929 года вышло постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», которое на долгое время определило положение религиозных сообществ, в том числе православных приходов в СССР. Конечно, начало антицерковной политики большевиков было положено Декретом СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 года, более известным как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. После окончания Гра-

жданской войны и натиска на православную церковь в 1922 году в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в фонд Помгола, казалось бы, пришло время перемирия и новых возможностей для урегулирования положения христиан в Советской России. Однако на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года, заметим, уже после выхода печально знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского), лидеры большевиков поставили задачу перехода крестьянских хозяйств на «рельсы» крупного производства. Весьма показательны, что на пленумах ЦК и в некоторых партийных директивах отмечалась насущная потребность усиления антирелигиозной пропаганды и подавления духовного сопротивления, без которых невозможно было осуществить новую аграрную политику на селе. В итоговой части политического доклада Сталина на XV съезде среди серьезных недостатков было упомянуто «ослабление антирелигиозной борьбы» (Сталин, 1954: 324).

Весной 1929 года в новом документе советская власть не только вновь подтверждала принцип отделения церкви от государства и закрепляла отъем права юридического лица у Церкви, но и установила новые правила деятельности религиозных общин. Постановление было призвано урегулировать отношения государства с той частью советского общества, которое продолжало приращиваться «религиозных предрассудков». Постановление состояло из 68 статей и определяло два аспекта религиозной жизни общества: деятельность религиозных объединений и функционирование культовых зданий. Благодаря этому документу в лексикон церковно-государственных отношений вошел термин «двадцатка», то есть двадцать советских граждан (не менее), которые имели право подать заявление в местные органы советской власти для регистрации религиозного общества. В том случае, если собиралось меньше верующих для заключения договора, то такое объединение «группа верующих» не могло получить в бесплатное пользование молитвенное здание и церковную утварь, а могло их получить на правах аренды (п. 10). С другой стороны, если «двадцатка» по тем или иным причинам потеряла своих членов, то вновь возникала угроза снятия религиозного объединения с регистрации. Вступить в состав «двадцатки» во времена нарастающих гонений на верующих было актом гражданского и христианского мужества. По сути дела, это означало поставить себя под удар, обозначить себя как гражданина, который еще претендует на сохранение «религиозных убеждений». Особенно важно отметить, что такой гражданин мог быть «членом только одного религиозно-культового объединения» (Русская Православная Церковь..., 1996: 250).

Примечательно, что в таком пространным документе, посвященном религиозным объединениям, практически не упоминаются служители религиозного культа. Только в одном параграфе (п. 19) речь идет о священниках. С одной стороны, это подчеркивает отношение советской власти к лицам этой профессии. Этим постановле-

нием большевистское законодательство фактически отрицало признание церковной иерархии и старшинства клириков, а основной упор был сделан на сотрудничество с простыми верующими, не облеченными церковной властью. Таким образом, разрывались связи на уровне приход — священник — епископ. Религиозное объединение по смыслу Постановления теперь не имело нужды сообщения с правящим архиереем, точно так же и епископ был бессилён каким-то образом влиять на жизнь приходской общины. С другой стороны, самое главное в этом параграфе то, что священник фактически был привязан к определенному месту служения, зафиксированному при регистрации общины: «Район деятельности служителей культа, <...> ограничивается местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения» (Там же: 252). Тем самым облегчался контроль властей за священнослужителями, а также осложнялось положение религиозных общин, не имеющих постоянного клирика. Это давало все возможности для эффективного сокращения духовенства в СССР.

Постановление предусматривало возможность религиозному обществу «пользоваться только одним молитвенным помещением» (Там же: 251). Такое ограничение могло сковывать религиозную деятельность крупных объединений. Однако нужно признать, что непосильный налоговый гнет (по сути, на культовую деятельность) зачастую не позволял религиозным объединениям выполнять все предписания советских властей, закрепленных в Постановлении. Хорошо известно, что по этому документу приходские религиозные общины лишались практически всех прав, которые были у них до 1929 года. Были запрещены благотворительная, образовательная, просветительская деятельность, на проведение приходских собраний и религиозных шествий нужно было обязательно получать разрешение у местных властей. Вся жизнь религиозного объединения строго ограничивалась совершением культовых действий и ритуалов.

Постановление предусматривало выборы общим собранием верующих исполнительных органов в количестве трех граждан. Однако местные власти имели «право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц» (Там же: 252).

Особо следует выделить содержание параграфов 46–53, касающихся работы специальных комиссий, которые выезжали на место освидетельствовать молитвенные здания на предмет их технического, санитарно-гигиенического, противопожарного состояния. Работа комиссии была построена таким образом, что оспорить ее решение было практически невозможно. Нередко комиссии с целью вынести вердикт о непригодности к использованию верующими молитвенного здания опирались на внутренние инструкции, которые в большинстве случаев «двадцатке» были не известны. Таким образом, Постановление значительно увеличивало поле для произвола советских

властей и становилось эффективным инструментом антирелигиозной борьбы. Именно поэтому после 1929 года начинается обвальное сокращение числа действующих храмов и молитвенных зданий в СССР, фиксируемое статистикой. Насильственное закрытие приходских храмов привело к катастрофическим результатам к концу 1930-х годов. Не в последнюю очередь это были плоды воплощения в жизнь Постановления о религиозных объединениях. Российский исследователь А.Л. Беглов хорошо показал, что этот документ серьезным образом сузил легальную церковную жизнь и способствовал росту церковного подполья. По свидетельству очевидцев, именно период 1929–1930 годов сохранился в памяти уцелевшего духовенства как самые страшные годы гонений и репрессий (Беглов, 2008: 35).

Еще один немаловажный штрих к общей картине религиозной жизни накануне тотальной коллективизации. В 1928 году было принято решение о закрытии всех православных монастырей. Первый натиск на монастыри начался еще в годы Гражданской войны, потом была следующая волна, когда шла кампания по изъятию церковных ценностей в 1922–1923 годах. В то время многие монастыри смогли сохраниться благодаря тому, что регистрировались как «сельскохозяйственные артели». В 1930 году официальных сельскохозяйственных общин на базе монастырей уже не было. Монашеские общины переходили на нелегальное положение, зачастую становились центрами сопротивления советской религиозной политике и «сергианству». Однако помимо политических у советской власти были и экономические причины таких гонений. Нередко монашеские артели, создавшие крепкие хозяйства аграрного сектора, были серьезным конкурентом для сельскохозяйственных коммун и колхозов, насаждавшихся большевиками.

В качестве иллюстрации можно использовать историю женского монастыря, основанного Марией Константиновной Арсеньевой, в постриге игуменьей Ефросиньей. В 1905 году в селе Нежадове Лужского уезда Петербургской губернии она основала Воскресенско-Покровский женский монастырь. Мария Константиновна получила благословение о. Иоанна Кронштадтского и заручилась поддержкой столичного митрополита Антония (Вадковского). Монашескую общину она собирала для молитвы и просветительских целей как некий ответ на смуту 1905 года. Фактически это была попытка возрождения древнего чина диаконис. В монастыре собрался довольно большой процент насельниц с высшим образованием. Это были педагоги, медики, люди, вполне состоявшиеся и крепко утвердившиеся в вере Христовой. Позже, уже в советские годы, некоторые из них работали в фельдшерских пунктах, в школах, причем приходили на работу в монашеской одежде, до 1928 года это позволялось. Вместе с тем нежадовский монастырь был своего рода показательной сельхозартелью, носившей имя Воскресения Христова. Монастырь оказывал местным крестьянам помощь в ведении сельского хозяйства: снабжал посевными семенами, предоставлял в аренду сельхозоборудование

и инструменты. Но в 1928 году из Ленинграда приехала комиссия, чтобы закрыть монастырь и разогнать общину. Перед этим в местной газете появилась публикация «Черный колхоз». Когда местных крестьян начали агитировать и предлагали вступать в колхоз, то они в своем большинстве отказывались, объясняя это тем, что у них уже есть артель, которая им всегда готова помочь — дает зерно, мясо, детей учит, воспитывает и даже лечит. Тогда и встал вопрос о разгоне артели. Трудовая монашеская община в Нежадове была окончательно закрыта летом 1928 года. Игуменья Ефросинья с ближайшим кругом сестер арестована. Позже ядро общины переехало в Гатчину, затем — в Муром. Там был создан тайный монастырь, который в 1930-е годы в период Большого террора был разоблачен, а сама игуменья расстреляна (Болховитинов, 2004). Это характерный пример того, как монастыри оказались серьезным препятствием массовой коллективизации, особенно в тех местах, где занятие сельским хозяйством было затруднительно.

Осенью 1929 года в СССР началась «антиколокольная кампания». Она имела «внешнее оправдание». Колокольный лом был необходим для решения задач индустриализации, нужно было поднимать электротехническую промышленность, и казалось, что медь колоколов, которые изымали на православных приходах и в монастырях, поможет решить эту проблему. Правда, потом выяснилось, что в стране отсутствовали перерабатывающие мощности. Не было технологий, не было и самой промышленности. В конце концов, из меди церковных колоколов начали штамповать советские монеты. Но есть и другое объяснение этой кампании. Запрет колокольного звона и борьба с колоколами была борьбой со стихийными выступлениями верующих, потому что удар в колокол — набат — это прежде всего сигнал для сбора верных христиан на защиту храма, на защиту церковного имущества или духовенства. Это было не первое такое постановление советской власти. Начало было положено в годы Гражданской войны в 1919 году, затем в 1923 году, когда стихийные выступления верующих, собранных колокольным звоном, порой затрудняли изъятие церковных ценностей. В 1929 году это постановление, запрещавшее трезвон и позволявшее реквизировать колокола, должно было предотвратить нарастающее возмущение крестьян, вызванное колхозной политикой большевиков.

Нельзя не упомянуть о все более активных действиях «Союза воинствующих безбожников», в том числе среди сельского населения. В основном молодое поколение крестьян в этот период оканчивается легкой добычей СВБ. Немалая часть сельской молодежи была вовлечена в антирелигиозные акции «безбожников», стараясь порвать «с темным прошлым» деревни. В эти переломные годы большевики и «Союз воинствующих безбожников» сумели собрать некоторый «урожай» и в деревне.

На 1 января 1928 года количество молитвенных зданий на территории РСФСР, до момента начала действия «Постановления о ре-

лигиозных объединениях», составляло 38 442. Из этого числа 29 548 культовых зданий находились в пользовании православных общин, при этом около 1000 не использовались по назначению или пустовали. В пользовании общин обновленческого течения было всего 3411 молитвенных зданий, у старообрядческих общин 1707 молитвенных зданий, у католических общин 137 культовых зданий, у иудаистов 265 молитвенных домов. Эти данные были собраны статистическим отделом НКВД (Батченко, 2019: 275).

Весьма показательно, что большинство молитвенных зданий (34 091 из 38 442) разных конфессий до 1929 года находилось в сельской местности. В первые годы коллективизации с геометрической прогрессией растет статистика закрытых молитвенных зданий. Например, в 1927 году было закрыто 134 молитвенных здания, в 1928 году закрыто 542 храма, а в 1929-м — уже 1000 зданий за один год (Шкаровский, 1999б: 88). Это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны на всей территории СССР (помимо областей, присоединенных к Союзу в 1939–1940 годах) сохранилось не более 300 официально действующих православных храмов.

На первый взгляд несвязанные друг с другом Декларация 1927 года и Постановление о религиозных объединениях 1929 года по замыслу советского руководства должны были подготовить надежную почву для активного проведения коллективизации и кампании по раскулачиванию. Подрыв религиозных основ, традиционной духовной культуры, снижение авторитета клириков и монашествующих, массовое закрытие храмов все это было не просто «борьбой с религиозными пережитками». Это была еще и попытка переломить хозяйственную ментальность и тягу крестьянства к собственности, к некоторой степени свободы. Социальной и духовной опорой в отстаивании своих прав для большинства крестьян были храмы и монастыри, и оставшиеся на свободе клирики и монашествующие. Процессы массовой насильственной коллективизации и советских репрессий в отношении православной церкви были проведены по-своему блестяще, поскольку до сих пор достижения советской власти в этих направлениях в современной России ощущаются крайне болезненно. Выйти из кризиса пока не смогли ни православная церковь, ни сельское хозяйство в России.

Библиография

- Батченко С.В. (2019). Власть и вера: антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. СПб.: Петроглиф.
- Беглов А.Л. (2008). В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М.: Арефа.
- Болховитинов С.А. (2004). Воскресенско-Покровский женский монастырь в Нежадово // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 32. СПб. С. 90–107 [URL: <http://plussa-region.narod.ru/library/bolhovitinov/sobor.htm> (дата обращения: 20.09.2020)].

- Карташев А.В. (1996). Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел.
- Регельсон Л. (2007). Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. М.: Изд-во Крутицкого подворья: О-во любителей церковной истории.
- Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: Документы и фотоматериалы (1996). М.: Библийско-богословский институт св. Апостола Андрея.
- Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский, сподвижники его и сострадальцы: Жизнеописание и документы (2008) / Сост. Л.Е. Сикорская. М.: Братонез.
- Сталин И.В. (1954). Сочинения. Т. 10. М.: Гос. изд-во полит. литературы. [URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/10-13.html> (дата обращения: 20.09.2020)].
- Шкаровский М.В. (1999а). Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал».
- Шкаровский М.В. (1999б). Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Изд-во Крутицкого подворья: О-во любителей церковной истории.

Orthodox Church in the USSR on the eve of collectivization

Konstantin P. Obozny, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062, Russia. E-mail: history@sfi.ru

The article describes the position of the Orthodox Church in Soviet Russia on the eve of the mass collectivization and dekulakization in 1930. Based on the church documents and decrees of the Soviet government, the author identifies serious changes in the church life of different dioceses of the Moscow Patriarchate. Church schisms, mass repressions, quantitative and qualitative changes in the composition of the clergy — all these factors in some ways prepared Soviet citizens, primarily the peasantry, for serious changes in the agrarian policy of the Bolsheviks. Despite the tough internal policy of the Communist Party, which aimed at eliminating all opposition (political, economic and religious), including among the rural population, the resistance to the collective-farm system was primarily spiritual. Thus, the weakening church and its destruction in the late 1920s — early 1930s became a part of the Soviet government plan that aimed at suppressing and enslaving the peasantry.

Key words: Russian Orthodox Church, Sergianism, collectivization, repressions, collective farms, spiritual opposition

References

- Batchenko S.V. (2019) *Vlast i vera: antireligioznaya politika i ee vospriyatie naseleniem Zapadnoj oblasti, 1929–1934 gg.* [Power and Faith: Anti-Religious Policy and Its Perception by the Population of the Western Region, 1929-1933]. Saint Petersburg: Petroglif.
- Beglov A.L. (2008) *V poiskah "bezgreshnyh katakomb": tserkovnoe podpolie v SSSR* [In Search for "Sinless Catacombs": Church Underground in the USSR], Moscow: Arefa.
- Bolkhovitinov S.A. (2004) *Voskresensko-Pokrovsky zhensky monastyr v Nezhadovo* [Voskresensko-Pokrovsky Convent in Nezhadovo]. *Sankt-Peterburgskie eparkhialnye vedomosti*, vol. 32, Saint Petersburg, pp. 90–107.
- Kartashev A.V. (1996) *Tserkov. Istoriya. Rossiya. Statii i vystupleniya* [Church. History. Russia. Articles and Speeches], Moscow: Probел.
- Regelson L. (2007) *Tragediya Russkoj Tserkvi, 1917–1945* [Tragedy of the Russian Church, 1917–1945], Moscow: Izdatelstvo Krutitskogo podvoriya: Obschestvo lyubitelej tserkovnoj istorii.

- Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i kommunisticheskoe gosudarstvo, 1917–1941: Dokumenty i fotomaterialy* [Russian Orthodox Church and Communist State, 1917–1941: Documents and Photographs] (1996), Moscow: Bibleysko-bogoslovsky institut sv. Apostola Andreyana.
- Svyashchennoispovednik Dimitry, arkhiepiskop Gdovsky, spodvizhniki ego i sostradaltsy: Zhizneopisaniya i dokumenty* [Priest Demetrius, Archbishop of Gdovsk, His Associates and Compassionates: Biographies and Documents] (2008) Sost.: L.E. Sikorskaya, Moscow: Bratonezh.
- Stalin I.V. (1954) *Sochineniya* [Works], vol 10, Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury.
- Shkarovsky M.V. (1999a) *Iosifyanstvo: techenie v Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi* [Josephism: A Direction of the Russian Orthodox Church], Saint Petersburg: “Memorial”.
- Shkarovsky M.V. (1999b) *Russkaya pravoslavnaya tserkov pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg.)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964)], Moscow: Izdatelstvo Krutitskogo podvoriya: Obschestvo lyubitelej tserkovnoj istorii.

Korean modernization and peasant mobilization in the 1960s and 1970s

Kim Chang Jin

Kim Chang Jin, DSc (Political Science), Professor, Sungkonghoe University, 320, Yeondong-ro, Guro-gu, Seoul, 08359, South Korea. E-mail: koruskim@skhu.ac.kr

In the contemporary world history, rural communities and small producers did not naturally disappear due to the loss of economic competitiveness, but were artificially constrained and destroyed by the state laws, institutions, and policies. South Korea, which is considered a representative success case of the late capitalist industrialization after the World War II, can be an important example to examine the relevance of this challenging perspective. Korea's economic success was largely determined by the NACF (National Agricultural Cooperatives Federation) lack of integrity: it was to be a voluntary and autonomous organization of farmers, but became a subordinate partner of the agricultural policy of the military government. The Saemaul (New Country) Movement developed by the government to promote rural innovations actually accelerated the decline of agriculture for it was used to control farmers. In the 1960s and 1970s, the Korean rural society was deeply dependent on the state power. At the same time, the farmers resistance developed as a reaction to the military government policies, and the NACF became the target of the farmers collective resistance movement. Thus, under the Park Chung Hee's regime, Korean farmers were to participate in the national economy and become a part of the mandatory social-economic movement; however, they never managed to achieve a true class/collective political representation.

Key words: Korean modernization, peasant mobilization, Park Chung Hee's regime, NACF, Saemaul Movement, peasant movement, state power, autonomous modernization power

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-109-130

Introduction

In the countries that succeeded in modernization, why are farmers, who contributed the most to the successful modernization, still pushed to the social periphery? Since the Industrial Revolution, agriculture has been considered inferior in terms of low productivity and poor competitiveness; therefore, it was forced to take a path of contraction or extinction compared to other industries. Both liberals and Marxists, who admit the institutional superiority of the capitalist market economy and the technological superiority of industrial productivity, would say that “this is an economic law.” The article questions this statement. Could it be so that the ‘laws of the economy’ would

work even if there were no state powers that would actively, legally, institutionally and financially support the Bourgeoisie in making an alliance with them as a new ruling class. Since the 19th century, in Europe and North America, the urban upper class used state power to marginalize agriculture.

The Russian anarchist P.A. Kropotkin and American critical jurist R.M. Unger (who aligned with Kropotkin in his claims) provided completely different perspectives. Unger argued that the answer to the question whether the family farming, which was a viable alternative to agricultural concentration in the modern European economic environment, could play a progressive role in the industrialization and mechanization era, depended on the government rather than on technology or economy (Kropotkin, 1902; 2004; Unger, 1997: Chapter 5). This is a powerful challenge for the dominant view that presents modernization mainly in terms of technological development and economic efficiency. Although it is possible to speak of modernization without referring to the core system of the state, such an approach is insufficient or biased. Korea, a representative success case of the late capitalist industrialization after the World War II, can prove the relevance of the challenge.

In general, the Western-style modernization is a complex process of social changes based on industrialization and urbanization. Agriculture, on the one hand, provides raw materials for industrialization; on the other hand, agriculture is forced to turn into commercial farming. Large numbers of rural populations move to cities that require workforce. Farmers, who stay in the countryside, usually choose passive adaptation to structural economic and social changes. Some peasants, who refuse to become 'industrialized' or victims of large national and foreign capitals (Mexico, Russia, China, Vietnam, Algeria, Cuba and South Asia), choose social movements, revolts or revolutions (Wolf, 1968; Paige, 1975; Scott, 1976). However, despite temporary success, peasant protests are usually suppressed by national and/or imperialist forces who serve landlords or bourgeois classes.

In 1894, for about a year, the Donghak (the name of the national religion) Peasant Revolution or the Gapoh (the Asian sexagesimal system) Peasant War, controlled the province of Jeolla in Southern Korea, but eventually defeated by the Joseon Dynasty (1392–1910) army with the help of Chinese and Japanese troops. There are different interpretations (Kim Sangki, 1975; Shin Yongha, 1993; Jeong Changryeol, 2014; Woo Youn, 1993) of the nature and historical impact of this peasant revolution/war. The understanding of factors that determined the peasant uprising has changed: in addition to exploitation as a part of the traditional landlord-farmer relations, such factors as peasants anger due to the local officials' abusing authority, greed and tyranny are debated. However, I believe that the 1894 Peasant Uprising is a decisive event in which

the ruling elite of Korea, which strived to keep its power, trampled its autonomous modernization initiative. If the people and the ruling elite would have succeeded in making a kind of modernization alliance, Korea might have taken a different path in the early 20th century.

Since the forced colonization of Korea in 1910, the Japanese imperialism tried to ‘modernize’ the Korean economic system to build an East Asian economic sphere connecting Japan-Korea-Manchuria and to facilitate structural exploitation for the benefit of Japan. In the 1930s, the ‘Rural Promotion Movement’ in colonial Korea started the project of ‘Rural Modernization’ which aimed at increasing agricultural productivity and changing the lifestyle of farmers. ‘Modernization’ meant improving the standard of living for Korean farmers, but in fact it was the imperial looting policy of peasant mobilization implemented by the Governor General of Joseon, which became a model after the Japanese national agricultural policy. This policy was to ensure significant benefits for Japanese businesses in Korea and for Korean landlords who cooperated with Japan, and to keep farmers in terrible poverty.

In the early 1970s, 40 years after that and 10 years after Park Chung Hee, when the former Japanese military officer became the president of Korea through a military coup, a new rural movement, the Saemaul Movement, developed in the Korean village. It was the Korean-style rural development policy declared by the national leaders, and it was the nation’s large-scale farmer mobilization policy. The colonial policy of rural modernization was implemented in 1932-1940, when Park worked as a teacher in the countryside. About the Saemaul Movement, there is still a myth that the majority of the older generations of rural Korea remember — that it was the most successful national policy since the liberation in 1945. However, a comprehensive historical study of the Saemaul Movement needs further research for it is still one of the most controversial issues in the Korean contemporary history.

In general, the research of the Saemaul Movement follows the official (influenced by the state propaganda) position insisting on its great achievements. It is also considered a representative achievement of the Park Chung Hee’s successful modernization policy. But the critical academic analysis should take into account different multidimensional aspects of the issue, which include political motives, and social and economic effects of the Korean rural society modernization. The previous research based on the official position began in the 1980s and was published in English (Park Jin Hwan, 1998; Kim Edward, 1980; Lee Mangap, 1980). This research determined the public and foreign-scholar positive perception of the Saemaul Movement. The later more complex research, especially in the late 2000s, contributed to a more comprehensive study of the Saemaul Movement focusing on (1) the achievements

and limitations of the Saemaul Movement in terms of modernization and rural development; (2) critical analysis of the Saemaul Movement in terms of Park Chung Hee's social control and peasant mobilization; (3) specific aspects of the Saemaul Movement in rural areas and villages; and (4) the Korean farmers' autonomous modernization capabilities and traditions (Ha Jaehoon, 2014; Kim Youngmi, 2009; 2014).

I would like to reconsider the 1960s and 1970s, when Korea's modernization strategy was fully developed in terms of social continuity and the second wave of case studies addressing contradictions and paradoxes of the data. The majority of studies focusing on the Saemaul Movement in the 1970s excluded or nearly neglected the National Agricultural Cooperatives system that was the core of the rural community since the early 1960s and was deeply involved in the Saemaul Movement in the 1970s. Moreover, previous studies mainly examined the institutional evolution of the National Agricultural Cooperatives beyond overall social changes, which made them overlook the political and historical role of the Korean agricultural cooperatives. The interaction of the state and farmer is the key in the studies of the modernization strategy in the Third World and developing countries. In Korea, the National Agricultural Cooperatives are to be 'farmers' independent organizations', but act as government public corporations. This contradiction is an interesting and important dimension for the analysis of the Korean modernization.

The status of agriculture and the peasantry during the Korean modernization

Korea survived the 'Korean War' in 1950-1953 and was one of the poorest countries in the world until the 1960s — a typical Third-World economy. However, Korea joined the OECD in 1995, and became the world's 10th largest economy by GDP in 2005. The per capita income of Koreans surpassed \$30,000 in 2019 (\$82 in 1961). The economic development of Korea, which achieved such astonishing results, began in the 1960s — 1970s.

The Park Chung Hee's regime succeeded due to the Miracle of the Han River by implementing the state five-year economic plan. However, this regime was the result of the military coup on May 16, 1961, which destroyed the democratic government of the April Revolution in 1960. From the Korean War to the 1970s, the country relied on foreign aid from nations such as the United States and Germany, and eventually moved from poverty to the late 1980s, when it could provide assistance to developing countries (through the Economic Development Cooperation Fund (EDCF) and the Korean International Cooperation Agency (KOICA)). Therefore, Korea was

defined as a miraculous example of the successful Newly Industrialized Countries (NICs) and the first country to follow the Japan's Developmental State.

However, the results of this splendid accelerated modernization were achieved at the cost of the continued contraction of rural areas and sacrifices of farmers for the urban industrialization, and further subjugation of the peasant class under the state pressure, despite the relative increase in agricultural productivity. Park Chung Hee as the president named oneself a 'son of a farmer' and advocated the rhetoric of balanced development of the city and the countryside (Park Chung Hee, 1978). In fact, in the 1960s and 1970s, agriculture was shrinking as the export industrialization expanded. The share of agriculture in the GDP fell from 38.7% in 1961 to 26.85% in 1970, and, finally, to less than 10% in 1990. The average annual growth of the GDP in industry was 7.7%, and in mining and manufacture — 14.1% under the first Five-Year Plan (1962-1966), while agriculture, forestry and fishery remained at 5.1%. Under the second Five-Year Plan (1967-1971), the shares were 10.5%, 20.3%, and 2.3%, respectively, proving the stagnation of agriculture as compared to the growth of industry (Park Jindo, Han Dohyun, 1999: 44). The growth rate of agriculture, forestry and fishery was only 1% when the GNP growth rate was 8.4% in 1977-1988, which were defined as the 'stable economic growth period' by the government (Korean Rural Economic Institute, 1999: 3-5). In the first half of the 1960s, the income per rural household was higher than the income per urban worker; the situation changed in 1965, and by 1968, the income of rural households decreased to 62.6% of the urban workers income.

The unbalanced growth strategy focused on industrialization made rural peasantry poor, many of them left their homes and headed to the city. In the first half of the 1960s, the annual 'Net Rural Exodus Population' was 190,000, while in the late 1960s — 500,000. Thereby, the share of urban population increased from 29.9% in 1960 to 41.2% in 1970 (Park Jindo, Han Dohyun, 1999: 45). On the other hand, the share of rural population decreased from 58.3% in 1960 to 51.6% in 1968 and 28.9% in 1979 (Jeon Kwanghee, 1999: 128). The factors mentioned above led to the disintegration of the rural society, small towns and the Korean countryside.

It should be noted that lower incomes and outmigration were not determined by the exclusion of farmers from the state modernization of Korea, but by the government policies that tried to promote farmers' participation and the government's control of agricultural production and distribution. From 1962 to 1981, under the four Five-Year Economic Development Plans, there was a substantial growth in both agricultural productivity and farmers' debts, i.e. a contradictory consequence of the fast economic growth. The government's intervention in the agricultural production was facilitated by two

reform: in 1970, the Agricultural Promotion Corporation was established as a legal entity according to the Farming Modernization Promotion Act; in 1972, the Innovative Development of Rural Economy policy was adopted.

Since the 1960s, the top priority of the Korean agricultural policy has been to increase food production, especially self-sufficiency in rice — Korea's staple grain. The government promoted agricultural reforms in irrigation, rearrangement of arable land, education in agricultural technologies, distribution of agricultural machinery, provision of chemical fertilizers, dissemination of new high-yield varieties (Green Revolution), and the preservation and expansion of agricultural land. The government's intervention in the agricultural distribution was extensive and involved distribution of grains (especially rice), fertilizers, and pesticides (Hwang Byeongjoo, 2014). Such extensive intervention was to achieve broader goals of the economic development. In the one hand, the government had to reduce food imports to meet the high demand for foreign exchange for industrialization (Park Jinhwan, 2005: 24); on the other hand, it had to supply food to the rapidly increasing urban population.

Another dimension of the government's intervention in the lives of farmers was agricultural financing. The importance and effects of the state agricultural financing for farmers explain the reality of Korean rural communities and indebtedness of farmers. Since the 1970s, loans to local agricultural funds through National Agricultural Cooperatives Federation (NACF, *Nonghyup*) have grown exponentially, which allowed it to become an agency of the state agricultural policy. Agricultural financing (repayable loans) increased from about 77 billion Won in 1970 to 770 billion Won by the end of 1979 (Ministry of Agriculture..., 1980: 230; Hwang Byeongjoo, 2014: 46). The Park Chung Hee's regime tried to include the limited but improved rural households' income into national savings and reinvestments and mobilized the NACF and Community Credit Cooperatives (Saemaul Saving was established in 1963) as an instrument to collect rural savings. Since the 1970s, the NACF have been the main channel of collecting finances, purchasing agricultural materials and machinery, and selling agricultural products to Korean farmers. Due to the policy of encouraging the purchase of expensive machinery and commercial equipment by farming households rather than the village, farmers had to borrow huge money from the NACF, which was in excess of their annual income. The results of the Park Chung Hee's agricultural policy were an increase in the number of farmers with debts and the enlargement of the NACF that achieved the almost exclusive lending status in the countryside with government's preferences. The Table 1 shows the size of farms' debts and the continued increase in debts to the Agricultural Cooperatives.

Table 1. Farming households' debts by financial institutions, in 1,000 Wons and (%) (Hwang Byeongjoo, 2014: 46)

Year	Institution			Individual	Total
	Agriculture Cooperatives	Commercial Bank, etc.	Net		
1970	5 (31.3)	1 (6.3)	6 (37.6)	10 (62.4)	16
1975	10 (30.3)	2 (6.1)	12 (36.4)	21 (63.6)	33
1980	165 (48.7)	8 (2.4)	173 (51.1)	166 (48.9)	339
1985	1,337 (66.1)	103 (5.1)	1,24 (71.2)	584 (28.8)	2,024
1990	3,857 (81.5)	221 (4.7)	4,078 (86.2)	656 (13.8)	4,734

Kim Chang Jin
Korean
modernization
and peasant
mobilization in the
1960s and 1970s

Further, I will consider the Korean modernization in the perspective that dramatically contrasts the 'splendor of urban light' and 'the shadow of the depressed rural village' through two lenses: first, through the agricultural cooperative which became an official organization controlled by the government in the 1960s; second, through the Saemaul Movement in the 1970s — a government initiative to modernize the rural economy. The 'successful' modernization of Korea was implemented by the state policies infiltrating rural areas and forcing farmers to allegiance by the NACF and Saemaul Movement's forced 'participatory mobilization'.

The NACF as an instrument of the modernization policy: Institutional preferences and farmers' mobilization

The Korean NACF, which became a member of the ICA (International Cooperative Alliance) in 1972, has more than 1,000 units in each urban and rural district and is considered the world largest agricultural cooperative together with the one in Japan. The Korean Nonghyup Bank has more than 2.25 million members (2017) and about 14,000 employees (2014), its assets exceed 231 trillion won (2015) (NACF, 2014; 2015; 2017), which is impressive for the cooperative banking. However, this is only the quantitative dimension of the Korean Nonghyup, which does not indicate its contribution to the prosperity of agriculture, villages and farmers. Many Koreans say that agriculture and rural areas declined in the reverse proportion to the NACF's growth under modernization. During 60 years of the full-scale modernization, the NACF thrived while farmers suffered tremendous

debts. The hollowization left rural areas almost completely bereft of the youth. The NACF should not be considered an independent cooperative that protects the rights and interests of its members or increases the social value of agriculture for the majority of farmers and rural societies.

NACF has been criticized for two main reasons: first, for the legacy of colonial policies of the Japanese rule; for the Park Chung Hee's reestablishment of cooperatives as state organizations or public corporations rather than member organizations. Therefore, despite its official definition as the 'farmers' independent cooperative organization', it has been used by the government for mobilization and control of farmers (Kim Kitae, 2019: 15-17).

The first contemporary credit institution in Korea was established in the Daehan Empire (1907-1910), the last period of the Joseon Dynasty. In 1907, the Financial Mutual Union was established under the leadership of the state to provide financial services (loans, deposits, regular funds, and cargo storage) to local residents. In 1910, when Japan forcibly merged with Korea, it increased to 130 unions nationwide. The Financial Mutual Union played a very important role in the rural colonial strategy of the Governor-General of Japan. In 1933, the Federation of Joseon Financial Cooperatives was formed. In 1945, when Korea was liberated from the Japanese imperialism, there were 912 such financial (now called cooperative) unions. In 1958, the Agricultural Bank inherited the financial cooperative unions' assets and employees. Local agricultural cooperative unions (Li/Dong Unit) at the village level continued to provide non-financial services (Federation of Joseon Financial Cooperatives).

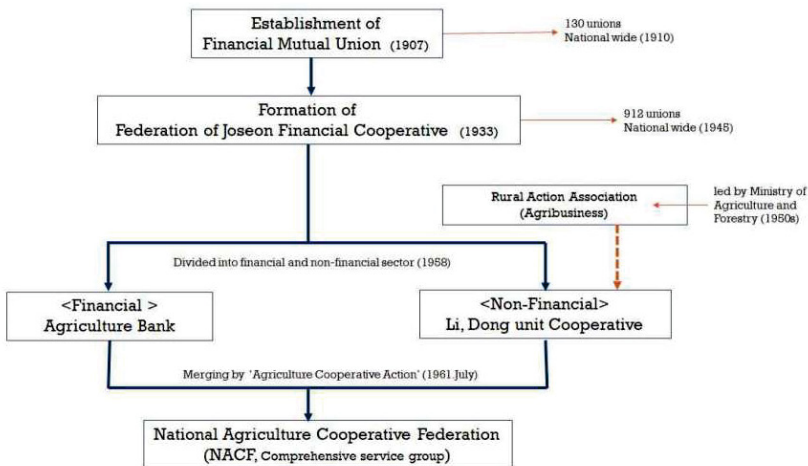

Figure 1. Historical origins of the NACF

The new Agricultural Cooperative Act was adopted in July 1961, immediately after the General Park Chung Hee got power through the military coup. Under this special law, the financial Agricultural Bank and the non-financial Agricultural Cooperatives were integrated to establish the Korean Agricultural Cooperative Federation, whose purpose was to provide savings and loans, operating practices and education services. The integration of the Agricultural Bank and the Agricultural Cooperatives was considered a desirable step, because for three years these two groups competed and failed to individually ensure activities for the benefit of farmers or agriculture. Thus, the government insisted on their merger and created a new organization called the NACF. However, the NACF kept the majority of former members of the two financial unions: out of 4,476 employees of the NACF and local unions, 3,656, or 72%, were previously employees of the Agricultural Bank and its financial unions (Korean National Agricultural Cooperative Movement 50 Years, 2017: 31; NACF Institutional Review Board, 1966: 47-54). These ‘old financial hands’ had an important influence on the bureaucratic decision-making of the NACF.

Li/Dong unit, i.e. the NACF in village absorbed by the Agricultural Bank, were originally a part of the Rural Action Association organized by the Ministry of Agriculture and Forestry in the early 1950s (Fig. 2). The Ministry offered a week training camp course to teach the basic theory of agricultural cooperatives to agricultural personnel from the Li/Dong rural area. When the Integrated Agricultural Cooperative Act was adopted in 1961, there were about 20,000 Li/Dong Unit Cooperatives. The village cooperation promoted joint purchase of fertilizers, agricultural equipment, and small-scale sales, such as eggs. There were some successful cases, but most of these organizations suffered from their smallness that often meant a lack of leadership skills, business operating systems, and fund.

Thus, the Korean Agricultural Cooperatives started as a part of the modernization policy of the independent nation. However, the bureaucratic heritage of the colonial rule of the Japanese empire still affected Korean rural areas and peasant farmers. Under the name ‘cooperative’, there were government-controlled public corporations under the ‘guidance and supervision’ of the Ministry of Agriculture and Fishery — the main department of the state agricultural policy (Ko Hyunseok, 1995: 112). From the perspective of the Park Chung Hee’s regime, it was not important for the Agricultural Cooperatives to adhere to the ‘principle of farmers’ cooperation’ — they were a desirable ‘institutional instrument for maximizing rural development within the balanced development of the national economy’.

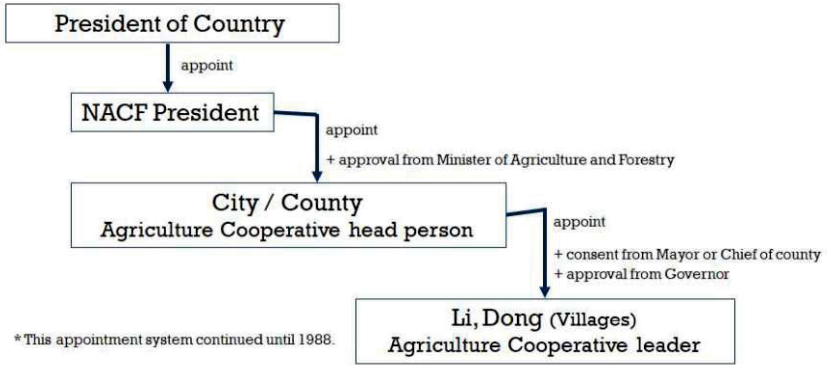

Figure 2. System of the NACF leadership

It is not surprising that the president of the NACF was appointed by the government until 1988, i.e. the massive and explosive civil struggle for democratization in June 1987. At the county level of the Agricultural Cooperative unit, the head was appointed by the president of the NACF with the approval of the Minister of Agriculture and Forestry. At the lowest level of the Li/Dong Cooperatives, heads were appointed by the heads of the higher level with the consent of the Mayor or Chief of the county and with the approval of the Governor (Fig. 2). Thus, there was a high possibility that the local and national governance would be filled with people seeking political power without honesty, good intentions, management abilities, and objective qualifications for farmers' cooperatives. From the leaders of small cooperatives in rural villages to the president of the NACF in Seoul, and all key executives such as directors and auditors were appointed externally and on political grounds. This was confirmed by the official government report in the 1970s, according to which in the NACF, there were too many unqualified and ineligible leaders (Prime Minister Planning and Coordination Office, 1976).

From the late 1960s to the 1980s, the Korean Agricultural Cooperatives functioned as public corporations of rural development not aligned to farmers' interests but rather pursuing government interests in personnel management, organization, budgeting, and operation. This structure determined the following problems (Lim Kyung-taek, 1991: 120-121): the high share of business determined by the government policy; poor local representation due to the excessive government control through appointments; the inherent organizational enormity and bureaucracy that hindered national rural development projects; inefficiencies in the resource management, especially when numerous projects were implemented at the same time; limitations of farmers' ability to express local demands

As was mentioned above, in 1962, the restructuring through integration of the NACF made it a government agricultural policy tool rather than an independent organization of farmers. Local agricultural cooperatives were to be affiliated with the NACF as the only national association without regional units, which did not change since the Korean political democratization in 1987. The NACF has grown under the supervision of the government, by receiving preferences in various legal and institutional ways. As a result, the NACF is still a sub-partner of the state agricultural policy. On the other hand, farmers' participation in local cooperatives was mandatory regardless of the produce grown, and local cooperatives became a comprehensive business model that offered credit, business, and education. Because it was impossible for the Korean independent small farmer to engage in the commercial agriculture without the agricultural support of the NACF, most farmers became members of local cooperatives: 90% of farmers joined the Agricultural Cooperatives, and the number of union members reached around 2 million farmers. Therefore, the NACF is considered a kind of the administrative institution. Furthermore, leaders of cooperatives also acted as if they were local power brokers with great influence on their communities. Local cooperative heads frequently colluded with local leaders of the Republican Party — the ruling party supporting the regime of Park Chung Hee — and functioned as one of the main pillars of the Korean rural policy. Being a NACF employee was perceived as the most stable job in the poor rural area and, thus, as a position to rule farmers.

Since the 1960s and 1970s, the NACF aimed at supplying chemical fertilizers to farmers, providing access to agricultural credits, and purchasing agricultural products. Its lowest subordinate unit, the village Nonghyup, was to ensure fertilizers distribution for the county Nonghyup, i.e. the main task of the village Nonghyup was to send money for fertilizers from farmers to the county and to deliver fertilizers to farmers. Some farmers, who did not consider the NACF as their organization, sold some of their mandatory produce to the NACF, but frequently sold the rest of their produce to merchants who paid in cash, which provided farmers with money to pay for fertilizers without the village cooperative access to credit. Thus, the Korean Agricultural Cooperative system was ineffective in stopping the middlemen merchants from getting excessive profits for distributing agricultural products.

The Korean farmers' choice (if it can be called so) of the NACF was a double-edged sword. Buying fertilizers on credit from the village Nonghyup and sending the cash to the county Nonghyup placed a heavy burden on small farmers — individual debts and collective responsibility for the NACF debt. Certainly, without fertilizers cheaper than at the market they would not be able to farm commercially. The NACF's most important task was distribution of fertilizers. The dependence on fertilizers and both individual and joint debts led

to strife among villagers looking for someone to blame for the consequences. In other words, the NACF was not and is not an organization that promotes cooperation and solidarity of farmers to help them prosper, but rather generates conflicts due to the above-described indebtedness.

Some farmers have participated in various meetings of the NACF and expressed their traditional identities and concerns about cooperative management and operations since the 1960s. When working within the Local Agricultural Cooperatives, these farmers supported reforms so that the NACF would become an organization that values the interests of its members instead of an administrative agency of the government. This farmers' intention was consistent with other trends of the time such as (Kim Youngmi, 2009; 2014): activities of the relatively young leaders of the Korean rural society; reforms to replace traditional hierarchical leadership; promotion of the village governance modernization. These trends imply that at the local level with the national policy imposed 'from above' its implementation and effects can vary depending on the attitudes and capabilities of farmers (some mention that the *kolkhoz* (collective farms), established under the forced collectivization in the Soviet Union in the late 1920s, gradually evolved into an organization protecting peasants' interests). However, the support of reforms was not common.

On the other hand, in the early 1970s, the reform movement developed outside the NACF. Activist farmers were supported by the progressive Catholic priests who put pressure to promote agricultural cooperative reforms so that to revive 'the identity of the NACF as a cooperative'. Thus, the NACF became the target of the farmers collective resistance movement. Their demands were clear, and the relevant legal statutes stated clearly that the Korean Agricultural Cooperatives were legal 'peasant independent organizations' and that the Agricultural Cooperative Code allowed to promote both 'the economic and social status of farmers' and agricultural productivity. Actually, the NACF-led consolidation and integration of small-scale unions in the 1960s and early 1970s triggered the reform movement. For instance, the number of Li/Dong cooperatives at the village level reached 21,246 in 1963, but due to consolidation was reduced to 1,549 in 1973; the average number of the consolidated union increased to about 1,400 members per unit.

The consolidation led to a significant increase in the number of the cooperative unit's functions, but cooperative members (farmers) felt that their ability to make decisions within the organization was reduced. In this situation, some clergy, social activists and farmers created the Catholic Farmers' Association to criticize the non-democratic nature of agricultural cooperatives and to mobilize farmers against the governance practices of the NACF and the government intervention. The farmers' movement become popular and received great grassroots support in some regions in the mid-1970s, which al-

lowed it in the late 1980s to push for democratization of the NACF including the direct election of the leader of Agricultural Cooperatives and the awareness of how crucial such a reform would be for independent agricultural cooperatives in Korea (Kim Kitae, 2019: 20–37).

Saemaul Movement in the 1970s: State-led mass movement and peasant mobilization

The Saemaul Movement in Korea is considered an example of the international poverty eradication and rural development. Since the late 1990s, there have been attempts to apply the Saemaul Movement model to many development projects including in Vietnam, Indonesia, China, Mongolia, Nepal, Congo, Tanzania, Rwanda and Uganda. The United Nations World Food Program (UNWFP) noted the Saemaul Movement as an alternative solution to the problem of hunger and malnutrition. After the election of Park Geun Hye, the daughter of the former President Park Chung Hee, as the President of Korea in 2012, the second Saemaul Movement was started, including the attempts to expand this policy as a global movement.

The Saemaul Movement, which was promoted as a pilot project by Park Chung Hee in 1970 and was started in earnest in 1972, initially aimed at encouraging the voluntary participation of farmers in the improvement of rural living standards. At the national level, under the pressure of opposition parties and civil society, in October 1972, the personal dictatorship was established ('October Yushin') so that Park Chung Hee could hold power indefinitely. The Saemaul Movement became a government policy consisting of measures to increase the farming households' income, promote rural society development and support rural morale. At the same time, the Saemaul Movement's national network was refocused as a means of the national campaign-response to the October Yushin.

Within the Saemaul Movement, success and public participation varied greatly by regions and periods; therefore, effects of the Saemaul Movement were contradictory and paradoxical. However, the state initiative of the Saemaul Movement is recognized by all sides — in either positive or negative way. When we say 'the Saemaul Movement', it does not mean 'a voluntary social movement that Korean farmers organized from below to realize their interests' — it was rather 'a farmers' response to the mass mobilization strategy organized from above to strengthen the social-political foundations of the top leaders'. In other words, the Saemaul Movement in the 1970s was basically an attempt to achieve the aims of the national policy through mass mobilization; politically, it was a successful example of the 'rural developmental coalition' (Korean peasants showed higher support than urban residents for the Republicans — the political foundation of

the Park Chung Hee's regime — in national and presidential elections in the 1960s–1970s) in the modernization process (Choi Jangjip, 2001).

Throughout the era of Park Chung Hee, farmers' mobilization by the government was considered as voluntary or involuntary and as oppressive control (Aqua, 1981; Kim Dae-Young, 2004: 180–190). References to the voluntary mobilization can be found in the papers of the Ministry of Internal Affairs, which is a government department responsible for promoting the Saemaul Movement, i.e. this project is based on 'the village funds' and the government's role as 'developing the rural organization, and stimulating and motivating voluntary participation (of farmers)'. The Saemaul Movement was initiated by the government, but the choice of participation was given to farmers. According to empirical studies, farmers 'did not voluntarily participate — they rather formally sympathized, avoided or passively resisted' (Yoo Byeongyong, Choi Bongdae, Oh Yuseok, 2001: 102–103). Such passive resistance (in the form of minimum participation) allowed to avoid negative consequences for the improvements in the village living standards.

However, non-voluntary peasant mobilization and oppressive control were inevitable within the 'national movement' advocated by the charismatic military leader. The rural units of the village and groups of villages were made parts of the centralized hierarchical organization. The forced mobilization according to the logic of the state administrative organization created a centralized hierarchical organization that controlled the metropolitan, provincial and village levels with the Ministry of Internal Affairs as its main department, while at the top of the administrative pyramid, there was the Blue House (President's Office). The Saemaul Movement Central Council was established under the leadership of the Ministry of Internal Affairs, and its sub-organizations were organized through the whole pyramid down to rural units (Li and Dong). In addition, key people who worked at the village level were appointed 'Saemaul leaders', and their activities were systematically developed, monitored and managed by the NACF together with the government policy.

The Park Chung Hee's regime empowered rural administrative organizations, including local units of the NACF, to supply and distribute technical and financial resources necessary for agricultural production and rural development. Thereby, the NACF remains a monopolistic company with national preferences in the rural society: it provided credits through deposits and savings to farmers on a daily basis, organized sales of agricultural machinery, fertilizers, pesticides, and industrial products, and acted as a government's proxy agency for purchasing grain from farmers. When farmers joined a group led by the NACF, it was easier for them to get farming funds, although actually the membership in the Agricultural Cooperatives was semi-forced due to its captive savings deduction program.

Park Chung Hee thought that the Saemaul Movement's goal of supporting and mobilizing the rural population was originally the NACF's goal, but due to the NACF's incompetence the President further increased the Saemaul Movement's control (Korean Economy Modernization..., 2005). The NACF supported the government's active involvement in the Agricultural Cooperatives and the Saemaul Movement by emphasizing the "similarity between these two" (Choi Sangho, 1986). In the early 1970s, the NACF, under the patronage and control of the Ministry of Agriculture and Fishery, established the department of Saemaul Leadership to systematically support the Saemaul Project and take on general planning and coordination. New subdivisions for each sector were established in provinces and counties. In Li/Dong unit at the village level, departments were formed, such as farming guidance, education, and income development; family counsellors were invited to village unit unions. By mobilizing these organizations and its own human resources, the NACF actively supported the government's Saemaul project by the Saemaul leaders' educational programs, by distributing agricultural technologies through the Saemaul Farmers' Association, Saemaul Women's Association, and Saemaul Youth Association, and by promoting farmers' cooperative work. In addition, the NACF reinforced the government Saemaul project by rationalizing the consumer life and by fostering rural farming succession. At the same time, these activities aimed at encouraging farmers' participation in the Agricultural Cooperatives.

The size of the NACF grew significantly — in the number of both employees and activities — during the Saemaul Movement. For example, from 1972, the number of employees per union unit tripled from 6 to 18, and the annual business turnover increased from 40 million Won to 2.3 billion in 1980. However, neither the NACF nor the Saemaul Movement had any influence on decision-making in agricultural policies — they did not have voting rights despite having the Saemaul Movement Central Council (Lim Kyungtaek, 1991: 121-125, 209).

Farmers were in the difficult position: in the 1960s–1970s, they experienced deepening dependence on government ministries, which determined their forced allegiance to the ruling party. Farmers lost their ability to solve agricultural and commercial problems in the traditional ways in their rural communities due to the destruction of mass agriculture by the modernization methods. Farmers had no other choice than to rely on the NACF and other administrative organizations that supplied the machinery and purchased their produce.

The oppressive control strengthened in 1972, when the ruling party was seriously challenged by Kim Dae Jung, the opposition leader, in the presidential election of 1971. In October 1972, the supra-constitutional emergency (for seven years the direct presidential elections were changed to indirect, the power of the parliament was limited, there was strong oppression of the civil society — the media, progressive intellectuals, clergy, college students and workers;

this oppressive regime ended on October 26, 1979 with the murder of Park Chung Hee by the chief of the Central Intelligence Agency, who was his closest subordinate), the so-called 'October Yushin', was initiated in the name of the 'Korean democracy' and 'peaceful reunification of North and South Korea'. It was during this very turbulent time that the Korean peasant movement was organized. The Park Chung Hee's administration modernization policy promoted the 'Physiocracy First Policy', and some clergy and progressive intellectuals supported the resistance of farmers who were forced to sacrifice their livelihood and voice for the accelerated industrialization. The Park Chung Hee's regime oppressed peasant activists and their allies who insisted that the government policy had to be changes in favor of peasants. The government condemned them as rebels or communist sympathizers, and had them arrested. Farmers who criticized the government did not get access to credit and were excluded from the distribution of agricultural funds by the NACF and other administrative agencies.

The Saemaul Movement, at first promoted by the state from above, pursued three goals: (1) improvement of rural life, (2) spiritual development of farmers, and (3) increase in rural incomes. The Saemaul Movement in rural areas was mostly led by public officials and followed the military-style mobilization that aimed at the compulsory achievement of goals set by the central government. Some peasants were active 'Saemaul leaders', but their activities were usually limited to the village development committee (the lowest unit). In the late 1970s, farmers resented again the coercive and overpowering behavior of the government, for instance, they criticized the house remodeling reform and excessive distribution of the 'Reunification Rice' (a high-yield crop). In October 1979, the murder of Park Chung Hee marked the end of the October Yushin regime and the beginning of the Saemaul Movement decline.

Although the Saemaul Movement was promoted by the government, the state did not provide enough resources and did not cover all costs of the project; nor was the project uniformly implemented or administered. Several case studies show that the effects of the project were not evenly distributed by regions. For example, from 1971 to 1979, of the total investment in about 33,000 villages, only 28% were provided by the government, while more than 70% — by village residents (Hwang Injung, 1980: 42). The living standards improvement project included housing, fences, sewerage, water supply facilities, and electric/telephone cables; the joint project for each village implied the expansion of the village entrance and roads, construction of the town hall, common kitchen, and public bath. The government provided some of the surplus cement for the project, but it was a very limited stimulus for the Saemaul Movement, and the Park Chung Hee's regime tried to compensate for the shortage of state inputs by village competitions.

The participants of the Saemaul Movement were to offer direct labor input and take on the financial burden per household, and further to donate or contribute land without compensation to build new roads and construct shared facilities (Lee Hyunjeong, 2014: 172-176). The demand for farmers' resources and labor inputs was estimated locally at the village meeting. However, the degree of revitalization of villages depended on various social-cultural, geographic and economic factors, including the compliance with the program at large. Such factors as historical memories about participation in the country's rural and agricultural policies since the Japanese colonial period, the influence of traditional communities and the reputation of village leaders, distance from the cities, and effects of the initial project had different impact depending on the village's circumstances. According to the comparative study of two villages in Gyeonggi-do near Seoul (Gye, Pumasi), the institutional (rules, procedures, punishments, regulations, etc.) and cognitive (trust, reciprocity, and norms) social capital (kinship ties, weakening traditional authority of adults, organization of the youth, effective management of joint property and funds, reciprocal community traditions, etc.) had a positive effect on the successful implementation of the Saemaul Movement. In some rural areas and villages, farmers kept traditions established in the 1930s and resisted their local Saemaul Movement unit, which is a proof of the successful Saemaul Movement from below (such examples can be found in the 1960s too).

On the other hand, these cases show the villagers' autonomous modernization power confronted the one that was 'imposed by the administrative power of the national policy from above', was the most common approach of the Japanese government-generals in Korea and was repeated by the Park Chung Hee regime's modernization strategy. There is an assumption (Kim Youngmi, 2009; 2014) that the Saemaul Movement was possible due to the national appropriation of its voluntary energy, even though this does not apply to the whole Korean rural society; nevertheless, the Saemaul Movement is crucial for understanding the Korean modernization, especially its complexity.

Conclusion

According to researchers and farmers-participants, the Saemaul Movement projects exceeded its three main goals in improving rural areas and agricultural production infrastructure. However, the results of the income-increase project, which was a priority for farmers, were disappointing, which led to the rural exodus. Ha Jaehoon (2014: 279-280) argues that the Saemaul Movement incorporated various types of traditional rural organizations and used cooperative traditions of the rural society, which, on the contrary, weakened both its self-help capacity and autonomous community spirit.

The Saemaul Movement economic effects were not impressive and its social impact was paradoxical. As was mentioned above, the Saemaul Movement encouraged innovations in the rural lifestyle, but they were imposed on the traditional community from above. In other words, the Saemaul Movement was promoted as promising greater cohesion of the village community, but, on the contrary, contributed to its disintegration (Kim Youngm, 2014: 329) due to the regime's ultimate goal to alleviate poverty so that 'the farmer lives well' and to promote this pilot policy by selecting 'the best village' that succeeded in 'increasing income'. Therefore, farmers, who internalized materialism based on competition and efficiency, as required by the government, eventually created its most desirable model of individual profit-seeking farmer outside the community, who was cut off from its traditional kinship and reciprocity. Thus, the traditional network of Korean rural communities was disintegrated by the 1980s and replaced by selfish interests for farmers who could not escape/migrate to the city. This top-down policy ensured the dramatic government's intervention in agriculture and farming. Instead of augmenting and nurturing the autonomy of farmers, the national policy often used the 'carrot-stick' approach that controlled various policy benefits for the agricultural sector.

Another paradox related to the change in farmers' values was their exodus. Contrary to the government's goal to create a 'good life in the village' by improving rural life and increasing farmers' income, their policies led to many farmers' outmigration to the city. Since Korean farmers were not limited in moving (as Soviet peasants), the population outmigration from the countryside reached the level of farmers' striving for a 'good life in the city'. Thus, in the 1970s, the rural population decreased by a third, and a large share of emigration consisted of the relatively young and highly-qualified workforce. Moreover, according to the government data, residents of 'self-sufficient villages', which were relatively successful in the Saemaul project, showed stronger willingness to leave the countryside than the less successful villagers (Hwang Injung, 1980: 87-88; Kim Youngm, 2014: 329).

The NACF, which was very effective in mobilizing farmers before and during the Saemaul Movement, failed to disseminate the values of cooperation and horizontal solidarity among farmers. Instead of being a partner of the peasant movement, the NACF became an enforcement agency of the national agricultural policy and a target of the farmers' resistance. Farmers did not consider the NACF as 'their cooperatives', and the NACF was engaged primarily in increasing the debts of farmers, which made local cooperatives profitable financial organization. Under the disintegration of traditional rural communities, agricultural cooperatives did not contribute to creating new innovative community institutions. The NACF has been a stronghold of statism in rural communities. In the early 1960s, the NACF started as a public enterprise; due to the path dependency, even after the direct

election of the union leader in 1988, it did not manage to escape the ‘cooperative dilemma’, i.e. the controversy between goals and means, the role of principal and the role of agent.

Finally, it should be noted, that the symbolism attributed to the Korean peasants by the Park Chung Hee’s regime before and after the Saemaul Movement was dramatically different. Park Chung Hee, who came to power through the military coup in May 1961 and declared the ‘escape poverty’ national policy, at first criticized the poverty of the Korean rural community as determined by its laziness and ‘irrational lifestyle’. In the 1960s, the Korean village was considered a symbol of feudalism and backwardness; therefore, rural traditions were declared an awkward obstacle to modernization, which had to be removed quickly; farmers were criticized for their old-fashioned behavior. However, after the Saemaul Movement started to create basic rural units in the 1970s, Korean farmers suddenly turned into national actors capable of saving the country from the decadent, urban, Western-style attitude and consumerism (Hwang Byeongju, 2011: 172-173). This was due to the definition of farmers’ voluntary mobilization as the key to success of the Saemaul project with its slogan “Action field of the Korean democracy”, i.e. the peasantry was called to action as a patriotic flag bearer. The government searched for a social-political support in the countryside, because the Western-style modernization of the Park Chung Hee’s regime was not fully supported in the cities. However, the government’s duplicity (criticizing and making heroes of the peasant) showed that the government did not really care about fundamental reasons of rural poverty and about rural survival. This contradiction of the Park Chung Hee regime’s policy led to fundamental problems in its agricultural policy. The regime pursued and promoted national industrialization and capitalist system, which sacrificed agriculture, despite Park Chung Hee’s discourses on farming and peasants.

Korea’s economic success in the strong modernization policy in the 1960s and 1970s is internationally recognized. However, it was at the cost of the NACF’s lack of integrity: serving the government first rather than its members, dismantling the autonomy of the rural community, and determining the collapse of agriculture and rural areas. The Nonghyup, which was to be a voluntary and autonomous organization of farmers, became a subordinate agricultural partner of the military government. The Saemaul Movement that was to promote rural innovation actually accelerated the decline of agriculture and rural areas, because it was used as a mobilization strategy of farmers. In 1960s and 1970s, the Korean rural society was dependent on the state power. At the same time, the resistance of farmers was a reaction to the military government policy. Under the Park Chung Hee regime, Korean farmers were made a part of the national economy as a mandatory social-economic movement in the 1970s. However, during this period, there was no farmers’ class/collective political representation.

- Aqua R. (1981) The role of the government in Saemaul Movement. *The Philosophy of Saemaul Undong and the Thesis Collection of International Academic Conferences*, Seoul: Seoul National University Saemaul Movement Research Institution (In Korean).
- Choi Jangjip (2001) *Conditions and Prospects of Korean Democracy*, Seoul: Namam Publishing (In Korean).
- Choi Sangho (1986) *Rural Saemaul Movement and the Role of the Agricultural Cooperatives*. Nonghyup University Research Report on Agricultural Cooperatives, no 62 (In Korean).
- Federation of Joseon Financial Cooperatives: Encyclopedia of Korean National Culture // <https://www.aks.ac.kr/index.do> (In Korean).
- Ha Jaehoon (2014) Rural Saemaul Movement in the 1970s and collective participation in rural society: Focusing on the use of community tradition. Oh Youseok (Ed.). *Rural Saemaul Movement under the Park Chung Hee Regime: Modernization, Tradition and Subject*, Paju: Hanulbooks (In Korean).
- Hwang Byeongjoo (2014) Political economy of the state and farmers in the Saemaul movement period. Oh Youseok (Ed.). *Rural Saemaul Movement under the Park Chung Hee Regime: Modernization, Tradition and Subject*, Paju: Hanulbooks (In Korean).
- Hwang Byeongju (2011) Public Recognition of the Yushin System and Discourse on Mobilization. *Sanghe Hakbo*, vol. 32 (In Korean).
- Hwang Injung (1980) Korea's Comprehensive Rural Development: Saemaul Undong Evaluation and Prospects, Seoul: Korean Rural Economic Institute (In Korean).
- International Cooperative Alliance (ICA) (2016): *World Agricultural Cooperatives*.
- Jeon Kwanghee (1999) Changes in the social structure and social policy in the first half of the 1970s. *Political and Social Changes in the First Half of the 1970s*, Seoul: Baeksan Seodang Press (In Korean).
- Jeong Changryeol (2014) *Gapoh Peasant War*, Seoul: Seonin (In Korean).
- Jin Heungbok, Kim Seongki (1975) *The Latest Agricultural Cooperatives*, Seoul: Seonjin Culture Press (In Korean).
- Kim Dae-Young (2004) A study on the mechanism of Park Chung Hee regime's state-mobilization: Focused on the Saemaul Movement. *Economy & Society*, vol. 61 (In Korean).
- Kim Edward (1980) *Decade of Success: Korea's Saemaul Movement*, Seoul: Hyungmun Publications; Los Angeles: Harry-Young Publications.
- Kim Kitae (2019) Nonghyup Reform Movement: A persistent desire for a democratic agricultural cooperative. Kim ChangJin (Ed.). *Korean Cooperative Movement 100 Year History*, vol. II, Seoul: Atmorning Publishing (In Korean).
- Kim Sangki (1975) *Donghak and Donghak Rebellion*, Seoul: Hankuk Press (In Korean).
- Kim Youngmi (2009) *Their Saemaul Movement*, Seoul: Green History Press (In Korean).
- Kim Youngmi (2014) A new understanding of the Saemaul movement. *Korean Studies*, vol. 48 (In Korean).
- Ko Hyunseok (1995) Initiation of comprehensive agricultural cooperatives and becoming parastatal of cooperatives. *Bi-Monthly Cooperative Movement*, March/April, Seoul: Korea Institute for Cooperatives (In Korean).
- Korea National Agricultural Cooperative Movement 50 Years* (2017), vol. 1, Seoul: Agricultural Cooperative Association Compilation Committee (In Korean).
- Korean Economy Modernization and Saemaul Movement (2005) *President Park Chung Hee's Commemorative Association* (In Korean).
- Korean Rural Economic Institute (1999): *50 years of the Korean agricultural administration*, Seoul: KREI (In Korean).
- Kropotkin P.A. (1902) *Mutual Aid: A Factor of Evolution*, New York: McClure Philips & Co.
- Kropotkin P.A. (2004) *The State and Its Role in History*, Moscow: Eksmo (In Russ.).
- Lee Hyunjeong (2014) Comparative study of the dynamics of village community in the Saemaul Project in the 1970s. Oh Youseok (Ed.). *Rural Saemaul Movement under the*

- Park Chung Hee Regime: Modernization, Tradition and Subject*, Paju: Hanulbooks (In Korean).
- Lee Mangap (Ed.) (1980) *Toward a New Community: Reports of the International Research Seminar on the Saemaul Movement*, Seoul National University.
- Lim Kyungtaek (1991) *A Study on the Mobilization and Control of the Korean Authoritarian System: Focusing on the Saemaul Movement*. Unpublished Doctoral Thesis, Seoul: Korean University (In Korean).
- Ministry of Agriculture (1980) *Forestry and Fisheries, Agricultural and Forest Statistical Yearbook* (In Korean).
- NACF (2014; 2015; 2017): Annual Report (In Korean).
- NACF Institutional Review Board (1966) *Problems and Improvements of the Korean Agricultural Cooperatives*, Seoul: Ministry of Agriculture and Forestry (In Korean).
- Paige J.M. (1975) *Agrarian Revolution: Social Movement and Export Agriculture in the Underdevelopment*, New York: Free Press.
- Park Chung Hee (1978) State and revolution, and me. *President Park Chung Hee Speech Collection: Saemaul Movement*. Presidential Office (In Korean).
- Park Jin Hwan (1998) *The Saemaul Movement: Korea's Approach to Rural Modernization in the 1970s*, Seoul: Korea Rural Economics Institute.
- Park Jindo, Han Dohyun (1999) Saemaul movement and Yushin. *History Critique*, vol. 5 (In Korean).
- Park Jinhwan (2005) *President Park Chung Hee Modernization of the Korean Economy and Saemaul Undong*, Seoul: President Park Chung Hee Commemorative Association Press (In Korean).
- Prime Minister Planning and Coordination Office (1976) *Korea Agricultural Cooperative Operation Evaluation Report* (In Korean).
- Scott J.C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Shin Yongha (1993) *Donghak and Gapoh Peasant War*, Seoul: Iljogak (In Korean).
- Unger R.M. (1997) *Politics: The Central Texts. Theory Against Fate*, London–New York: Verso.
- Wolf E.R. (1968) *Peasant Wars of the Twentieth Century*, New York: Harper & Row.
- Woo Youn (1993) *Jeon Bong Jun and Gapoh Peasant War*, Seoul: Changbee (In Korean).
- Yoo Byeongyong, Choi Bongdae, Oh Yuseok (2001) *Modernization Strategy and Saemaul Movement*, Seoul: BaeksanSeodang Press (In Korean).

Корейская модернизация и крестьянская мобилизация в 1960е — 1970е годы

Чан Чжин Ким, доктор политических наук, профессор Университета Сангконгхоу, 320, Ендонг-ро, Гуру-гу, Сеул, 08359, Южная Корея. E-mail: koruskim@skhu.ac.kr

В современной мировой истории сельские сообщества и мелкие сельхозпроизводители не исчезли естественным путем вследствие утраты экономической конкурентоспособности, а стали жертвой искусственных ограничений и были уничтожены государственными законами, институтами и политическими решениями. Южная Корея, которая считается репрезентативным кейсом успешной поздне-капиталистической индустриализации после Второй мировой войны, может быть и показательным примером для оценки обоснованности высказанной точки зрения на причины разрушения сельских сообществ. Экономические успехи Кореи были в значительной степени обусловлены тем, что НФСХК не была единой интегрированной организацией: вместо того, чтобы выступать добровольным и самостоятельным объединением фермеров, она стала подчиненным партнером военного правительства в его сельскохозяйственной политике. Корейское движение за новую деревню, формально развиваемое правительством в интересах сельского обновления, на самом

деле ускорило разрушение сельского хозяйства, поскольку использовалось исключительно для контроля фермеров. В 1960е–1970е годы сельские сообщества Кореи полностью зависели от государственной власти. В то же время нарастало крестьянское сопротивление — как реакция на политические действия военного правительства, и НФСХК стало целью солидарного крестьянского протеста. Таким образом, в рамках политического режима Пак Чон Хи корейские фермеры формально должны были стать частью национальной экономики и обязательного социально-экономического движения за модернизацию, но на самом деле им так и не удалось добиться реального классового/коллективного политического представительства.

Ключевые слова: корейская модернизация, крестьянская мобилизация, политический режим Пак Чон Хи, НФСХК (Национальная федерация сельскохозяйственных кооперативов), Корейское движение за новую деревню, крестьянское движение, государственная власть, автономная модернизационная сила

Неформальное государственно-частное партнерство как инициатива снизу: сельские кейсы¹

О.П. Фадеева, В.И. Нефедкин

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090 Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: fadееva_ol@mail.ru.

Владимир Иванович Нефедкин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090 Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: vladnn57@gmail.com

Институт местного самоуправления в России медленно, но верно деградировал в течение последних 15 лет. Ревизия федерального законодательства в направлении усиления вертикали власти и централизации бюджетных ресурсов практически свели к минимуму возможности сельских администраций финансировать строительство объектов социальной инфраструктуры. Существующие механизмы и практики государственно-частного и муниципально-частного партнерства в основном нацелены на крупные проекты и практически не работают на развитие сельских территорий. Как показали кейсы, обнаруженные в ходе экспедиций 2018 г., ослабление местного самоуправления отчасти компенсируется ростом активности сельских жителей, которые все в большей степени участвуют в решении насущных проблем своих поселений.

В частности, предприниматели за свои деньги при содействии местных властей возводят школы и примыкающие к ним объекты. Несмотря на региональную и этническую специфику историй, исследованных в татарском селе одного из регионов Поволжья и в русском селе в Сибири, обнаруживаются общие черты иницилируемых снизу проектов. Авторы анализируют причины появления таких кейсов в разных регионах и специфическую мотивацию сельских предпринимателей. Исследуемые случаи государственно-частного партнерства «не по правилам» не следует считать простой благотворительностью. За этими поступками стоят разнообразные мотивы, раскрыть которые можно только в контексте отношений между властью, бизнесом и населением. Каждый такой кейс появляется как результат неформального договора, в котором взаимные обязательства участников юридически не закреплены и являются демонстративным проявлением локальной и религиозной идентичности и намерений сторон следовать традиционному порядку.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственно-частное партнерство, сельские предприниматели, самоорганизация, Поволжье, Сибирь

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145

---

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00088).

Институт местного самоуправления в постсоветской России прожил яркую, но не очень долгую жизнь. В последние несколько лет эксперты (Маркварт, 2016; Бялкина, 2014) все чаще говорят о неспособности муниципалитетов разных уровней и географических локаций (за редким исключением) эффективно управлять вверенной им территорией либо из-за банального дефицита бюджетных средств, либо из-за лишения их части властных полномочий вследствие непрекращающегося редактирования (внесения поправок) Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². Возможность органов государственной власти участвовать в формировании органов местного самоуправления, в т. ч. назначать и освобождать от должности муниципальных служащих, предусмотренная в новой редакции Конституции РФ, станет логическим завершением этого процесса. Местное самоуправление не только фактически, но и юридически будет встроено в «единую систему публичной власти», или, попросту говоря, — во властную вертикаль.

Выходивание идеи самоуправления и участия местных сообществ в выборе пути развития особенно заметно в сельской местности, где ситуация с дееспособностью местных органов власти выглядит особенно критичной (Фадеева, 2019). Именно по сельским территориям катком прошла всеобщая «оптимизация», повлекшая за собой закрытие или урезание функций местных социальных, образовательных и культурных институций и сокращение ресурсов, выделяемых на развитие и эксплуатацию поселенческой инфраструктуры и мероприятия по малому благоустройству. Большой проблемой для сельских жителей стали результаты административных реформ, укрупнивших сетку «властной вертикали», из-за чего заметно сократилось число муниципальных образований и возросло не только символическое, но и физическое расстояние от населения до сельских администраций, офисов налоговых инспекций, отделений пенсионного фонда, территориальных филиалов Росреестра и других важных для граждан государственных структур.

По нашим наблюдениям, деградация местного самоуправления отчасти компенсировалась ростом активности сельских жителей, которые все в большей степени участвуют в решении насущных проблем своих поселений. В одних случаях это происходит в рамках спущенных сверху региональных программ самообложения или инициативного бюджетирования, когда сельчане, поддержанные дополнительным бюджетным финансированием, вкладывают свои деньги и труд в реализацию выбранных на сходах граждан

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

проектах благоустройства, касающихся, как правило, ремонта дорог, системы уличного освещения или водоснабжения, а также возведения так называемых «малых архитектурных форм» — детских и спортивных площадок (Шагалов, 2019). В других случаях люди, не дожидаясь помощи от государства, самоорганизуются «уличным околотком» и самостоятельно латают дыры на дорогах возле своих домов, ремонтируют обрушившиеся мосты или расположенные поблизости водонапорные башни, защищают себя и своих соседей от пожаров, особенно в период весенних палов, проводят совместные праздники, оказывают помощь особо нуждающимся жителям села. Иногда застрельщиками этих начинаний становятся главы сельских администраций и/или местные депутаты, которые стремятся таким образом обойти бюрократические процедуры, связанные с организацией закупок, проведением торгов и прочих неизбежных «прелестей» бюджетного администрирования. В этой ситуации важнейшими акторами солидарных действий становятся сельские предприниматели (фермеры, владельцы магазинов и других небольших бизнесов), которые не только берут на себя дополнительные финансовые обязательства, но и предоставляют технику, организуют поставку необходимых материалов, нанимают нужных специалистов и тем самым обеспечивают качество и оптимальные сроки выполнения работ. Все большую роль в поиске альтернативного финансирования и самоорганизации жителей играют местные активисты, стоящие во главе ТОСов, ветеранских и женских советов, и другие неравнодушные жители, как правило, пенсионного возраста.

Отмеченные выше способы компенсации дефицита ресурсов, по сути, являются паллиативными и в большинстве случаев не позволяют решить все накопившиеся за много лет проблемы. Низовая инициатива и собственные средства населения в современных условиях не могут заменить полноценного участия государства в сохранении, а тем более в развитии сельских сообществ и территорий. В реальности благоустройство сел происходит по принципу тришкина кафтана, и видимые результаты его достаточно скромны: отсчет отремонтированного дорожного полотна идет не в километрах, а в метрах, вновь установленные фонари освещают лишь одну-две улицы села, ремонт зданий проходит частями — за год удается отремонтировать пол и стены, а ремонт крыши приходится оставлять на потом. Российским селам драматически не хватает денег для постройки новых школ, детских садов, спортивных залов, домов культуры взамен тех, чей физический и моральный износ перевалил за 100% (возраст подобных зданий порой достигает 50 и даже 70 лет). И если программа по строительству новых ФАПов (фельдшерско-акушерских пунктов) взамен уничтоженных оптимизацией приобрела поистине федеральный размах и стала символом признания государством своих ошибок, лишивших многих сельских жителей доступа к услугам здравоохранения,

*О.П. Фадеева,
В.И. Нефедкин*
Неформальное государственное партнерство как инициатива снизу: сельские кейсы

то надежды на массовую модернизацию за счет государства изрядно обветшавших социально-культурных учреждений и инженерно-технической инфраструктуры, сооруженных еще в советские времена, вряд ли оправданы.

С недавних пор российские власти для реализации дорогостоящих проектов все чаще стали использовать инструменты государственного или муниципально-частного партнерства (ГЧП/МЧП), чтобы разделить свои финансовые риски и ответственность в реализации проектов развития социальной инфраструктуры с частной стороной (Пастуханов, 2018; Нефедкин, Фадеева, 2020). В рамках такого партнерства в проект вовлекаются предприниматели, которые готовы стать соинвесторами и подрядчиками строительства объектов государственной или муниципальной собственности, в т. ч. для оказания общественно значимых услуг, традиционно закрепленных за органами государственного и муниципального управления. Таким образом, происходит объединение финансовых, технологических, организационно-управленческих, кадровых и иных ресурсов государства и бизнеса, позволяющее преодолеть инерционность государственной административной машины и повысить эффективность вложений, придав ускорение отдельным проектам за счет частной инициативы и стремления представителей местного бизнеса помочь родным селам. Но если прецеденты реализации крупных ГЧП-проектов с гарантированным и весомым федеральным финансированием, с участием известных частных компаний и банков в современной России уже созданы (на условиях концессии в стране были построены автомагистрали, например, из Москвы в Санкт-Петербург, мосты и пр.), то об МЧП-проектах, которые бы позволили возвести в селах школы, больницы и другие упомянутые учреждения социально-культурной направленности, такого сказать нельзя. Местные власти в сельских районах, как правило, не в состоянии не только обеспечить свою часть финансирования, но и найти в качестве партнеров частные компании или отдельных предпринимателей, которые бы не побоялись рискнуть своими средствами и вложиться в подобный проект «на коммерческой основе», т. е. с расчетом получить прибыль на сделанные инвестиции. В схеме муниципально-частного партнерства, как правило, не всегда понятен механизм получения «минимального гарантированного дохода», обеспечивающего возврат инвестиций, сделанных частной стороной, так как бесплатные услуги школы или детского сада для населения закреплены социальными гарантиями, а любым попыткам предоставить сельчанам дополнительные платные услуги образования, медицины препятствует традиционно низкий уровень платежеспособности потенциальных потребителей этих услуг.

Но, несмотря на отсутствие базы для развития «нормальных» МЧП-проектов в сельской местности, в рамках экспедиционных исследований в 2018 году мы встретили примеры того, как пред-

приниматели за свои деньги при содействии местных властей возвели школы и примыкающие к ним объекты, стоимость строительства которых исчислялась не одним десятком миллионов рублей. Эти схожие между собой случаи мы обнаружили в татарском селе одного из регионов Поволжья и в русском селе одного сибирского региона. На их примере мы попытаемся разобраться, в чем причина подобных локальных чудес, что заставило сельский бизнес вкладывать в заведомо некоммерческие проекты, порой в ущерб основному делу, столь значительные средства? Следует ли это государственно-частное партнерство «не по правилам» считать простой благотворительностью — или за этими поступками стоят мотивы иного рода, через призму которых можно узнать нечто новое о жизни российской деревни и природе отношений между властью, бизнесом и населением? Каким образом подобные действия вписываются в контекст социального и административного порядка и становятся единицей обмена в политических транзакциях?

Кейс татарского села: поддержка единоверцев и новые бизнес-планы

В российских селах с преобладающим мусульманским населением практики благотворительности встречаются довольно часто (Фадеева, Нефедкин, 2018). Как правило, в сельской администрации с ходу могут назвать несколько фамилий местных меценатов, которые строят мечети (иногда в одном селе их возводят сразу несколько — и между меценатами идет заочное соревнование), помогают приводить в порядок кладбища, обустривают родники, выделяют средства на культурно-массовые мероприятия. Но даже на этом фоне строительство и оборудование нового здания начальной школы, совмещенной с детским садом, полностью за счет средств благотворителя выглядит очень необычно. Именно так поступил вернувшийся с «северов» (административного центра одного из сибирских нефтедобывающих регионов) в родное село предприниматель, израсходовавший в общей сложности на этот проект 60 млн руб.³ Семейная история этого предпринимателя, чей бизнес связан со строительной сферой, довольно типична. Когда он был еще ребенком, его семья переехала в Сибирь на заработки, но связь с «малой родиной» не прерывалась. После того, как родители вышли на пенсию и вернулись в село, предприниматель со своей семьей не раз приезжали к ним в гости. Иногда жена с детьми

3. В 2018 г. в двух группах детского сада воспитывалось 46 детей, а в 4 классах начальной школы занимались 56 детей — и такое объединение дошкольного и школьного образования решало проблемы финансирования малокомплектной сельской школы.

задерживалась здесь на длительный срок (до полугода), так что дети по очереди отправлялись на учебу в местные школы, сначала в начальную — по месту жительства, а потом и в среднюю — в село по соседству.

С самого начала своего пребывания в селе супруга предпринимателя, имея опыт городской жизни, недоумевала, как местные жители мирятся с тем, что их дети учатся в старой (возраст более 80 лет) неблагоустроенной школе. К тому же занятия проходили в тесноте (бывало, что в одной комнате размещались три класса), холоде (ученикам иногда приходилось заниматься в верхней одежде, а о сменной обуви можно было лишь мечтать), не было условий для занятий спортом, не говоря уж о теплых туалетах и других обыденных для горожан вещах. Молодую женщину возмущало, что подобное воспроизводство «сельского образа жизни» родители одноклассников ее детей воспринимают как должное: раз мы учились в таких условиях, то и с нашими детьми ничего не случится. Это кардинально отличалось от подхода к инфраструктуре школьного образования, принятого на «северах», где к зданиям школ, как правило, предъявлялись повышенные строительные требования, разнообразные капризам природы, а материально-техническое обеспечение учебного процесса производилось на основе лучших практик и образовательно-информационных технологий и созданием условий для всестороннего развития личности детей — занятий спортом, музыкой и другими видами творчества. Когда дочь предпринимателя отучилась в начальной и перешла в соседнюю среднюю школу, где туалет также размещался на улице, терпение супруги лопнуло⁴. Она настояла на том, чтобы муж профинансировал переоборудование инженерно-технической системы школьного здания и обустройство туалетных комнат. Для этого он как соинвестор вошел в специальную программу, где впервые попробовал стать «партнером государства».

Когда же семья приняла решение полностью переехать в село и построить свой дом, у главы семейства возникла идея подарить жителям села новую школу и детский сад, которого здесь никогда не было. К этому времени семья уже стала многодетной и потребность в хороших условиях для воспитания и образования детей не только не исчезла, но еще более укрепилась, да и для вновь прибывшего на ПМЖ бизнесмена возможность таким образом снизить хорошее расположение соседей и позитивную деловую репутацию у местного начальства тоже была не лишней.

---

4. Эмоциональная цитата из интервью супруги предпринимателя: *«Я руководству так сказала: “Сегодня, когда все везде уже запускается через пульт, сельские дети в туалет на улицу ходят!” А мне ответили: “Что мы сделаем? Так всю жизнь все ходили. У нас из поколения в поколение все на улицу идут”. Но как так? Это же здоровье будущего поколения!»*

Важна и предыстория проекта. Почти 15 лет назад региональные власти уже пробовали в селе построить школу, но стройка не задась, на ее месте остался вырытый котлован. И именно его облюбовал предприниматель для реализации своих планов. Он заблаговременно стал подыскивать подходящий проект образовательного учреждения. Для этого он совершал специальные «экскурсии» в новые школы на территории, где развивался его основной бизнес. Его привлекла идея совместить детский сад и школу в одном здании, которую он подглядел в одном из сибирских сел, так как в условиях небольшого поселения переход из дошколят в школьники простым перемещением из одной комнаты здания в другую выглядел более чем естественно и психологически комфортно. Техническая документация этого проекта была передана на доработку специально нанятым проектировщикам вместе с дополнительными пожеланиями по обустройству и комплектации здания, в т. ч. касающейся оборудования пищеблока, отвечающего требованиям к питанию детей разных возрастных групп. В 2011 году под пристальным контролем предпринимателя строительство началось, а уже 1 сентября 2014 года школа-сад приняла первых воспитанников. Здание безвозмездно было передано на баланс районной администрации, а меценат, по мнению директора школы, *«себе ничего от этого не поимел — одни только благодарности»*. Так как в семье предпринимателя дети с раннего возраста приучались к занятию физкультурой и спортом, то со временем напротив школы появилась спортивная площадка, куда стали приходиться поупражняться все от мала до велика, а на месте снесенной «раритетной» школы, построенной в 1929 году, в момент нашего приезда меценат уже в кооперации с районными властями начал возводить спортивный зал, пристроив его к уже существующему зданию.

Исчерпываются ли мотивы столь затратной благотворительности мецената только заботой о детях и необходимостью своего рода инвестиционного взноса для вхождения в местное сообщество? На наш взгляд, нет. Среди причин, побуждающих сельских предпринимателей, являющихся членами татарских общин, направлять часть своих доходов на софинансирование «общих благ» и поддержку особо нуждающихся, в последние годы все чаще стали артикулироваться нормы шариата, которые можно считать одним из механизмов внутреннего сплочения и солидарности мусульманских сообществ. К их числу можно отнести не раз звучавшие в собранных нами интервью правила «закята» как одного из пяти столпов ислама. Закят в исламском праве — это аналог ежегодного налога (милостыни), которым облагаются различные виды доходов и имущества дееспособных и финансово успешных мусульман в пользу нуждающихся единоверцев⁵. Именно религиозными предписания-

5. Согласно шариату, выплата закята означает, что полученные доходы и нажитое богатство не являются греховными. Точные размеры закята,

ми и убеждениями супруга мецената объясняла нам участие своей семьи в благотворительности, которая включала помимо строительства школы и других объектов также создание и финансирование специального фонда помощи малоимущим, больным и многодетным семьям сельских поселений района: *«Если у человека есть прибыль, то от прибыли, согласно вере, ему нужно отдать одну сороковую часть, поделиться с другими. Во всех наших постулатах сказано четко, что нужно выплачивать закят, но действительно нуждающимся. Мы курируем много семей, среди них есть сироты, погорельцы, неимущие семьи, а также те, кому срочно потребовались деньги на лечение. Разные бывают жизненные ситуации. Люди постоянно ездят на заработки, так как в селе нет работы — и из-за ДТП отцы, братья наших односельчан гибнут. Мы как раз помогаем тем, кто остался без кормильцев. Чтобы такой смертности не было, нужно какие-то места рабочие здесь на месте создавать».*

Вот в этой связи «помощь ближнему» и «необходимость локализации рабочих мест» обнаруживается еще один важный мотив безвозмездности реализуемых этой семьей социальных проектов. Под лозунгом «вернуть мужчин в село и сохранить мир и покой в мусульманских семьях» меценат, не отказываясь от своего бизнеса в Сибири, вместе со своим братом решил вложиться в местный аграрный проект. Продолжение интервью супруги: *«Брат мужа не только в нашем районе, но и по всей области приобретал земли, чтобы заняться сельским хозяйством. В будущем ферму свою поставит с бычками. Нужно, чтобы здесь все-таки шло развитие».*

Сделанные меценатом крупные вливания в инфраструктуру села, по сути, стали его инвестициями в социальный и политический капитал и расширили его возможности в отношениях с районной и региональной властью. С одной стороны, благодаря им новые бизнес-начинания не только не встречали административного сопротивления, но и при каждом удобном случае получали своего рода гарантии дополнительной господдержки через включение в разнообразные программы развития территории⁶. С другой стороны, взаимодействие с «первыми лицами» автоматически обеспечило меценату и его супруге статус посредников в отношениях между жителями села и властью, сделав их своеобразным «рупором» местной общины. Уважение и с той, и с другой стороны конвертировалось в право супругов не только быть трансляторами жалоб наверх, но и привлекать ресурсы для разрешения озвученных в ко-

---

как и то, на какие виды собственности он распространяется, являются предметом дискуссий среди знатоков мусульманского права.

6. Из интервью с супругой: *«Скажем так: власти в тех направлениях, которые мы делаем, нам не вставляют палки в колеса. Если где-то есть возможность... [нам помочь] в чем-то, они дают нам зеленый свет».*

ридорах власти сельских проблем. Как мы смогли убедиться, именно вмешательство меценатов помогло за счет бюджетных средств улучшить ситуацию с системой водоснабжения поселения и освещением участка магистрали, подходящей к селу.

Подобная реконструкция наслаивающихся друг на друга отношений, имеющих и экономический, и религиозный, и властный подтексты, позволяет разглядеть в «неправильных» (с точки зрения коммерческой выгоды) ГЧП-проектах особую рациональность и «симметрию», присущую взаимодействиям разных участников. Анализ разных форм обменов и их эквивалентов, которые стоят за этими отношениями, позволяют говорить о высокой значимости социальных связей и репутаций, способствующих конвертации личных интересов в общественные посредством участия в важных социальных проектах на безвозмездной основе.

Кейс сибирского села: школа как новация и можно ли ее продать государству

История со строительством школы в сибирском селе кардинально отличается от описанного поволжского кейса. В национальном составе поселения, о котором далее пойдет речь, преобладало русское население, которое до определенного момента не было избаловано какими-либо благотворительными акциями. Но в начале 2010-х, когда над небольшой сельской школой нависла угроза закрытия, известный в округе фермер, построивший свой бизнес на производстве и хранении картофеля по голландским и итальянским технологиям, решил стать спонсором и построить школу за свой счет, чтобы потом «продать» ее государству.

Чтобы понять мотивы этого решения, следует несколько слов сказать о сильном и рисковом характере фермера-благотворителя, который, подобно идеальному образу настоящего предпринимателя-новатора, описанного австрийским экономистом Й. Шумпетером (Шумпетер, 2007) в качестве движущей силы экономического развития, преуспел в профессиональной сфере благодаря своему упорству, интуиции и таланту. Он всегда был поглощен работой и не очень откликался на предложения о том или ином участии в жизни села. В интервью с нами руководитель местной администрации поведал, что это именно ему удалось зажечь в главе фермерского хозяйства волонтерский, подвижнический «задор», буквально взяв его «на слабо»: *«Фермер — мужик, конечно, очень упрямый, дотошный. Он никогда никому не помогал. Я как-то сидел и читал газету, где речь шла о том, что французские фермеры содержат социальную сферу. Позвонил ему, сказал, что в гости к нему зайду. А он меня не любил. Ну я специально испортил с ним отношения, так как психологически его просчитал и понял, что надо играть на его самолюбии, сопро-*

тивлении. Я к нему прихожу и говорю: «Почитай, что пишут. А ты хоть бы чуть-чуть картошки своей выделил на еду ребятишкам». Через какое-то время смотрю, он картошку начал развозить по садам, по школам».

Благотворительный азарт постепенно набирал обороты — и однажды в разговоре с губернатором фермер высказал готовность взяться за строительство здания школы взамен старого, которое областные власти готовились снести из-за его ветхости и несоответствия требованиям федеральных образовательных стандартов⁷. Судя по всему, в региональном бюджете свободных денег для новой сельской школы не было. Кроме того, даже если бы деньги и нашлись, то строительство затянулось бы на 3–4 года. Жителей села поставили перед фактом — школьникам придется ежедневно ездить на учебу в другое село. Недовольство местных жителей, собиравших петиции по этому поводу, подтолкнули фермера к тому, чтобы за свой счет и по своему проекту построить школу в обмен на гарантии, что областной департамент образования выкупит у него новое здание «по себестоимости».

Изначально эта договоренность фермера с региональной администрацией не имела юридического статуса — она была скреплена «простым рукопожатием» с первым лицом области и обменом обещаниями. Продолжение интервью с главой сельской администрации: «Фермер сам вышел на губернатора с предложением: «Я сельскому садику помог — окна пластиковые вставил, крышу сделал. Вообще хочу школу построить». Губернатор в ответ: «Я могу 30 миллионов дать на то, чтобы ты к детскому саду сделал пристройку». Фермер говорит: «Я за 35 миллионов вообще новую школу построю здесь». — «Точно построишь? Ну строй». Губернатор расписку написал, мол, затраты будут компенсированы... Затем мы в сельсовете оформили земельный участок под строительство, фермер сделал проект и начал стройку». Почти сразу стало ясно, что уложиться в названную смету фермер вряд ли сможет, так как в процессе проектирования он замахнулся на разного рода инженерные новации, отделку и комплектацию школы «по высшему разряду». Когда строительство близилось к завершению, возникла еще более весомая угроза проекту — губернатор, с которым был заключен «имплицитный контракт»⁸, не-

7. Школа была деревянной, одноэтажной, в ней не было столовой, спортивного зала, теплых туалетов и другой необходимой для образовательного процесса инфраструктуры. И хотя время от времени в здании школы делали ремонт (например, полностью перекрывали крышу), от закрытия ее бы это не спасло.

8. Согласно институциональной теории, речь идет о неявном, или отношенческом контракте, когда стороны соглашения «молчаливо» признают взятые на себя обязательства, которые не обеспечены юридической защитой, с расчетом на длительное сотрудничество друг с другом.

ожиданно ушел со своего поста — и неформальные договоренности повисли в воздухе.

Строительство школы началось весной 2012 года, а к сентябрю 2013 года она уже была готова «под ключ». Общая площадь нового здания составила порядка 2 тысяч квадратных метров — школа была рассчитана на 80 учеников. Для реализации этого непрофильного проекта фермеру пришлось привлекать банковский кредит, заложив для этого имеющуюся у него технику и хозяйственные помещения. Изначально расчет был сделан на уникальность. Чтобы отапливать помещение школы за счет геотермальных источников, было пробурено 28 скважин. Теплые полы заменили собой привычные батареи, а современное напольное покрытие обеспечивало им 50-летний срок службы. Чтобы выполнить требования по качеству воды, была установлена специальная система очистки, встроенная в контур водоснабжения села. Таким образом, строительство школы попутно позволило решить извечную сельскую проблему нехватки чистой воды для всех жителей.

Оснащение классов, в каждом из которых можно было разместить до 15 учеников, включало интерактивные доски и другое компьютерное оборудование, а также энергосберегающие лампы. В школе были оборудованы большой спортивный зал с раздельными раздевалками и душевыми, актовый зал с набором мягких кресел и станками для проведения занятий по хореографии, а также специальные кабинеты для уроков труда. Для столовой были закуплены бездымные печи, холодильники, также «с нуля» приобреталась вся необходимая утварь (ложки, вилки, тарелки, кастрюли и сковородки). Для экономии электричества в туалетных комнатах была смонтирована система освещения солнечным светом. Установили в школе и самую современную систему пожаротушения, а также систему, которая могла бы «улавливать» молнии и «уводить» их в сеть. В проектировании школы активное участие принимали и учителя, и ученики. Как вспоминали сам фермер и директор школы, на суд школьников выносилось порядка 5 разных вариантов фасадов здания, а учителя сами выбирали цвет стен для своих кабинетов, а также участвовали в решении других дизайнерских вопросов — от выбора мебели до фасона штор.

Вместе с тем фермер не до конца был уверен, что обговоренный заранее, но юридически не закрепленный договор с представителями исполнительной власти о приобретении построенной им школы будет выполнен. Поэтому для снижения своих рисков он предусмотрел и альтернативный способ использования объекта в качестве гостиничного комплекса, что также нашло отражение в проекте школы⁹. Можно сказать, что предчувствия фермера

*О.П. Фадеева,
В.И. Нефедкин*
Неформальное государство-частное партнерство как инициатива снизу: сельские кейсы

9. Из интервью с сельским главой: *«Жилка предпринимательская никуда не девается, фермер всегда думал над рисками, понимал, что область*

не обманули. Когда пришло время рассчитаться за школу, новый губернатор смог предложить только 82 млн руб., в то время как сам фермер утверждал, что его затраты с учетом расходов на обслуживание кредитов, составили 95 млн руб.¹⁰ Эти дискуссии несколько задержали срок ввода школы в эксплуатацию. Со временем были найдены другие способы компенсации, в т. ч. через легальную выплату дотаций на ведение фермерского хозяйства. Глава местной администрации в разговоре с нами подчеркнул, что по себестоимости строительство этой новомодной и не виданной для села школы обошлось фермеру менее 100 млн руб. — в то время как государство бы затратило на подобный проект не менее 500 млн руб.

Этот кейс является яркой иллюстрацией того, как для выполнения любого проекта, даже социального, необходим предпринимательский, креативный подход, позволяющий не только эффективно потратить деньги, но и учесть все пожелания и интересы заказчиков (учителей и их подопечных). Фермер, «закусив удила», стремился доказать всем, что ему по плечу задачи любой сложности, — и именно благодаря этой «злости созидания» село обрело новую, уникальную во всех отношениях школу. Также на этом примере можно увидеть, насколько зависимы «проекты ГЧП не по правилам» от доверительных отношений между частной и публичной (административной) сторонами и насколько остро они нуждаются в специфических механизмах предоставления гарантий и минимизации рисков. В «нормальных» ГЧП-проектах эти правила прописываются специальным образом в заключаемых концессионных договорах и иных соглашениях. В случаях же неформального партнерства бизнеса и власти основными инструментами принуждения публичной стороны к выполнению взятых на себя обязательств становятся возможности политического влияния, шантажа, публичных заявлений, которыми может воспользоваться частная сторона (предприниматели), чтобы оказать давление на принимающих решения представителей власти.

Подводя черту под описанием этих двух кейсов неординарных ГЧП, благодаря которым в двух селах чудесным образом появились современные школы без привычного участия государства

может не выкупить это здание... У меня с ним по этому поводу был прямой разговор... Чтобы себя как-то немножко огородить, защитить, он и придумал, что, если так сложатся обстоятельства, вместо школы он организует что-то типа гостиничного комплекса».

10. И этих денег могло бы не быть, если бы прежний губернатор для «политической подстраховки» сделанных фермером инвестиций не успел бы включить его в «список 500» группы поддержки В.В. Путина на выборах Президента РФ в 2012 г. Эта возможность выхода фермера непосредственно на первое лицо государства сразу же усилила его административный вес — и заставила новую администрацию региона вспомнить о данных обещаниях по поводу выкупа школы.

в их строительстве, отметим важность межличностных отношений, без которых само появление рассмотренных нами кейсов было бы невозможно. Важно отметить, что воплощение этих проектов модернизировало представления жителей о сельском быте, привнесло в их повседневные практики элементы городской культуры и комфорта. Чтобы возник «общественный договор» по поводу реализации подобных проектов, необходимы были не только материальные ресурсы, которыми местный бизнес готов был пожертвовать, но и подпитываемые общей системой культурных и религиозных ценностей и локальной идентичностью отношения традиционного порядка, увязывающие интересы населения, предпринимателей и властных структур.

И последнее. Социальную базу, необходимую для воспроизводства неформального партнерства, способного решать как крупные, так и средние и даже совсем мелкие по сельским меркам проблемы, невозможно, на наш взгляд, сохранить, если и дальше будет продолжаться процесс огосударствления института местного самоуправления и разрушения «сельского суверенитета». Как только в рамках «оптимизационных» реформ закроются двери сельских администраций, а низовым звеном муниципальной власти станут сельские или городские округа, институт ГЧП даже в таком необычном формате станет невозможен, так как локальный договор будет заключать не с кем: сельские предприниматели вряд ли сохранят свою лояльность по отношению к районным или региональным чиновникам. И тогда останется уповать только на стихийную самоорганизацию жителей села для решения своих насущных проблем по известному принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Библиография

- Бялкина Т.М. (2014). Новая муниципальная реформа: изменение подходов к правовому регулированию компетенции местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. № 8 (45). С. 1609–1614.
- Маркварт Э.Э. (2016). Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. № 6. С. 3–17.
- Нефедкин В.И., Фадеева О.П. (2020). Государственно-частное партнерство в реальном измерении // ЭКО. № 1. С. 8–28.
- Пастуханов А.Е. (2018). Частное финансирование ГЧП-проектов в России: возможности и риски // ЭКО. № 8. С. 113–132.
- Фадеева О.П. (2019). Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. № 4. С. 71–94.
- Фадеева О.П., Нефедкин В.И. (2018). «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // Крестьяноведение. Т. 3. № 3. С. 95–114.
- Шагалов И.Л. (2019). Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России // ЭКО. № 4. С. 153–172.
- Шумпетер Й. (2007). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО. Серия «Антология экономической мысли».

Informal public-private partnership as an initiative from below: Rural cases

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Leading Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Prosp. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: fadeeva_ol@mail.ru.

Vladimir I. Nefedkin, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Prosp. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: vladnn57@gmail.com.

Local self-government in Russia has seriously degraded in the last decades. The strengthening power vertical and the centralized budgetary policy minimized the ability of rural administrations to finance the construction of social infrastructure facilities. The existing mechanisms and practices of public-private and municipal-private partnerships aim at implementing large projects rather than at contributing to the rural development. The data from the 2018 field research show that the weakening of local self-government is partially restrained by the increased activity of rural residents. For instance, local entrepreneurs spend their money on building schools with the support of local authorities. Based on the regional and ethnic differences in the stories from the Tatar village in the Volga Region and the Russian village in Siberia, the authors identify some common features of projects from below and analyze both their reasons and motives of entrepreneurs in different regions. Such cases of public-private partnerships 'not by the rules' should not be considered charity: they have various motives hidden in the relations between the authorities, business and rural population, and they are a result of informal agreements, in which mutual obligations of the participants are not legally set but are demonstrative manifestations of the local identity and of the intention to keep the traditional order.

Key words: self-government, public-private partnership, rural entrepreneurs, self-organization, Volga Region, Siberia

References

- Byalkina T.M. (2014) Novaya munitsipalnaya reforma: izmenenie podkhodov k pravovomu regulirovaniyu kompetentsii mestnogo samoupravleniya [A new municipal reform: The change of approaches to the legal regulation of the local self-government competence]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, no 8, pp. 1609–1614.
- Markwart E.E. (2016) Rossiyskoe mestnoe samoupravlenie pered glavnyimi vyzovami sovremennosti [Russian local self-government facing the main challenges of our time]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, no 6, pp. 3–17.
- Nefedkin V.I., Fadeeva O.P. (2020) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v realnom izmerenii [Public-private partnership in its real dimension]. *ECO*, no 1, pp. 8–28.
- Pastukhanov A.E. (2018) Chastnoe finansirovanie GChP proektov v Rossii: vozmozhnosti i riski [Private financing of the PPP projects in Russia: Opportunities and risks]. *ECO*, no 8, pp. 113–132.
- Fadeeva O.P. (2019) Sibirskoe selo: ot formalnogo samoupravleniya k vynuuzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From the formal self-government to the forced self-organization]. *ECO*, no 4, pp. 71–94.
- Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. (2018) "Regionalny dirizhizm" i selskaya samoorganizatsiya v Tatarstane ["Regional dirigisme" and rural self-organization in Tatarstan]. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 3, pp. 95–114.

- Shagalov I.L. (2019) Effekty soproizvodstva sotsialnoy infrastruktury mestnymi soobshchestvami v Rossii [Effects of the co-production of social infrastructure by the Russian local communities]. *ECO*, no 4, pp. 153–172.
- Schumpeter J. (2007). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsi-alizm i demokratiya* [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy], Moscow: EKSMO.

*О.П. Фадеева,
В.И. Нефедкин*
Неформальное го-
сударственно-част-
ное партнерство
как инициати-
ва снизу: сельские
кейсы

Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия¹

Б.З. Докторов, А.М. Никулин

Борис Зусманович Докторов, доктор философских наук, профессор, независимый аналитик. Виллидж Лейн, 100, Фостер-сити, Калифорния, 94404, США. E-mail: bdoktorov@inbox.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В данном интервью живущий в Америке российский социолог, исследователь интеллектуальных биографий и методов познания обществоведов XX–XXI веков Борис Докторов вместе с главным редактором журнала «Крестьяноведение» и директором Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН Александром Никулиным беседует о выдающемся британском социологе Теодоре Шанине, чье научное наследие тесно связано со становлением и развитием особого обществоведческого междисциплинарного направления — крестьяноведения и который осуществил целый ряд фундаментальных историко-социологически экономико-социологических исследований сельской России. В интервью обсуждаются основные понятия и вехи развития крестьяноведения как одной из отраслей историко-социологического знания в России, анализируется оценка Теодором Шаниным различных направлений российской обществоведческой и гуманитарной мысли, связанных с исследованием крестьянства, а также выработкой рекомендаций по альтернативам развития и преобразования крестьянских миров, нашедших свое воплощение в замыслах и идеях аграрников народников и марксистов, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, А.В. Чаянова, И.С. Сталина. Поднимается вопрос о значении литературы и живописи, связанных с изображением и постижением роли крестьянства, с точки зрения интеллектуальных интересов Теодора Шанина. Также особое внимание уделяется обсуждению совместной деятельности Шанина с его ближайшими коллегами в изучении сельской России — крупнейшими российскими аграрниками В.П. Даниловым и Т.И. Заславской. На протяжении всего интервью обсуждаются особенности мировоззренческих и морально-этических принципов Теодора Шанина, связанных с поисками гуманистических альтернатив сельского развития России и мира.

Ключевые слова: крестьянство, крестьяноведение, аграрная политика, Теодор Шанин, В.П. Данилов, Т.И. Заславская, писатели-деревенщики, сельская Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-146-172

---

1. Публикация подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

А.М. НИКУЛИН: Борис, я очень рад, что в жанре твоих социологических интервью-бесед нам предстоит на страницах «Крестьяноведения» поговорить о Теодоре Шанине, обсудить его вклад в развитие социологических аграрных исследований России и мира, а также личные особенности Теодора как ученого и человека.

Б.З. ДОКТОРОВ: Саша, не мог бы ты для начала очертить ту область науки, которая обозначается словом «крестьяноведение». Мне представляется, что для России это весьма широкая, межпредметная сфера исследований, где встречаются социология, история, этнография, экономика, политика и т. д. Все же в течение веков Россия была крестьянской страной, а что теперь? Наверное, и сейчас в стране есть крестьянство, но оно какое-то совсем другое?..

А.М. НИКУЛИН: Крестьяноведение (*англ.* Peasant Studies) — это отрасль сельской социологии, выделившаяся на Западе в отдельное научное направление примерно к середине 1960-х годов. К тому времени были проведены исследования и написаны монографии о крестьянах такими замечательными учеными, как Р. Редфилд и Э. Вольф, тогда же, с 1966 по 1968 год, на Западе были заново открыты и переведены работы А.В. Чаянова. В 1970-е годы возник специальный журнал Peasant Studies, опубликованы новые оригинальные крестьяноведческие исследования Т. Шанина, Дж. Скотта и многих других ученых. Пожалуй, 1970-е годы это была «золотой век» крестьяноведения, по крайней мере на Западе. Возросшей популярности крестьяноведения, безусловно, способствовали впечатляющие политические достижения многих стран третьего мира в борьбе против колониализма. Фактически полностью крестьянские страны восставали против своих более экономически и технологически развитых угнетателей и часто весьма упорно и успешно им противостояли. Самый знаменитый политический пример того времени — Вьетнам.

И, конечно, сразу стало очевидно, что крестьяноведение — это междисциплинарная наука не только для социологов, но также для историков, экономистов, антропологов, политологов, географов.

Безусловно, важен вклад в крестьяноведение российской интеллектуальной традиции, идущей еще из XIX века — от великой русской классической литературы Пушкина, Толстого, беллетристов народнического направления и до знаменитых политэкономических споров по аграрному вопросу марксистских, народнических, либеральных партий начала XX века. Российское земское движение заложило выдающуюся традицию эмпирико-статистических исследований крестьянства, получившую второе дыхание в культуре статистических обследований советского ЦСУ в 1920-е годы. Но последовавшая коллективизация советской деревни разгромила не только кулачество как класс, но и крестьяноведение как научное направление. Поруганным и преданным забвению оказалось наследие школы Чаянова, без которого сейчас невозможно помыслить современное крестьяноведение. Нельзя сказать, что после это-

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

го крестьяноведение абсолютно исчезло из советской науки и культуры. Большой вклад в осмысление проблем и судеб отечественного крестьянства в XX веке внесли писатели-деревенщики. Работами международного уровня можно считать исследования историков-аграрников круга В.П. Данилова, а также сельские социологические исследования Новосибирской школы Т.И. Заславской. Тем не менее в советский период крестьяноведение не могло сформироваться в самостоятельное научное направление из-за идеологической цензуры, скрывавшей тайну образования и развития колхозного строя в СССР и его влияния на раскрестьянивание страны.

Начиная с периода перестройки — с окончательной реабилитации Чаянова и его коллег-аграрников, с попыток коренных аграрных реформ и развития широких международных аграрно-социологических исследований (здесь самый впечатляющий пример — шанинский проект «Социальные структуры советского/постсоветского села») возникли возможности для возрождения и развития крестьяноведения в России. Но тут нас подстерегает горький парадокс истории: к концу XX века крестьян как таковых в России осталось очень мало. Обитатели позднесоветской и нынешней деревни в значительной степени оставили свой крестьянский потенциал в прошлом. Ведь что такое крестьянство по хрестоматийному определению Теодора Шанина: локальные сообщества (общины), состоящие из домохозяйств, работающих на земле, с собственной традиционной культурой, находящиеся в маргинально-подчиненном положении к государству и городу. Но в настоящее время сельские самоуправляющиеся общины разрушены бюрократическим контролем и централизацией, традиционная культура отошла в прошлое под натиском масс- и поп- культуры, подавляющее большинство потомков крестьянских домохозяйств давно превратились в различные категории наемных работников, неизменной остается лишь маргинальность села по отношению к государству и городу. Некогда достаточно цельный и массовый социальный тип и образ жизни крестьянства России теперь раздробился и фрагментизировался в отдельные жизненные практики современных российских фермеров, владельцев ЛПХ, наемных сельскохозяйственных рабочих и управленцев, в конце концов, дачников.

Б.З. ДОКТОРОВ: Да, я примерно так и думал, что крестьяноведение — направление социального и гуманитарного анализа, изучения, даже переживания. Недавно интересный социолог, но также и писатель Леонид Бляхер (многие годы живет в Хабаровске, по базовому образованию — филолог) подготовил «Сумбурные и совершенно субъективные заметки» на тему: «Может ли писатель выполнить работу социолога?»² По-моему, применительно к российской действительности писатели (от Абрамова до Яшина) в области анализа и описания жизни и менталитета крестьянства делали это сильнее, ярче, чем социологи. Помню некоторые публикации

2. <http://liberal.ru/excurses/mojet-li-pisatel-vypolnit-rabotu-sociologa?>

Т.И. Заславской, И.В. Рывкиной, они «остановились» на жесткой методологии: анкетирование, методы классификации и прочее, а надо было бы совместить эти результаты с наблюдениями, свободными беседами с крестьянами. Что ты по этому поводу скажешь?

А.М. НИКУЛИН: О «физиках» и «лириках» от крестьяноведения можно рассуждать долго. Исследователи сельской жизни в силу своих личных талантов и способностей персонально, так или иначе, тяготеют кто к «качественным», кто к «количественным» методам. Сельская жизнь такая обширная, что вбирает в себя самые различные стили познания, главное, чтобы они были добросовестными (нефальшивыми) и оригинальными (небанальными).

Конечно, на исследователя влияет и дух времени. Например, Чаянов был не только выдающимся экономистом-статистиком, но и, безусловно, талантливым писателем. Тем не менее в своих аграрных исследованиях он не оставил почти никакого антропологического и тем более художественного описания крестьян. Я предполагаю, что он стремился соответствовать духу своего позитивистского времени и считал, что сельская экономика и социология есть прежде всего статистика, графики, таблицы, математические модели. Хотя другой выдающийся чаяновский современник — аграрник-экономист Н.Д. Кондратьев был еще более позитивистски настроенным ученым, поэтому и называл с иронической досадой Чаянова «беллетристом». С другой стороны, Афанасий Фет — тончайший лирик русской поэзии, между прочим, был и успешным сельскохозяйственным предпринимателем. Купил себе имение — превратил его в высокодоходное хозяйство и на досуге писал невероятно пронизательные очерки фактически по экономической социологии крестьянской пореформенной России³.

Но все же, конечно, противоречия между этими стилями — «физиков» и «лириков» от крестьяноведения есть. Я здесь хочу вспомнить нашего отечественного крестьяноведа А.В. Гордона, который, кстати, и ввел сам термин «крестьяноведение» в русский язык. И кстати, Гордон подчеркивал, что «крестьяноведение» есть прежде всего «крестьяновидение». Вот он как-то беседовал в кулуарах симпозиума «Пути России» с Ю.А. Левадой (являвшимся, конечно, как и Т.И. Заславская, И.В. Рывкина, ярким представителем отечественного структурного функционализма) о методах познания социальной реальности. Гордон сказал Леваде: «Вам нравятся исследовать и описывать клетку, в которой находится тигр, а мне охота постичь самого тигра». В этом проблема: стремимся постичь некоего «тигра-казака» Емельяна Пугачева, а в результате в очередной раз описываем лишь клетку, в которой он содержится.

Тут нам остается лишь одно — междисциплинарное количественно-качественное сочетание исследовательских методов. Имен-

3. *Фет А.А.* (2001). Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М.: Новое литературное обозрение.

но в этом ремесле был чрезвычайно силен и успешен Теодор Шанин. Его первая монография «Неудобный класс» — в целом образец количественного исследовательского подхода к изучению циклической мобильности крестьянства, тем не менее в приложении к этой книге мы находим и качественный анализ политической и экономической социологии крестьянства⁴. Шанинская хрестоматия «Крестьяне и фермеры в современном мире» содержит в себе не только отрывки из сочинений позитивистски ориентированных обществоведов, но также и фрагменты качественных антропологических исследований и даже тексты писателей — М. Горького, В. Белова, Дж. Берджеса. Наконец, шанинская монография «Революция как момент истины». Да, в этой книге есть статистические модели и таблицы борьбы рабочих и крестьян в 1905–1907 годах, но также постулируется и следующее утверждение: «Ученые, исследующие общество, часто упускают из виду важнейшую составляющую любой революционной схватки: пыл и гнев, которые движут революционерами и делают их теми, кто они есть. Гнев и страсть невозможно операционализировать в таблицах и цифрах. Для тех, кто столь уточнен, что не замечает многих реалий, всепоглощающие эмоции кажутся вульгарными или неискренними. Но без учета этого «фактора» любое объяснение революции остается неадекватным»⁵.

На шанинских «длинных столах» полеви́ков-крестьяноведов часто возникали дискуссии сторонников более «количественного» и более «качественного» подходов к интерпретации собранных эмпирических фактов российской сельской действительности. Шанин в таких случаях стремился к бережной комбинации различных исследовательских стилей, к достижению оптимального компромисса в противостоянии «количественных» и «качественных» мнений.

Б.З. ДОКТОРОВ: Саша, а теперь, пожалуйста, поразмышляй о том, как Теодор Шанин пришел к крестьяноведению, ведь не на пустом месте. Исходно более далекого от крестьяноведения человека, чем Шанин, даже сложно представить. Еврей, родившийся в польско-литовском Вильно, в семье, где основным языком, видимо, был идиш, отец которого был успешным торговцем галошами и приверженцем либерального сионизма. В годы Второй мировой войны Теодор ненадолго оказался на Алтае и в Самарканде, пожалуй, далеко не самые крестьянские в России регионы и культуры, затем — Польша и Палестина, участие в войне за создание Израиля и т. д. Где Шанин «подцепил» крестьяноведение или, наоборот, где оно пленило его?

А.М. НИКУЛИН: Да, действительно, на первый взгляд это может показаться странным — специализация именно в крестьянове-

4. Шанин Т. (2019). Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия, 1910–1925. М.: Издательский дом «Дело».

5. Шанин Т. (1997). Революция как момент истины: Россия 1905–1907 — 1917–1922 годы / Пер. с англ. Е.М. Ковалева. М.: Весь мир. С. 24.

дени. Отчасти это, конечно, случай. Теодору было уже за тридцать. К тому времени он — вполне состоявшийся руководитель социальной работы, яркий политический деятель. Как вдруг решает начать жизнь заново — переезжает из Израиля в Англию, где поступает в аспирантуру. Там ему предложили взять тему для диссертации про русских крестьян, и он согласился. Не сразу, но постепенно в ходе работы он открыл глубокие закономерности в эволюции русского крестьянства. По результатам своей диссертации опубликовал монографию «Неудобный класс», ставшую бестселлером, а потом классикой крестьяноведения. Почти тут же выпускает хрестоматию по крестьяноведению, которая также становится классическим сборником крестьяноведческих трудов. Потом еще последуют замечательные крестьяноведческие статьи, монографии, основание и редактирование главного международного крестьяноведческого журнала *Journal of Peasant Studies*, руководство международными социологическими проектами в селах Индии, Ирана, Мексики, Африки. Наконец, начиная с периода перестройки в СССР организация социологических исследований советского и постсоветского села, основание Центра крестьяноведения и ежегодника «Крестьяноведение» в МВШСЭН. Но насколько эту блистательную и плодотворную крестьяноведческую карьеру определил лишь случай?

Тут уместно сказать и о некоторых особенностях характера и мировоззрения Теодора, которые привели его в крестьяноведение. Во-первых, Шанин это не только сельский социолог. Он, безусловно, социальный мыслитель в широком смысле этого слова. У него есть глубоко профессиональные работы в области социологии знания, политической, экономической и исторической социологии. И вот Шанина как мыслителя глубоко заинтересовал феномен крестьянства в связи с такими коренными вопросами социального познания, как общественный прогресс, альтернативы общественного развития, социальная революция. Шанин полагал, что крестьянство оказалось поразительно недооцененным и непознанным в социальных науках XX века. Со времен своего юношеского левого активизма он хорошо знал высказывания вождей коммунистического движения. И как-то прояснил свою позицию выбора исследовательских тем ответами Сталина и Мао на sacramентальный вопрос партийных товарищей: какой уклон хуже и опасней в партии — правый или левый? Сталин, как известно, ответил так: «Странный вопрос — оба хуже!» А Мао сказал: «Тот уклон опасней — с которым меньше боролись». Так вот, иронически примеряя эти ответы к вопросам выбора исследовательских тем, Шанин полагал, что те направления в науке интересней, которым по каким-то причинам мало уделяли внимания. По мнению Шанина, крестьянство в социальных науках и политической жизни долгое время оставалось именно таким игнорируемым «изгоем» — эдаким примитивным и бесперспективным социальным слоем, с которым в общем-то непонятно что делать, и надо лишь подождать, а мо-

жет даже, и приложить определенные усилия, чтобы вся эта деревенщина, в конце концов, прекратила свое существование. Теодор презирал подобную точку зрения. И ему были дороги те социальные мыслители, которые, как Чаянов, например, доказывали, что крестьянство — не препятствие на дороге прогресса и культуры, а, наоборот, глубинный источник возможностей нового более устойчивого и гуманного развития человечества. Вместе с тем Шанин никогда не идеализировал крестьян и не сентиментальничал с понятием «крестьянство». Прочти его замечательную статью «Крестьянство как политический фактор»⁶, где Теодор систематично и объективно анализирует как сильные, так и слабые стороны политического поведения и политической организации крестьян.

И последнее, о еврействе и крестьянстве. Знаешь, Теодор отнюдь не единственный еврей, увлеченно и успешно изучавший крестьянство. Если бы не ограничения по времени и размеру нашего интервью, я бы перечислил тебе множество российских и зарубежных имен замечательных евреев-крестьяноведов. Ограничусь для примера лишь тремя именами: Борис Бруцкус был сооснователем организационно-производственной школы Александра Чаянова. Михаил Кубанин являлся, пожалуй, самым ярким крестьяноведом-марксистом СССР 1920–1930-х годов. Вслед за Чаяновым, четырьмя годами позже Кубанин будет репрессирован Сталиным. Писатель-деревенщик Ефим Дорош, тончайший знаток крестьянской православной культуры, утверждал, что Библия есть самая мужицкая книга на земле⁷. Так что Шанин это настоящий мудрый еврей, понимающий толк в крестьянстве.

Б.З. ДОКТОРОВ: Я указал на еврейское происхождение Теодора Шанина не потому, что сомневался в том, что оно могло стать препятствием на его пути к крестьяноведению, но лишь потому, что не видел в его ранней социализации факторов, которые порождали бы такой его научный интерес. Приведу сейчас полностью ответ Татьяны Ивановны Заславской на вопрос о том, почему она стала заниматься социологией села. Очевидно, что ничего подобного не прозвучало бы в беседе с Шаниным. «Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство. — Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне, и, хотя он лет в 13

6. Шанин Т. (1992). Крестьянство как политический фактор. В кн. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс — Прогресс-Академия. С. 269–278.

7. Никулин А.М. (2019). Ефим Дорош и его «деревенский дневник»: наблюдая сельско-городские трансформации России и Ростова Великого // Мир России. Социология. Этнология. Т. 28. № 4. С. 172–192.

или 14 переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но ведь он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 году мои родители впервые не смогли вывезти нас с сестрой в какие-то новые места, чтобы расширить наш горизонт, как обычно они это делали летом. Вместо этого нас отправили в деревню к папиной двоюродной сестре Нюше. И мы с Майей неожиданно почувствовали себя в совершенно родной среде, хотя были настоящими горожанками. Мне было 13 лет, но я была рослой и казалась старше, а сестре было 16 — самый цвет. Мы были простыми в общении, ничего из себя не строили и поэтому всем нравились. Мальчишки катали нас на велосипедах, приносили к нам патефон с пластинками Клавдии Шульженко, приглашали на деревенские гулянья... На чердаке у Нюши мы нашли книжку про Тарзана, которая нам страшно понравилась. Мы учили деревенские песни и частушки и в целом были совершенно счастливы... Вообще, мы стали там в доску своими. Это был, я думаю, важный момент в моей жизни, я почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила. Мы долго там жили, все лето. Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда. Довоенное Земнево, в силу близости к Москве, было богатым. Там были хорошие личные подсобные хозяйства, коровы, огороды, все росло и множилось. Ну одевались очень просто и все такое, но жили достаточно хорошо, зажиточно. А в 1947–1949 гг., уже студенткой, я ездила на уборочные работы и увидела разоренную, послевоенную деревню. Нищета поражала. Хотя, конечно, и Москва, и вся Россия после войны жили тяжело, но деревенская нищета была на порядок сильнее городской. И ощущение социальной несправедливости по отношению к достаточно большой и близкой мне части общества не могло оставить меня равнодушной. Кроме того, тетя Нюша регулярно приезжала в Москву продавать картошку на рынке и рассказывала, как их притесняли — беспощадно, неразумно. Не плоды снимали с дерева, а просто подрезали ветки и ствол. И вот как-то зацепило. А когда я диплом писала по оплате труда в колхозах, меня увлекла история коллективизации. Я изучала историю рождения «трудодня»: тогда утверждалось, что это чуть ли не экономическая категория. Много было живого материала, и мне было интересно, хотелось разобраться до конца, чтобы не оставалось вопросов»⁸.

А.М. НИКУЛИН: Это интересно! Пожалуй, тут мне следует поразмышлять над мотивацией путей Шанина и Заславской в науку вообще и в аграрную науку в частности, тем более что они были давними друзьями и коллегами — соруководителями Интерцентра, МВШСЭН.

8. Заславская Т.И. (2007). «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» (Интервью Б.З. Докторову) // Социологический журнал. № 3. С. 137–169.

Итак, во-первых, у Теодора тоже был свой детский опыт включенного наблюдения за жизнью российского села. Правда, не такой безоблачно дачный подмосковный довоенный, как у Татьяны Ивановны. Я напомним, что летом-осенью 1941 года Шанин вместе со своей мамой оказался в политической ссылке в селе Большая Шелковка Рубцовского района Алтайского края. Шанин мне рассказывал о тех своих детских сельских впечатлениях, частично они опубликованы в книге А. Архангельского⁹. Конечно, этот советский деревенский опыт навсегда врезался в душу Теодора.

Во-вторых, вот ведь в чем парадокс траекторий жизненных выборов в науке Заславской и Шанина. Татьяна Ивановна изначально поступила на физический факультет МГУ, а потом, заинтересовавшись социально-экономическими вопросами, перевелась на факультет экономический. А ты знаешь, что школьником-старшеклассником Теодор всерьез подумывал о карьере ученого-физика? В старших классах ему, конечно, нравились гуманитарные дисциплины, но особенно успешно и заинтересованно он занимался физикой. Более того, за этим интересом скрывался не только интеллектуальный, но и нравственный выбор. Как-то размышляя вслух над возможными траекториями своей судьбы, Шанин не исключил и вероятности продолжения своей жизни в СССР после войны. Ну вот, например, не отпустили бы его по какой-то причине обратно в Польшу в 1945 году. В таком случае, полагал Теодор, он непременно стал бы физиком. И не только потому, что ему именно это было бы интересно, а потому, что это в советских условиях было бы экзистенциально и нравственно необходимо. Во-первых, серьезной наукой в тогдашнем СССР, по мнению Теодора, прежде всего возможно было заниматься только в точных дисциплинах, ибо также интересовавшие Шанина обществоведческие дисциплины находились под чудовищным идеологическим контролем. А во-вторых, СССР необходимо было защищать! Теодор хотел бы стать именно физиком-ядерщиком или ракетчиком. Ведь у США уже была атомная бомба, а у Советов — еще нет. Теодор был убежден, что между этими двумя странами должен быть паритет в военном деле именно во имя сохранения мира.

Доказывая мне правоту своих опасений за судьбу мира, Теодор упомянул, как где-то в начале рейгановских 1980-х годов его английский друг пришел к нему весь в страшно расстроенных и разгневанных чувствах после одной университетской встречи, на которой выступал крупнейший американский историк, советолог, один из метров и классиков правой западной историографии России (хотя Теодор даже упомянул, как звали этого ученого, я здесь опущу его имя). Так вот, этому гуру советологии задали вопрос: «В противоборстве с СССР что делать или что надо было бы сде-

9. Несогласный Теодор (2020). История жизни Теодора Шанина, рассказанная им самим / Александр Архангельский. М.: АСТ. С. 40–46.

лать?» Гуру в ответ буркнул: «Что делать, что делать... Надо было на Советы в свое время атомную бомбу сбросить, а теперь и непонятно, что делать...»

В общем, в случае альтернативного биографически-советского сценария Шанин свои интеллектуальные и организационные способности вполне мог бы реализовать по мотивам знаменитых строчек песни Юрия Визбора:

*А Макс Шароль — опять защитник и герой,
Имеет личность он секретную и кров.
Он так усердствовал над бомбой гробовой,
Что стал членкором по фамилии Петров.*

Итак, в чем же родство жизненных траекторий Шанина и Заславской? Безусловно, это единство интеллектуального и нравственного выбора! Заниматься стоит не только тем, что интересно, но и тем, что нравственно необходимо. А нравственно необходимо становиться на защиту слабой стороны. И Шанин, и Заславская были не только исследователями, но и защитниками крестьянства!

Б.З. ДОКТОРОВ: Да, интересный параллелизм в развитии (или возможном) развитии судеб Заславской и Шанина. Ты знаешь, Теодор Шанин буквально ворвался в российскую социологию во второй половине 1980-х. Он пришел не только как ученый широкого профиля, но и как реформатор российского образования. О роли Шанина в трансформации представлений о подготовке современных социологов и экономистов мне хотелось бы поговорить ниже, а сейчас — вопрос научно-нравственного характера. Как сложились личные отношения Шанина с Татьяной Ивановной Заславской и крупным ученым-аграрником Виктором Петровичем Даниловым? Вспомним, Заславская тогда находилась на вершине известности и публичности: академик, президент Советской социологической ассоциации, директор ВЦИОМ, член Межрегиональной депутатской группы в горбачевском Верховном Совете и прочее. Данилов не был в той же мере публичным человеком, но он многие годы занимался аграрной историей России/СССР, создал школу аграрной истории.

Не возникало ли какой-либо напряженности между ними и Шаниным, ведь подобное случается в научном мире. С одной стороны, российские ученые, десятилетиями изучавшие российскую деревню, экономику села, образ жизни сельского населения, с другой — «новичок», иностраннный специалист, книжный ученый?

А.М. НИКУЛИН: Шанин, Заславская, Данилов были, конечно, не просто коллегами, но друзьями-единомышленниками и настоящими интеллектуальными вдохновителями Интерцентра/МВШСЭН.

Особо глубокие дружеские отношения связывали Шанина с Даниловым. Они познакомились лично во второй половине 1970-х го-

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

дов — Теодор неоднократно в своих воспоминаниях и интервью рассказывал, как именно произошло это знакомство. Работая над своей книгой «Россия как развивающееся общество» в 1977 году, он приехал в полугодовую академическую командировку в СССР. В самом начале своего пребывания в Москве Шанин посетил Институт истории, где спросил о возможности встречи с профессором Даниловым. Руководство института Шанину ответило, что, к сожалению, Данилов болен. Шанин после этого ответа побрел по коридорам института и наткнулся на дверь с табличкой «Отдел аграрной истории», открыл ее дверь, а там сидел человек и пальцем одной руки что-то печатал на пишущей машинке. Они как-то само собой разговорились, и оказалось, что перед Шаниным тот самый Данилов, про которого начальство соврало, будто он заболел. У Данилова тогда, в 1970-е, были тяжелые времена. Вообще-то проблемы у него начались уже во второй половине 1960-х, когда группа историков под его руководством подготовила труд по истории коллективизации. Это было глубокое и объективное исследование, достаточно правдиво анализировавшее сталинские практики «Великого перелома». Но к тому времени оттепель, под давлением брежневского неосталинизма, сворачивалась, и книга о коллективизации была рассыпана в гранках. Данилов был подвергнут серии идеологических проработок в Институте истории, из руководителя группы историков и секретаря парторганизации института его понизили до просто старшего научного сотрудника. Ему сменили тему исследования, и вместо коллективизации Данилов занялся изучением доколхозной советской деревни 1920-х годов. Впрочем, и по этой теме он, в конце концов, выпустил в свет великолепный монографический двухтомник¹⁰. Только начиная с периода перестройки Виктор Петрович смог в полной мере организовать и возглавить широкий фронт исторических исследований советской аграрной и политической истории времен сталинизма. Итогом стали ценнейшие многотомные историко-архивные публикации по крестьянским восстаниям в период Гражданской войны¹¹, истории партийных конфликтов 1920-х годов¹² и, конечно, коллективизации — раскулачивания 1930-х годов¹³.

Кроме того, на базе Интерцентра под руководством Данилова и Шанина периодически проходил высокого академического уров-

10. Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977; Данилов В.П. (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.
11. Антоновщина (2007). Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / Под ред. В.П. Данилова и др. Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл.
12. Как ломали НЭП (2000). Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, ред. колл. М.С. Астахова, Г.В. Горская. М.: МФД.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (1999–2004). 1927–1939. В 5 тт. / Под ред. В.П. Данилова, Р. Манинга и др. М.: РОССПЭН.

ня аграрный семинар, объединивший в своих рядах ведущих российских аграрников. Все материалы этого семинара опубликованы отдельной книгой¹⁴.

По своему мировоззрению Данилов был одним из самых ярких и глубоких марксистов-шестидесятников периода оттепели, приобретший в своей юности и фронтовой опыт — войну он закончил в Чехословакии в чине лейтенанта-артиллериста. Характером Виктор Петрович выделялся прямолинейно принципиальным. В полемике — и печатной и устной — Данилов часто бывал язвитель, беспощадно резок, отличаясь при этом железно последовательной логикой своей аргументации. Я неоднократно наблюдал даниловские выступления на семинарах Интерцентра и симпозиума «Куда идет Россия»: воистину не позавидуешь оппоненту, против которого, конечно, исключительно по принципиальным идейно-идеологическим соображениям, ополчался Виктор Петрович. Мне Данилов внешним видом и своими манерами (его густые седые волосы были зачесаны назад, будто в форме парика вельможи времен Екатерины II) напоминал сурового и ворчливого князя Петра Болконского из «Войны и мира».

Данилова и Шанина связывала трогательная дружба. Оба они фронтовики, суровые, принципиальные и одновременно тонкого душевного склада личности. Им обоим нравилась поэзия Серебряного века, в особенности стихи Блока и Пастернака. В сфере аграрной исторической науки они были почти стопроцентными единомышленниками. Теодор упоминал, впрочем, что Данилов, в целом несогласный с политикой раскулачивания, тем не менее полагал, что «кулак» как социально-экономический тип был вполне реальным в советской деревне 1920-х годов. Теодор же, иногда споря с Даниловым, считал, что классический «кулак-мирод» — редкостное исключение, а в целом «кулак» есть прежде всего идеологический жупел советской пропаганды.

Шанин — по характеру своему донкихотовский защитник всего человечества — как мог, опекал и своего друга Виктора. В тяжелые 1990-е годы руководство Центром крестьяноведения в Интерцентре и редактирование ежегодника «Крестьяноведение» в МВШСЭН было существенным финансовым подспорьем для Данилова. Шанин также периодически деликатно «осаживал» Виктора Петровича, когда тот порой уж слишком придирчиво и беспощадно полемизировал со своими противниками из либерального или сталинского лагеря. И Данилов тут, как правило, смирялся, прислушивался к примирительно толерантному голосу Теодора...

Теперь о Заславской и Шанине. Как упоминал Шанин, второй раз он посетил Сибирь (первый раз это была ссылка времен его

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

14. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М.: РОССПЭН.

детства на Алтай) прежде всего из-за Татьяны Ивановны Заславской. Теодору очень хотелось лично познакомиться с Заславской и ее школой новосибирской социологии. Знакомство оказалось успешным и плодотворным. В результате этой поездки Шанин рекрутировал ряд молодых новосибирских социологов в организуемые им летние академические школы в Англию в конце 1980-х годов. И кроме того, эта встреча положила начало многолетнему личному сотрудничеству Шанина и Заславской. Например, на пике популярности СССР на Западе Шанин организовал издательскую серию книг «Второй мир», в которой публиковались переводы монографий ведущих советских ученых-обществоведов для ознакомления с их творчеством интеллектуальной общности Запада. Так вот, открылась эта серия книг в 1990 году именно публикацией монографии Заславской «Вторая социалистическая революция»¹⁵. Для завершения работы над этой книгой Шанин выбил британское финансирование трехмесячного пребывания Заславской в Англии. Именно там, освобожденная от участия в бесконечном вихре общественно-политических мероприятий перестройки, Татьяна Ивановна смогла подготовить к печати свою монографию.

И, конечно, далеко не случайно профессор Шанин пригласил в начале 1990-х годов академика Заславскую статью вместе с ним сопresidentом Интерцентра и одним из ключевых академических интеллектуалов МВШСЭН. Это был, безусловно, правильный и точный выбор. Как сопresidentы и сопresidentатели знаменитого междисциплинарного семинара Интерцентра начала 1990-х годов Шанин и Заславская представляли собой «идеальную академическую пару».

Вместе с тем отношения Шанин–Заславская, безусловно, всегда глубоко уважительно дружеские, все же не были столь лично доверительными, как отношения Шанин–Данилов. С точки зрения научного мировоззрения и методологии порой ощущалось некоторое дистанцирование между «количественником» структурным функционалистом Заславской и «качественником» феноменологом Шаниным. Кроме того, Татьяна Ивановна была прежде всего специалист в области экономической социологии, а Теодор — исторической социологии. Шанин как-то мне с грустной досадой сказал, что спрашивал Заславскую: читала ли она Чайнова, и если да, то что думает о его творчестве? Заславская ответила, что, когда такая возможность ей предоставилась, она с Чайновым ознакомилась, это все очень мило и интересно, но ведь все чайновское крестьянское хозяйство осталось глубоко в прошлом. В условиях нынешнего аграрного прогресса, кажется, невозможно всерьез применять

---

15. *Zaslavskaya T.I.* (1990). *The Second Socialist Revolution. An Alternative Soviet Strategy* / Foreword by Teodor Shanin. London: Tauris.

идеи Чаянова, — заключила Заславская. А для Шанина, да и для меня, конечно, Чаянов актуален во все времена.

Шанин глубоко уважал Заславскую за ее честность и принципиальность. Он всегда с громадным сочувствием отзывался об истории с «Новосибирским манифестом». Вместе с тем, как и в случае с Даниловым, этот Дон Кихот и реально, и в своем воображении всячески стремился защитить Заславскую. Он однажды как-то так вслух принялся размышлять над историей «Новосибирского манифеста», которую ему лично рассказывал Аганбегян. Аганбегяна и Заславскую долго, грубо и одновременно иезуитски изощренно прорабатывали на заседании Новосибирского обкома. Их все ругали и ругали, «толстокожий» Аганбегян сидел молчаливо угрюмый и лишь иногда тихо повторял Заславской: «Таня, ничего им вообще не отвечай», а Заславская на том заседании плакала. «Вот что тут будешь делать! — Восклицал Теодор. — Если Татьяну Ивановну обидеть, что произойдет?! Она расплачется! А я в таком случае сожму кулаки и буду со всеми ними драться!»

Мне кажется, что в пересказе этой истории Шанин преувеличил женскую слабость Заславской, воображая себя ее защитником. Может, Заславская по-женски и плакала, а все же при всем при том она была, безусловно, очень сильная и мужественная женщина.

А сам Теодор, между прочим, это был такой «слезомой»! На семинарах, да и в личностных разговорах, когда речь заходила о каких-то событиях, на кону которых стояли испытания человеческой чести и достоинства, часто Шанин не выдерживал и на его глазах выступали слезы ярости или умиления, и голос его дрожал. Теодор знал эту свою «эмоциональную слабость» и не стыдился своих слез. Как-то он рассказал мне именно в связи с эффектом слез, что в начале 1960-х, совсем недавно оказавшись в Англии, пошел в кинотеатр на просмотр знаменитого советского фильма «Летят журавли». По окончании фильма Теодор вышел из кинозала весь зареванный. К тому же он восторженно полагал, что в стране, создавшей такое кино, все будет непременно меняться в лучшую сторону. Среди толпы, вышедшей из зала, один молодой англичанин попенял Теодору, что мужчинам не пристало плакать. Теодор в ответ мгновенно вспылел, заорав: «Послушайте, Вы, я на войне убил человека и спас женщину, а чем Вы можете доказать свою мужественность?!» Этот англичанин, да и вся вокруг публика в шоке ступевались.

Б.З. ДОКТОРОВ: Сначала, Саша, одно воспоминание, подтверждающее слова Шанина. Наверное, весной 1990 или 1991 года сотрудники ВЦИОМ, московской части и регионалы, участвовали в выездной сессии в Алма-Ате. В салоне самолета я оказался рядом с Татьяной Ивановной, и мы добрую часть перелета говорили о жизни. Тогда я рассказал ей, что получил небольшой грант для

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

изучения работ по социологии труда в дореволюционной России. Рассказал о многих, даже об отце Нобелевского лауреата по экономике труда Василия Васильевича Леонтьева, тоже Василия Васильевича Леонтьева — Татьяна Ивановна честно призналась, что ничего этого не знала.

Теперь о Теодоре Шанине. Недавно я провел интервью с нашей коллегой, социологом и редактором журнала «Мир России» Светланой Барсуковой. Ты, знаешь, она еще и писательница, поэтому по ходу нашей беседы я просил ее обрисовать портреты коллег, оказавших на нее заметное влияние. Среди них был и Теодор Шанин. Она рассказала о значении работ Шанина в выборе ею темы своего докторского исследования и, говоря о его личности, заметила: «Шанин не был мятущимся интеллигентом. Интеллигент боится жестко сформулировать мысль, потому что допускает, что она еще не вполне продумана, поэтому он в вечном терзании и неловкости перед теми, с кем он не согласен, как бы извиняется за свою правоту. А Теодор Шанин был уверен в том, что он говорил. Как и в том, что он не изменит своего мнения. Несогласные делились на дураков и врагов. Я помню, как он однажды рассказал мне, как фашистские овчарки искали евреев. Собаки чуяли страх. И никогда не опознавали Теодора, потому что он их не боялся. Не делал вид, а не боялся. Собак-то не обманешь».

Не мог бы ты прокомментировать эти слова?

А.М. НИКУЛИН: Тут Светлана Барсукова в своих воспоминаниях что-то путает. Во-первых, Теодор, слава богу, никогда не имел дело с фашистскими овчарками. Судьба не стала испытывать его страх фашистскими псами, предусмотрительно отправив Теодора на время войны с нацистской Германией в ссылку в глубь СССР. Хотя судьба неоднократно испытывала бесстрашие Теодора в подростковых драках, в столкновениях с советскими милиционерами и гэбэшниками, а также с польскими, израильскими, английскими и американскими полицейскими, наконец, на Войне за независимость Израиля.

Во-вторых, социолог Барсукова слишком обобщает так называемую извечную робость интеллигентов. Интеллигенты бывают разные, среди них мы обнаруживаем не только неврастенически рефлексирующих недотеп, но и вполне себе ясно думающих и твердо поступающих, при этом одаренных истинно интеллигентской чувствительностью и деликатностью. Именно к такому типу интеллигентов принадлежал Теодор Шанин.

В-третьих, писатель Барсукова изрядно упрощает твердость и бесстрашие Шанина. Теодор Шанин это — опытный социальный работник, психолог, политик, прекрасно осознающий значение, глубину, сложность как коллективных, так и индивидуальных страхов. Как-то в беседе со мной он, задумавшись, произнес: «Знаешь, а ведь у каждого из нас есть свой страх. Именно он

для человека самый опасный. И у меня есть мой собственный страх. И я думаю и помню о нем. Как хорошо сказал Рузвельт в обращении к американской нации в день японского нападения на Перл-Харбор: не стоит ничего бояться, кроме собственного страха!»

Б.З. ДОКТОРОВ: Я процитировал слова Светланы, так как усмотрел в них нечто, указывающее на авторитарность Шанина. Так ли это? Присутствовала ли она в его характере и деятельности? Что это за классификация Теодором не согласных с ним на дураков и врагов?

А.М. НИКУЛИН: Честно говоря, такую прямолинейную классификацию несогласных на дураков и врагов я от Теодора никогда не слышал, хотя он и признавал, конечно, что в мире существуют и дураки, и враги. Более того, я бывал свидетелем споров различных людей, несогласных с Теодором (да я и сам неоднократно с Теодором спорил и в наших личных беседах, и в присутствии окружающих). Теодор умел прислушиваться к чужому мнению, уважать его. Он мог корректировать свою точку зрения, если его действительно внятно и аргументированно могли убедить в своей правоте полемизировавшие с ним люди.

Как-то я рассказал Теодору об увлечении моего сына-подростка древнеримской историей, как он проигрывает в своем воображении военные и политические битвы знаменитых римлян — Цезаря, Красса, Помпея и других. Теодор заинтересованно переспросил меня: «В этих его воображаемых разборах военных и политических конфликтов твой сын умеет становиться на сторону разных противников?» Потом добавил: «Это важно и необходимо уметь понимать логику и чувства противоположной стороны, вживаться в ее ценности». Другой пример: на одном из самых первых семинаров Интерцентра кто-то в связи с каким-то грубо эпатирующим выступлением, как бы сейчас сказали, неполиткорректным событием, — книгой в России начала 1990-х (не помню уже, что же это такое конкретно было), кто-то из участников семинара сказал, что такое вообще запрещать надо... И Теодор возразил против подобных запретов следующим образом: «Коллеги, поверьте, я думаю, что среди здесь присутствующих никто так не пострадал от фашизма и никто его так глубоко ненавидит, как я. Но уверяю вас, я откажусь работать и преподавать в том университете, который из соображений политкорректности исключит из своей библиотеки книгу «Майн Кампф» Адольфа Гитлера».

При этом, конечно, Теодор часто в спорах мог быть и тем самым несогласным, в духе названия книги Архангельского, оставаясь при своей точке зрения.

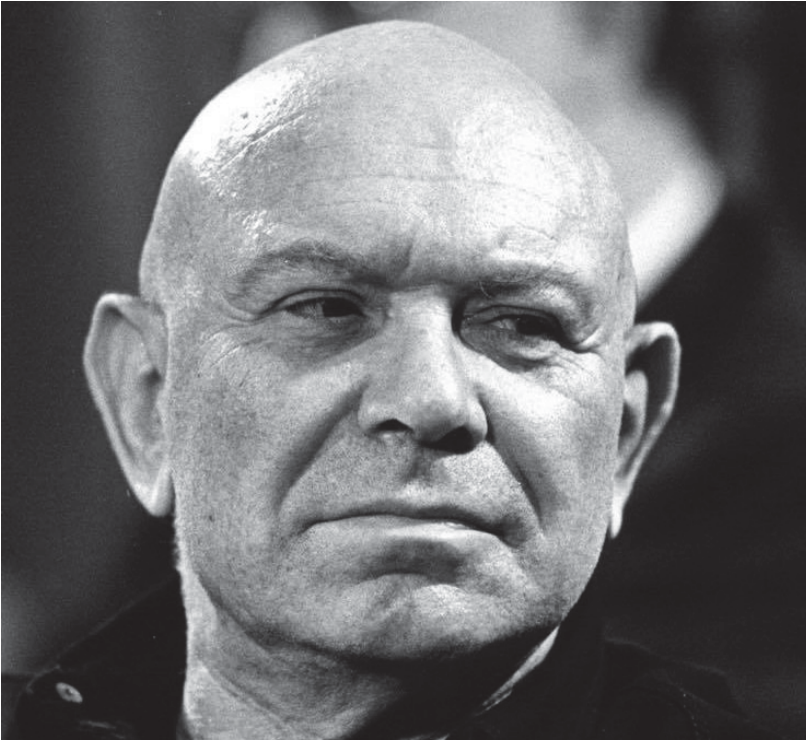
Как-то только начинавший свою карьеру самостоятельного социолога Дмитрий Рогозин году кажется в 2004-м, на семинаре Интерцентра докладывал о результатах своего исследования поведе-

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия*

ния и мировоззрения лидеров различных российских молодежных организаций. Он опросил по телефону ряд таких организаций и их молодых лидеров, придя к обобщающему выводу, что со времен советских комсомольских организаций ничего в мировоззрении молодежных лидеров не изменилось. Они представляют собой пустых, самовлюбленных карьеристов, отвечающих и думающих прагматическими штампами текущего политического момента. На этом семинаре присутствовал Шанин, и по нему было видно, что рогозинская презентация вызвала в нем недоумение. Шанин уточнил у Рогозина: «Из Вашего исследования следует, что все молодежные лидеры как правых, так и левых направлений, как теперь, так и раньше, представляют собой вот такой обобщенный социальный тип, который Вы нам описали?» Рогозин ответил утвердительно. «Но так не бывает, и я с этим не согласен, — решительно возразил Теодор, — я по своему обширному молодежному опыту, по крайней мере, левых движений могу заявить, что знал достаточно и думающих, и принципиальных лидеров, отстаивавших дорогие им ценности».

Теперь поговорим об авторитаризме и Теодоре. По моим личным наблюдениям, есть люди, которым чрезвычайно нравится быть авторитарными. Для них авторитаризм — командовать, резко вплоть до ругани критиковать, запугивать, давить — есть их природное естество. Конечно, Теодор таким не был, ему в этом смысле, безусловно, претило быть авторитарным. Теодор был действительно демократичным и толерантным человеком и руководителем. Но! Если в этом была необходимость, если другого выхода не было, тогда Теодор мог и умел быть авторитарным! Вернувшись как-то из кубанского полевого исследования, я пересказал Теодору сентенцию одного вот уж действительно достаточно авторитарного кубанского председателя колхоза, который, трансформируя коллективное хозяйство в рыночный холдинг, так объяснял принципы своего руководства: «У нас ведь сейчас рыночная экономика, мы тут все всем объясняем по-хорошему, а если до кого-то это не доходит, то я ведь на такого могу и наорать, как это у нас было принято в райкоме партии!» Теодор в ответ понимающе ухмыльнулся. Давайте не забывать, что родом Теодор из авторитарно-тоталитарного детства и отрочества Восточной Европы и Средней Азии. В юности он был активным участником международного подпольного движения, а неавторитарных подпольщиков в этом мире не бывает.

У нас в первое десятилетие существования МВШСЭН перед административным отделом висел стенд с портретами всех сотрудников Московской школы. Фотографии на этом стенде были цветные, а лица в основном доброжелательно улыбающиеся. Лишь фотография ректора МВШСЭН Теодора Шанина была черно-белой, а лицо Шанина на этой фотографии — суровым и властным. Вот эта фотография. Теодор сам ее выбрал для стенда:

В этой связи не могу не пересказать пару иронических комментариев по поводу данного фотопортрета, услышанных мною в беседе с такими замечательными добродушными остроусловами, как профессора Джим Скотт и Геннадий Батыгин. Знаменитый Джим Скотт (вот это я должен сказать — настоящий американский интеллигент-демократ), посетивший МВШСЭН в 2003 году, остановившись перед стендом Школы, обратил свое внимание на фото Теодора и воскликнул со смехом: «Чего это тут наш Тедди выглядит как диктатор?!»

А первый декан социологического факультета МВШСЭН, профессор Геннадий Семенович Батыгин, как-то остановившись перед этим Теодоровым портретом, указал мне на него и сказал с лукаво смиренным вздохом: «Знаете, Александр Михайлович, когда я вижу такое выражение лица, мне хочется взяться за работу над эссе под названием “Взгляд вождя”!» Теодору было присуще чувство юмора, думаю, что он бы сам в ответ рассмеялся, услышав шутки коллег Скотта и Батыгина про свой портрет. Но, повторяю, в интересах дела Теодор мог действительно проявить свои авторитарные навыки политика и организатора, приобретенные и натренированные еще в годы юности.

Б.З. ДОКТОРОВ: Понимаю, что тема непростая, но как от нее уйти в нашем разговоре? Не мог бы ты кратко охарактеризовать

взгляды Теодора Шанина на теоретические и политические концепции народников и лидеров большевистской революции? В частности, если я не ошибаюсь, вопрос о праве на землю в России до сих пор не решен.

А.М. НИКУЛИН: Это одна из центральных тем в творчестве Теодора, которой он посвятил много своих книг и статей. Действительно, тут волей-неволей придется отвечать кратко, а за подробностями обращайтесь к самим Теодоровым сочинениям. Шанин вообще высоко ценил российско-освободительную революционную традицию и в особенности народническо-эсеровское направление. Он с глубокой симпатией относился к народовольцам, и не только в целом за их мужественное поведение, но прежде всего за ряд потрясающих долговременных политических прогнозов, которые оставили перед своей смертью эти такие молодые, но весьма проныцательные люди. Он высоко ценил аналитические материалы переписки Веры Засулич с Карлом Марксом. Во многом на переосмыслении этих материалов базировалась коллективная монография Шанина и его иностранных коллег «Поздний Маркс и русский путь»¹⁶. Шанин, впрочем, как и многие исследователи прошлого и нынешнего времени, считал, что именно партия эсеров внесла решающий вклад в революционную борьбу с царским самодержавием. Причины неудач эсеров начиная с 1917-го и в последующие годы Шанин видел прежде всего в субъективном факторе. По его мнению, среди эсеров было достаточно талантливых и героических революционеров, но в решающий момент среди них не оказалось такого стратега с железной организационной хваткой, каким был Ленин у большевиков. Шанин полагал, что таким эсеровским Лениным у эсеров мог бы стать Гершуни, но он умер еще в 1908 году.

Для Шанина было очевидно, что знаменитый ленинский «Декрет о земле» фактически был эсеровским манифестом, который большевики, не смущаясь, выхватили из рук своих растерявшихся политических оппонентов, обнаружив его от имени своей партии, захватившей власть.

Что касается социал-демократов, то Шанин полагал, что им слишком долго был присущ дух догматического марксизма, мешавший социал-демократической партии объективно оценивать положение дел в России. Шанин весьма скептически и критически относился к Г.В. Плеханову, именно как к влиятельному ортодоксальному марксисту, много потрудившемуся на ниве вульгаризации марксизма в России. Помню, как Шанин насмешливо отозвался о Плеханове: «Вот сколько он в своих сочинениях призывал к марксистскому эмпирическому изучению действительности, а ведь сам никогда эмпирическими исследованиями не занимался (в отличие от Маркса и Ленина), а все предпочитал что-то пописывать в обла-

16. Late Marx and the Russian Road (1983): Marx and the 'Peripheries of Capitalism' / Ed. by T. Shanin. New York: Monthly Review Press.

сти социальной философии исторического материализма». Шанин, на мой взгляд, достаточно критично и объективно проанализировал эволюцию Ленина как аграрника в своей программной статье «Четыре с половиной аграрных программы Ленина»¹⁷. В этом исследовании Шанин показал, как молодой Ленин-ортодокс с возрастом переосмысливает роль и значение крестьянства в революции и обществе, и фактически становится под конец своей жизни во времена НЭПа Лениным-«ревизионистом», достаточно конструктивно оценивая значение роли крестьянства как в Революции, так и в перспективах дальнейшего развития Советской России. Шанин любил подчеркивать, что в стопке последних книг, которые читал Ленин, находилась и монография Чаянова «Теория сельскохозяйственной кооперации». В перспективе, предполагал Шанин, если бы Ленин прожил дольше, он, возможно бы, развил в аграрной политике курс, который проложил Чаянов в аграрной науке.

Что касается остальных большевистских лидеров, то Шанин высоко оценивал именно организаторско-идейные таланты Троцкого в годы Революции, отмечая, что именно Ленин и Троцкий явились главными и выдающимися вождями победы большевиков. Шанин с симпатией относился к Бухарину, но признавал, что в аппаратной борьбе тот оказался менее искусственным и потому проиграл Сталину. Вообще, Шанин, как и Данилов, считал, что победа сталинизма не была predetermined объективной логикой Русской революции, как это утверждают многие современные исследователи. И Шанин, и Данилов были сторонниками альтернативных путей в истории, полагая, что в конце 1920-х годов в большевистской политике противоборствовало несколько альтернатив, среди которых так называемый бухаринско-рыковский правый курс был наиболее подходящим и оптимальным для социального, экономического и политического развития России. Поражение правых не было фатально predetermined объективным развитием производительных сил или социальными структурами, внешнеполитической обстановкой 1920-х и так далее. Поражение правых явилось результатом их конкретных неудачных политических решений, недооценивших силу коварного аппаратного гения Сталина.

Шанин рассказывал мне, что со временем его отношение к Сталину менялось. В 1956 году, после хрущевского доклада на XX съезде партии, левые в Израиле, впрочем, как и левые по всему миру, оказались в шоке. Шанин вспоминал, как вокруг него в Израиле соратники по левому движению были буквально парализованы растерянностью и эмоциями. Но лично для Шанина этот доклад не оказался такой уж неожиданностью, ведь он еще ребенком сам пожил в России, являясь одним из репрессированных среди многих репрессированных, ощущая на себе все прелести повседневно-

17. *Шанин Т.* (2004). Четыре с половиной аграрных программы Ленина // Отечественные записки. № 1. С. 188–214.

го сталинизма. Шанин тем не менее для себя тогда после 1956-го таким образом объяснял поведение Сталина: да, он был чрезвычайно жесток, совершал крупные ошибки, тем не менее у него была своя логика защиты и развития революции и социализма, которую Сталин, в конце концов, воплотил в жизнь. Но идет время, вскрывались и вскрываются все новые и новые преступления Сталина и сталинизма. Я полагаю, что эпоха перестройки стала для Шанина временем окончательной внутренней переоценки феномена Сталина. Мне приходилось неоднократно обсуждать с Шаниным историю СССР времен сталинизма и значения в нем самого Сталина. Шанин с горечью и гневом признавал, что Иосиф Виссарионович, в конце концов и прежде всего, это уголовник-упырь, своими преступлениями основательно дискредитировавший идею социализма¹⁸. Шанин также называл Сталина «великим крестьяноборцем», сумевшим коллективизацией сломать силу и волю самостоятельно-го крестьянства, подчинив крестьян своей власти.

Вместе с тем Шанин никогда не отрекался от своих левых идеалов. Преодоление социального неравенства, возможность равноправного экономического и культурного развития всех людей и обществ, создание принципиально нового гуманного общества — для Шанина всегда оставались главными экзистенциальными целями.

Возвращаясь к личностям эпохи Русской революции, вновь могу отметить, что Шанин чрезвычайно высоко ценил Александра Чаянова, не только как аграрника социолога и экономиста, но прежде всего как социального философа и футуролога, интеллектуальное наследие которого остается чрезвычайно актуальным для нашего времени.

Б.З. ДОКТОРОВ: Из того, что я читал у Шанина и слышал в интервью с ним, сложилось представление, очень близкое к тому, что ты описал. Объяснение только одно — Теодор очень глубоко знал историю России, а она во многом является крестьянской, и был последователен в изложении своих взглядов. Похоже, они — в годы его жизни и работы в России — были интеллектуальной базой его независимости и, возможно, иногда причиной резкости его суждений. Наверно, он был рад общению с В.П. Даниловым, с которым они во многом были единомышленны. Приходилось ли тебе обсуждать с Шаниным его отношение к русским писателям, очеркистам, рассказывавшим о деревне, крестьянах. Эта тема была одной из центральных в русской классической литературе. Да и все многоликое направление в советской литературе, его представители (скажем, Федор Абрамов, Василий

18. Более подробно об отношении Шанина к эпохе сталинизма и проблемам этики в политике можно узнать из: *Шанин Т., Никулин А.М., Пугачева М.Г.* (2020). «В центре всего должен быть вопрос этики...»: интервью с Теодором Шаниным // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 345–362. <https://sociologica.hse.ru/2020-19-1/354087775.html>

Белов, Валентин Распутин, Александр Яшин, Валентин Овечкин...) обозначались термином «деревенщики». И как не вспомнить и художников-«передвижников»?

А.М. НИКУЛИН: Ответ на этот вопрос, пожалуй, начну с общих характеристик литературных предпочтений Теодора. Он, конечно, знал мировую классику, но Теодор, как мне кажется, не был большим поклонником глубоко психологических и высокохудожественных произведений — скажем так, Кафка, Пруст, Джойс, а также Толстой, Достоевский, Гончаров не входили в круг его любимых писателей. Теодор предпочитал более увлекательную динамику исторических, приключенческих, детективных, фантастических и утопических романов. Из запомнившихся мне его личных предпочтений в этих жанрах были, например, «Генрих IV» Генриха Манна, морские приключения Джозефа Конрада, детективы Агаты Кристи (по ним Теодор в свое время учил английский язык), утопии Стругацких, Урсулы Ле Гуин и других.

В целом он не был большим поклонником литературы русско-го реализма, корни которого определяли в значительной степени «прозу деревенщиков». Из наших бесед я убедился, что Шанин знал некоторые произведения Абрамова, Белова, Распутина, Шукшина, но не уверен, что он знал произведения и имена многих других «деревенщиков». В оценке литературы «деревенщиков» для него был важен принцип объективности. Как-то он мне приводил примеры из некоторых рассказов Федора Абрамова, которые ему нравились хорошо подмеченными переменами в поведении советской деревни 1960–1970-х годов. В своей крестьяноведческой хрестоматии «Великий незнакомец» Шанин опубликовал отрывок из «Лада» Василия Белова. Шанин беловский «Лад» оценивал достаточно высоко за его системное изложение (модель) идеального образа жизни крестьянства. Вместе с тем Шанину претила консервативная идеализация крестьянства. Как-то на одном из «длинных столов» крестьяноведов он подчеркнул: мы не найдем каких-то конечных, абсолютно правильных истин ни в одном социальном слое. «Некоторые думали и думают, — пояснял Шанин, что где-то там, в глубинах народной жизни, есть особые крестьяне, которые обладают заветной тайной смысла жизни и могут нам объяснить, как правильно жить на этом свете. Но нет таких людей и нет таких крестьян». Да, и еще Шанин очень любил поэзию Есенина.

Что касается живописи, тут Теодор по своим предпочтениям, на мой взгляд, был в большей степени, чем в литературе, психологический авангардист. Мне кажется, Ван Гог и Эдвард Мунк были его самыми любимыми художниками. Я не помню, чтобы мы с ним разговаривали о передвижниках. Могу предположить, что он уважал передвижников за их гражданскую позицию, но с точки зрения именно живописных достоинств наверняка передвижники могли быть скучноватыми художниками для Теодора.

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

Из наших разговоров о русских художниках запомнилось только, что он с сочувственным любопытством упоминал живопись Василия Верещагина за ее колоритные психологические батальные сцены. Возможно, верещагинские картины азиатских полей сражений пробуждали в Теодоре впечатления его собственных детства и юности.

Б.З. ДОКТОРОВ: О жизни и личности Теодора Шанина мы могли бы еще долго говорить, уверен, многие его ученики и коллеги тоже будут пытаться понять «феномен Теодора». Чужестранец, с не лучшей детской памятью о жизни в Советском Союзе, смог не просто погрузиться в историю России, но полюбить эту страну, поверить в нее и понять. Не полюбил бы, не приехал бы Москву в сложное перестроечное время, не взвалил бы на себя тяжеленный груз, который только он — боец и борец — мог осилить.

Однако есть еще одна тема, по которой мне хотелось бы узнать твое мнение: «Что сегодня собою представляет российское крестьянство? Какая это часть населения России, где в основном оно проживает, чем занимается, какие экономические, продовольственные проблемы решает и что в наибольшей степени затрудняет его жизнь?»

А.М. НИКУЛИН: Я на этот вопрос постараюсь ответить, используя как раз исследовательские подходы Теодора Шанина, который дал одно из классических определений крестьянства, включающее в себя четыре аналитических характеристики: семейное хозяйство, хозяйствование на земле среди природы, локальная деревенская культура, подчиненное положение крестьян в система социального господства¹⁹. Если мы попробуем применить эти четыре характеристики к современным сельским жителям России, то что мы получим?

Первое: да, подавляющее число сельских жителей России ведут собственное домашнее хозяйство, но для большинства из них оно не является экономической основой их существования, как это было характерно для крестьян. Крестьянское домашнее хозяйство, начиная с колхозных времен и далее, трансформировалось у нас в основном в ЛПХ — личное подсобное хозяйство, являющееся часто очень важным элементом сельского домохозяйства, но отнюдь не базовым, все определяющим, как это было у крестьян. Далее: домашнее хозяйство традиционной крестьянской семьи в значительной степени зависит от большого количества рабочих рук. Крепкая, дружная, работающая крестьянская семья — это в былые времена, как правило, семья большая. Но демографический переход второй половины XX века почти сnivelировал размер семей и в городе, и на селе, а главное, значительно уменьшил количество детей

---

19. Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс. С. 11.

в современной сельской семье по сравнению с эпохой традиционного аграрного общества.

Итак, мы видим, что этот фундамент крестьянской экономики — крепкое достаточно автономное домашнее хозяйство — в значительной степени ослаблен, качественно и количественно уменьшившись в своих размерах.

Далее, труд на земле среди природы — кажется, эта крестьянская характеристика по-прежнему должна быть присуща современным сельским жителям. Но и она оказывается в значительной степени ослабленной и трансформированной, так как сначала советское коллективное, а затем и нынешнее частное природопользование, наконец, бурный технический прогресс последних десятилетий в значительной степени подорвали, ослабили знаменитую органическую связь крестьянина с землей и окружающим природным миром. По загрязненности бытовым мусором, пластиковыми пакетами и прочей дрянью сельские населенные пункты имеют те же проблемы, что и города России. Давно осталось в прошлом то экзистенциально трепетное отношение крестьянина к земле, о котором мы с вами читали в великих произведениях русской классической и народнической литературы. Теперь в наших социологических беседах о земле с сельскими жителями можно часто услышать ворчливо усталое: «А кому такая земля нужна? Что ты на ней будешь делать, когда у тебя нет техники, кредитов, возможности сбыта произведенной продукции? А цены на горючее, удобрения? Да почти все вокруг у нас уже утратили навыки самостоятельного хозяйствования на земле. Вот есть еще некоторые фермеры, пытаются там что-то делать самостоятельно. Но и им так все нелегко дается».

Обратимся теперь к третьей шанинской характеристике крестьянства — культуре локального сообщества — ведь и от нее мало, что осталось в современной сельской России. Поп-культура, лет пятьдесят назад захлеставшая из динамиков аудиосистем, экранов телевизоров, а сейчас тысячекратно усиленная компьютерно-мобильниковым буйством интернета, почти заглушила воспроизводство и развитие локальных сельских культур. Лишь редкие ценители народного творчества да местные краеведческие, а также университетские фольклорные команды упорно стремятся к бережному сохранению и развитию образцов крестьянской народной культуры.

Но главное, что здесь оказалось в значительной степени утраченным — это культура локальной самоорганизации. Речь тут идет даже не о крестьянской общине, уже давно разрушенной социально-политическими катаклизмами еще XX века, но о более повседневных локальных практиках солидарности и взаимопомощи сельского населения, также подорванных мерами централизации и стандартизации местного самоуправления, проводимых государством и глобальным бизнесом.

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

И, конечно, фатально подорвал жизненный потенциал культуры локальных сельских сообществ затяжной социально-демографический кризис сельской России, приведший к исходу — массовой миграции, как правило, самых работающих и энергичных сельчан в города, превращению российских сел и деревень в резервации стареющего и спивающегося бедного населения.

Лишь четвертый фактор — маргинальность крестьянства по отношению к городу и государству — по-прежнему неизменно проявляет себя в современных сельско-городских условиях. Интересно, что в первом шанинском сельском социологическом проекте 1990-х годов, когда мы задавали вопрос в колхозах и совхозах о самоидентификации сельских жителей, они нам, как правило, отвечали, что крестьянами себя не считают, поясняя: «Наши предки были крестьянами, знали триста ремесел, были необразованными, жили своим миром вдали от города, а мы сейчас кто механизатор, кто доярка, кто инженер — не, мы не крестьяне». Но уже в XXI веке от современных сельских жителей чаще нам приходится слышать парадоксальное обратное утверждение: «Мы крестьяне! Потому как ни бьемся, а никому не нужны и тоном тут в г...не и в нищете!»

Оговорюсь сразу, я здесь постарался дать по мотивам четырех шанинских характеристик прежде всего обобщенную картину тяжелого и затяжного кризиса сельского крестьянского образа жизни в России последних пятидесяти лет. Но если бы лишь на этом я остановился, то это было бы все-таки неправильно и необъективно. Опять же, используя шанинское стремление к постижению многомерной социальной реальности, поиску альтернатив социального сельского развития, мы можем и должны говорить о возможностях развития достойного сельского образа жизни и, если даже хотите, о потенциале возможного нового окрестьянивания России.

Прежде всего здесь надо отметить, что у нас в постсоветское время все-таки выжил и окреп слой крестьянско-фермерских хозяйств, пусть и весьма немногочисленный для такой огромной страны, как Россия²⁰. У этого слоя есть масса внешних и внутренних социально-экономических проблем. К тому же современные фермеры, конечно, значительно отличаются от традиционных крестьян как в России, так и во всем мире. Тем не менее фермеры — это, безусловно, прямые потомки крестьян — наследники экономики сельского домашнего хозяйства.

Далее измелъченные, сезонные, натуральные сельские домохозяйства (фрагментарно-карликовое «крестьянство») представлены у нас десятками миллионов хозяйств сельских ЛПХ и городских дач. Я уже упоминал об определенной важности самоопределения

20. *Никулина Е.С.* (2019). Каким быть фермерству России? // *Крестьяноведение*. Т. 4. № 4. С. 124–131.

живущих, работающих, отдыхающих в сельской местности людей. Ведь действительно часто приходится слышать на вопрос дачникам или ЛПХашникам, копающимся на своих огородах: «Чем это Вы тут занимаетесь?» — такие частые самоироничные, но горделивые ответы: «Крестьянствуем!»

Наконец, в последние двадцать лет сельская местность становится полем все расширяющихся самых разнообразных инновационных социальных и технических экспериментов сельско-городских домохозяйств в создании новых сельских сообществ (например, экопоселения) и практик (экологически ориентированные домохозяйства), которые стремятся в той или иной степени сконструировать новые современные экологические крестьянские сообщества XXI века. В этих опытах и экспериментах, пусть порой достаточно утопического прожектерства, тем не менее, безусловно, выкристаллизовываются и жизнеспособные практики, возможно, нового крестьянского будущего — экологического, высокопроизводительного, культурного и образованного²¹.

К сожалению, очень слабы или забюрократизированы у нас движения сельской кооперации и местного самоуправления, без которых немислимо устойчивое возрождение российской сельской местности, как наследницы именно крестьянской России. Тем не менее и сейчас у нас есть достаточно квалифицированных и преданных своему делу кооператоров и работников местного самоуправления, способных и готовых при соответствующей государственной политике обеспечить реальный рост сельской самоорганизации, участвующей, возрождающей и утраченные крестьянские общинные традиции²².

Наконец, надо помнить и о регионально-культурном разнообразии российских сельских территорий, когда своеобразное новое окрестьянивание России будет происходить тем успешнее, чем более бережно будут сохраняться и развиваться именно различные природные, культурные, национальные особенности сельских регионов.

И пусть сейчас альтернатива нового гуманного и современного окрестьянивания кажется почти невозможной, я себе и коллегам рекомендую всегда помнить замечательный мировоззренческий завет Теодора Шанина: «Невозможного нет — есть только трудное!»

*Б.З. Докторов,
А.М. Никулин*
Теодор Шанин:
крестьяноведение
и Россия

21. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я.* (2020). Привлекательность села: феноменология и векторы роста // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 2. С. 100–107.

22. *Фадеева О.П.* (2020). Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // Континент Сибирь. Новосибирск. С. 396–416.

Boris Z. Doktorov, DSc (Philosophy), Professor, Independent Analyst. 100 Village Lane, Foster City, CA 94404, USA. E-mail: bdoktorov@inbox.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

In this interview, Boris Doktorov, a Russian sociologist living in America, a researcher of intellectual biographies and methods of social sciences in the 20th–21st centuries, together with the Editor-in-Chief of the *Russian Peasant Studies* and Head of the Chayanov Research Center of the Moscow School of Social and Economic Sciences, Alexander Nikulin, talks about the outstanding British sociologist Teodor Shanin, whose scientific legacy is closely related to the development of an interdisciplinary social science — peasant studies, and who conducted a number of fundamental historical-sociological and economic-sociological studies of rural Russia. The interview considers the basic concepts and milestones in the development of peasant studies as a branch of the historical-sociological knowledge in Russia, analyzes Shanin's estimates of various aspects of the Russian social-humanitarian thought as related to the study of the peasantry and to the recommendations on alternatives for the development and transformation of peasant worlds, which were suggested by agrarian populists and Marxists, G.V. Plekhanov and V.I. Lenin, A.V. Chayanov and I.V. Stalin. The interview considers the impact of literature and art on descriptions and explanations of the role of the peasantry through the intellectual interests of Teodor Shanin; focuses on his joint activities with his closest colleagues in the study of rural Russia — the outstanding agrarian scientists V.P. Danilov and T.I. Zaslavskaya. Throughout the interview, Shanin's worldview and moral-ethical principles in the search for humanistic alternatives for the Russian and global rural development are discussed.

Key words: peasantry, peasant studies, agrarian policy, Teodor Shanin, V.P. Danilov, T.I. Zaslavskaya, village writers, rural Russia

Повседневность российского села¹

Великий П.П. Повседневность российского села в начале XXI века. Саратов: Саратовский источник, 2020. — 307 с. ISBN: 978-5-6044120-7-7.

А.А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-173-177

К началу нового столетия российское село коренным образом изменилось по сравнению с позднесоветской колхозно-совхозной деревней, которая стала точкой отсчета для развития новой российской сельской социальной реальности. Вряд ли кто-то будет спорить, что село поменялось экономически, поскольку изменились ключевые, фундаментальные параметры экономической деятельности не только на селе, но и в стране в целом. Безусловно, следы советского наследия еще заметны в сельской жизни, ведь в истории редко что исчезает без следа за столь короткое время. Тем не менее с точки зрения политико-экономических категорий российское село поменялось радикально. В общих, абстрактных терминах эти изменения можно охарактеризовать как становление аграрного капитализма.

А как изменилась жизнь на селе? Что собой представляет сельская повседневность? Собственно, зарисовкам на эту тему и посвящена монография П. Великого. Автор дает в основном негативную оценку происходящему. Мы, в свою очередь, воздержимся от каких-либо оценочных суждений и остановимся на том знании и информации, которые предлагает читателю эта книга, основанная на первичных данных, собранных автором и его коллегами за годы полевых исследований (наблюдения, интервью, массовые опросы). По сути, это подведение промежуточных итогов наблюдений за по-

---

1. Публикация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. «Неформальная» экономика сельских домохозяйств: возможности и ограничения хозяйственных практик в повышении потенциала и общей привлекательности сельских территорий.

стрейформенной российской деревней и обновление ранее опубликованной обобщающей монографии² за счет добавления глав, основанных на позднейших публикациях автора.

Прежде всего автор определяет понятие «повседневность». Он сопрягает его с понятием «жизненный мир» и материальными условиями существования человека. По сути, это структуралистский взгляд на социальную реальность, где положение человека в социальной структуре определяет его поведение, мышление, оценки, установки, смыслы. Центральной же категорией положения в социальной структуре выступают «каналы поступления ресурсов выживания и благополучия» (с. 31). Иными словами, это то, за счет чего человек добывает себе средства к существованию. Это отчасти отражено и в структуре книги, где отдельно показаны разные акторы современной российской деревни: наемные работники сельскохозяйственных предприятий, отходники, фермеры, охотники, пчеловоды, мигранты. Деревня представлена в виде калейдоскопа, в котором автор отдельно рассмотрел важные, с его точки зрения, части, каждая из которых обладает неповторимыми особенностями. Эти особенности выражаются в разной повседневности, в которой живут эти люди, разнообразных жизненных мирах, смыслах, оценках и устремлениях.

В постсоветское время существенно изменились природные факторы воспроизводства повседневной жизни села. Эти изменения затронули всех без исключения сельских жителей. Прежде всего это появление частной собственности и ее усиленной охраны от посторонних людей, в т. ч. работников сельскохозяйственных предприятий. Если в колхозно-совхозном плановом хозяйстве «все вокруг колхозное, все вокруг мое», то теперь ограничения по использованию природного пространства резко выросли. Автор также сетует на то, что ориентация на прибыль приводит к хищническому использованию природы. Частная собственность способствует отчуждению значительного числа сельских жителей от природных ресурсов. Возникает конкуренция за землю для сельскохозяйственного производства или за изменение статуса сельскохозяйственных земель под строительство. В качестве отдельной проблемы автор выделяет напряженность, вызываемую этнической миграцией в сельскую местность из плотно заселенных районов Северного Кавказа и Средней Азии. Помимо культурных различий роль здесь играет и характер ведения сельскохозяйственного производства (например, полеводство местных жителей и животноводство мигрантов).

Отдельная глава книги посвящена охоте и охотникам, как городским, так и сельским. Не секрет, что на многих обедневших сельских территориях сбор дикоросов, охота и рыбалка — важная часть

---

2. *Великий П.П.* (2012). Российское село. Процессы постсоветской трансформации / Под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Научная книга.

экономики домохозяйств. Сама же охота стала более хищнической, не в последнюю очередь благодаря возросшей конкуренции и технической оснащенности охотников. Автор замечает, что «вся масса простых охотников сосредоточилась на небольшой площади, что создало нагрузку, в десятки раз превышающую пределы самовоспроизводства дичи» (с. 70). «В результате устранения первичных обществ охотников как субъектов самоорганизации, присущей гражданскому обществу, с одной стороны, исчезло поле формирования (отбора достойных кандидатов, воспитания) культуры охоты, с другой, появился свободный коридор прохода в охотники любых лиц, обладающих охотничьим оружием», — резюмирует автор (с. 72).

Помимо природных изменялись и социокультурные факторы воспроизводства жизни села. Действительно, в XX веке российское село прошло через ряд радикальных изменений, технологических и институциональных, которые влияли и на смысловую картину сельских жителей. Однако автор отмечает нечто общее во всех этих периодах, а именно то, что он называет «подручностью места», под которым понимает доступность и удобство «размещения благ, которые имеются рядом, до которых «рукой подать» (лес, река или озеро, где есть дары природы, недалеко от дома школа, больница, место работы), и территориально-удаленные, но доступные» (с. 96).

По мнению автора, для традиционного дореволюционного и колхозно-совхозного и постсоветского крестьянства «центром выживания и благополучия на селе всегда являлось семейное хозяйство, хорошо обустроенное подворье» (с. 87). Поэтому автор критикует понятие «личное подсобное хозяйство», поскольку оно никогда не было подсобным, а, напротив, центральным элементом. Наемный труд никогда не был главным источником существования на селе, а скорее выступал как один из элементов семейного подворья. Именно семейное хозяйство является центром того, что автор называет структурой повседневной озабоченности, т. е. набором дел и проблем, которые человек решает изо дня в день. Поэтому «подручность места» является важным ресурсом для решения проблем в структуре повседневной озабоченности. Климат, природные ресурсы, инфраструктура, расстояния — вот некоторые элементы «подручности» поселения, которые перечисляет автор. «Внутрипоселенческая подручность также либо увеличивает, либо уменьшает озабоченность: расстояние до водозабора, школы, магазина, автобусной остановки, рельеф местности — все это корректирует повседневность всей семьи, каждого ее члена» (с. 89). Если это учитывать, то оценки социально-экономического благополучия с точки зрения формально-экономических показателей и самих сельских жителей могут не совпадать.

Само сельское сообщество, по мнению автора, в постсоветское время становится более раздробленным, теряются традиционные элементы солидарности. Отходничество, мигранты, распад больших трудовых коллективов разрушают цельность сельских сооб-

ществ. Автор призывает найти новые подходы к классификации сельских сообществ, т. к. считает, что такие традиционные признаки, как число жителей и удаленность от крупных городов, больше не определяют сельскую повседневность. П. Великий предлагает два критерия, на основании которых можно судить об устойчивости и потенциале сельского сообщества: функциональный (наличие и успешность хозяйственных организаций) и антропологический (доля молодого трудоспособного населения).

При анализе смыслов жизненного мира сельских жителей автор рассматривает прежде всего ориентацию сельских жителей оставаться в деревне или переезжать в город. Разумеется, были получены две полярные группы сельчан (те, кто хочет уехать, и те, кто хочет остаться), плюс промежуточная группа (компромиссная по терминологии автора), которая сочетает в своей жизни город и деревню (например, это те, кто живет в деревне, а работает в городе).

Отдельная глава посвящена сельской культуре. Помимо оскудения культурно-массовых мероприятий (закрытие кинозалов, упадка сельских клубов), произошли изменения и в общении сельских жителей друг с другом. Круги общения раздробились, так как исчезли большие трудовые коллективы, характерные для колхозов и совхозов. Обособились как безработные, так и, напротив, зажиточные сельские группы, отходники, фермеры. Упала роль сельской интеллигенции. С другой стороны, сглаживающую роль играет доступ к цифровым средствам коммуникации.

Что касается аграрной политики государства, то автор выделяет три фазы адаптации сельского населения к постсоветским реформам: ожидание, крах иллюзий и полагание на собственные силы и свое подворье. Данная периодизация вполне соответствует оценкам многих авторов в литературе по теме. Другое дело, что данные, на которых автор строит эти выводы, заканчиваются 2002 годом, так что эта глава книги носит историко-ретроспективный характер.

Социально-экономические изменения породили группу, которую автор называет «нетипичные крестьяне», т. е. те, кто вовлечен в редкие виды трудовой занятости (пчеловоды, заводчики редких животных, ремесленники художественных промыслов). Безусловно, все это было и в советское время, но теперь они существуют в совершенно иной социальной среде. Автор склонен говорить об этих людях как об особой социальной группе, которой присущи некоторые специфические черты, которые, собственно, и определяют их как группу. «Занятые в редких видах хозяйствования имеют иное соотношение в: исполнительных и организационных функциях; многообразии функций; степени самоорганизации в достижении целей; влиянии образования на результаты труда; социально-ролевых статусах в локальной общности; самооценке» (с. 178).

Другим порождением постсоветских реформ можно считать отходников, или, как характеризует их автор, «лишних людей совре-

менной деревни». При этом, заметим, что, как и занятость, редкими видами деятельности, отходничество исторически присуще российскому селу. Однако, по мнению автора, произошел своеобразный возврат к дореволюционным практикам. Группой с нетипичной сельской мобильностью автор называет пчеловодов и посвятил им отдельную главу книги, где представил их классификацию: «деятельностно-созерцательный, деятельностно-практический, инновационно-практический и рутинно-созерцательный» типы (с. 202).

В другой главе, на основе проведенных интервью с сельскими жителями одного села автор прослеживает динамику их повседневных забот и проблем, начиная с конца эпохи перестройки. Отдельная глава посвящена фактору этничности на селе.

Наконец, целый раздел книги занимает анализ ЛПХ (на данных анкетных опросов), особенно товарных, являющихся, по сути, фермерскими, только официально не зарегистрированными. Таких ЛПХ не много, но они производят основную долю продукции сельских подворий. Автор отмечает, что такие ЛПХ появляются и существуют относительно автономно, не получают поддержку от государства, не состоят в кооперативах, не спешат получать фермерский статус. Они занимают на рынке нишу производителей экологически чистой продукции.

Итак, книга П. Великого представляет собой калейдоскоп сельских жителей, которые в совокупности составляют сельскую повседневность, чем она и интересна будет читателю.

Daily routine of the Russian village

Book Review: Veliky P.P. (2020). *Everyday Life of the Russian Village in the Early 21st Century*. Saratov: Saratovsky istochnik, — 307 p. ISBN 978-5-6044120-7-7.

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: chto-delat@yandex.ru

«Коммуне не быть покоренной»

Wesson R.G. Soviet Communes. New York: H. Wolff, 1963. — 275 p.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-178-186

Уважаемый читатель, конечно, знает, где я позаимствовал хлесткую строчку для названия этой рецензии: «Левый марш» В.В. Маяковского, 1918 год. Очень уж мне понравилось то, что американский советолог Роберт Гейл Уэссон написал о советских сельскохозяйственных коммунах в своей докторской диссертации, опубликованной в 1963 году. В ней начисто отсутствует тот антикоммунистический пафос, что характерен для многих западных советологических публикаций последующих лет и десятилетий. Поэтому и не жалко использовать одну из тех строк, что накрепко засели в голове еще со времен освоения школьной программы по русской литературе. А она тут весьма кстати, потому что помогает объяснить то обстоятельство, что рецензия написана не на только что опубликованное исследование, как это обычно делается, а на книгу, увидевшую свет более полувека назад. В чем же ее актуальность?

Попробуем для начала задать другим вопросом: а о какой коммуне писал тогда великий пролетарский поэт-романтик? Добросовестный поиск ответа неизбежно выведет нас на проблему, актуальность которой в доказательстве не нуждается. Это проблема наличия или отсутствия в обществе такой государственной идеологии, которая была бы близка и понятна огромному большинству его граждан, традиционно и убежденно поддерживалась бы этим большинством, сплачивая население страны в ту дружную общность, которую иногда несколько блекло, но довольно точно именуют политической нацией. Само упоминание о возможности такой идеологии в современной России до самого последнего времени было как бы антиконституционным, пока мы не внесли ряд поправок в свой Основной Закон. Вот вам и привет из далекого 1963-го.

Р. Уэссон уже в первых абзацах введения подчеркивает, насколько лидерам большевистской партии было дорого само слово «коммуна». Когда в ноябре 1917 года Ленин и его товарищи захватили власть, пишет он, их экстремизм казался столь «непрактичным», что «весь мир был уверен: они не смогут долго удерживать власть; потребуются дни или недели, чтобы их свалить, подобно тому, как Парижская коммуна в 1871 году была залита кровью, стоило только сплотиться силам порядка» (р. 3). Отметим про себя, что под «непрактичным экстремизмом» большевиков автор, конечно, в первую очередь подразумевает декреты «О мире» и «О земле». Понятно, что экономические и социальные последствия этих первых шагов большевиков по узаконению своей политики не могли быть ничем иным, кроме того, что нам известно под именем «военного коммунизма». Конспективно отметив все это, включая «беспрецедентную атаку на религию и “буржуазную мораль”», исследователь пишет: «Но вершиной Революции была коммуна, где, по словам официального законодательного акта, “все принадлежит всем”. В ней, как нигде, нашли бы свое воплощение идеалы Революции: жить и вместе работать в братстве и равенстве, владея всем совместно и свободно, без жадности и зависти, как в обществах, о которых мечтали коммунисты-утописты всех времен» (Ibid.).

Само слово «коммуна» пришло в язык образованных русских из французской истории. В частности, в годы Великой Французской революции местные приходы провозглашали себя коммунами, избирали свои органы управления, многие из которых формировали революционные комитеты. На время якобинской диктатуры прежнюю столичную администрацию сменила революционная Коммуна Парижа, прекратившая существование монархии. «На несколько месяцев, — пишет Уэссон, — между этой радикальной структурой и Законодательным собранием установились отношения, чем-то напоминающие отношения между Петросоветом и Временным правительством в 1917 году. Но с падением Робеспьера победа оказалась в руках более консервативных элементов, Коммуна была повержена, а многие из ее деятелей обезглавлены» (р. 4-5). Таким образом, в восприятии людей, знакомых с историей Французской революции, радикализм якобинцев логично увязывается с понятиями «диктатура» и «коммуна».

У известного нашего историка-крестьяноведа А.В. Гордона есть работа, в которой нащупана чрезвычайно интересная связь между тем, что знали и понимали о Французской революции будущие лидеры Русской революции, и тем, как это отразилось на их конкретных политических действиях. Связь эта парадоксальна — по-другому в крестьяноведении не бывает. Известно, какое значение придавал К. Маркс определенной трактовке политических событий во Франции в конце XVIII века для подтверждения своих историософских убеждений. Известно, какое значение придавал В.И. Ленин как лидер русского политического экстремизма так называемо-

му «марксизму» для того, чтобы убедить себя и своих соратников в «научной» обоснованности собственных действий по захвату государственной власти в октябре 1917 года и дальнейшему ее осуществлению. Менее известно, как много надежд возлагали классики французской историографии левого толка на определенную трактовку Русской революции с целью легитимации всемирно-исторического значения Французской¹.

А ведь став во главе государства, Ленин оказался перед лицом жесткой необходимости все время корректировать свой «марксизм» по главному вопросу тогдашней политики, аграрному, сообразуясь с политической реальностью и необходимостью. Двигаться приходилось от представления о «коммунах» как ростках высших форм организации труда в сельском хозяйстве к «строю цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства»². Но это уже совсем другая трактовка содержания революционных событий в нашей стране, в которой какие бы то ни было аналогии с французскими сюжетами практически полностью исчезают.

Следует отдать должное Р. Уэссону: он фактически фиксирует эту сложную и до сих пор отнюдь не бесспорную историческую реальность уже во введении — причем делает это на уровне значений слов, резонно отметив, что уже в первые годы после большевистского переворота революционно-романтическое использование слова «коммуна» исчезает, оно начинает означать «прежде всего группу людей, живущих и ведущих свое хозяйство на основе более или менее обобществленной собственности. Это и есть предмет настоящего исследования. Другое (значение слова “commune”. — В.Б.) — это прежняя “сельская община”. Известная путаница может возникать из-за несовершенства английского языка, в котором одно и то же слово используется для обозначения и *коммуны*, и *общины* — как обычно называлась деревенская крестьянская община» (р. 5-6)³.

Это, конечно, важно. Но дело не только в этом. Исследователь идет дальше в своем лингвистическом анализе. Он под-

1. Гордон А.В. (2012). Революционная традиция в сравнительно-исторической перспективе (Россия — Франция — Россия) // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М. С. 82-108.
2. См. об этом: Шанин Т. (2004). Четыре с половиной аграрных программы В.И. Ленина // Отечественные записки. № 1 (16); см. также: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М. С. 659-693.
3. Американский ученый Р. Редфилд, специально занимавшийся исследованием социально-экономических институтов в крестьянских обществах, аналогичных сельской общине в России, считал необходимым обозначить эту важнейшую и во многом универсальную для таких обществ реальность особым термином: «little community». См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 317-362.

черкивает не только очевидную разницу между традиционными крестьянскими общинами и коммунарами времен Гражданской войны — предельный прагматизм первых и утопический романтизм вторых, — но и нечто такое, что в определенной мере оправдывает использование для обозначения тех и других слова “*commune*”. С одной стороны, это мечта о «равенстве и братстве». Можно было бы добавить: и о справедливости, но, честно говоря, в рецензируемой книге такое слово не упоминается. Вероятно, в силу своей загадочности и все той же невозможности адекватно перевести его на английский язык. Хотя, убежден, это ментальное свойство было в первые годы советской власти одинаково присуще и общинникам, и коммунарам.

С другой стороны, коммунарам первых лет большевистского правления, а уж тем более нэповской поры, никак не откажешь в практичности — той самой, что является едва ли не синонимом традиционной крестьянской общины. В исследовании И.В. Гончаровой и Г.С. Чувардина, посвященном коммунарам Центрального Черноземья, зафиксирована та же тенденция в эволюции этих многочисленных, но очень многообразных структур, о которой пишет и Уэссон: «Прослеживается закономерность: чем выше был статус объединения по социалистической шкале, тем больше была задолженность. Так, наибольшая задолженность была у коммун: она колебалась от 1204 до 16 566 руб., артели были должны от 246 до 710 руб., ТОЗы — от 40 до 3745 руб. на объединение. Усиленная государственная поддержка в обмен на идеологическую вывеску без должного контроля была очень мощным аргументом для отстаивания статуса коммун»⁴.

В этой работе орловских историков приводится целый ряд поразительных примеров в пользу того вывода, что «создание коммун для реализации меркантильных интересов тех, кто оказался ближе к власти, оставалось устойчивой тенденцией на протяжении всего периода нэпа»⁵. Весьма запоминающимся выглядит случай с коммуной «1 мая» Львовского района ЦЧО. Согласно документам последующей государственной проверки, в это объединение вошли в 1928 году «кулацкие хозяйства», которым в этой связи не просто удалось уйти от налогообложения, почти семикратно сократив свои выплаты государству; да еще и за год, накануне поворота к коллективизации, «коммунары» ухитрились превратить в недвижимость 32 661 руб. государственных кредитов. Часто члены коммун не упускали возможность использовать этот свой социальный статус в качестве социального лифта⁶.

4. Гончарова И.В., Чувардин Г.С. (2018). Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация // Крестьяноведение. Т. 3. № 4. С. 110–111.

5. Там же. С. 112.

6. Там же. С. 113, 119.

И все же, на мой взгляд, такой вывод должен для большей объективности рассмотрения проблемы соседствовать с выводом Р. Уэссона: «Коммуны были помощниками партии в деле создания всевозможных центров для осуществления партийной работы среди крестьянства, поддерживая на плаву мечту о социалистическом земледелии на протяжении лет, когда коллективные хозяйства были маленькими островками в море индивидуальных хозяйств. Коммуны были маяками социализма в деревне» (р. 193-194). В оценочных суждениях не стоит допускать резкий перекокс ни в сторону прагматизма на грани цинизма, ни в сторону романтизма, граничащего с мечтой, когда мы размышляем о той исторической реальности, которая стала предметом рецензируемой монографии. Не случайно ее автор, прежде чем приступить собственно к рассмотрению многообразных проявлений того, что по партийной статистике проходило в исследуемый период как «коммуны», рассматривает разные проявления коммунистических идеалов в новейшей истории человечества вообще — вне России. Затем его внимание приковывают такие уже сугубо российские сюжеты, как марксизм и община⁷; влияние народнических представлений об общине, с одной стороны, и марксистских споров о крестьянском социализме, с другой, на становление взглядов Ленина по этому вопросу; теоретические воззрения эсеров, анархистов; религиозные общины до и после октября 1917 года.

С такого вот большого теоретического разбега исследователь приступает к рассмотрению собственно объекта своего научного интереса, стараясь быть максимально объективным. Это не так просто сделать, не впадая в методологические крайности ни научного коммунизма (как тогда официально именовалась светская религия СССР), ни более привычного для англоязычных советологов антикоммунизма. Мне кажется, ему вполне удалось справиться с этой задачей, представив читателю на основе имеющихся в его распоряжении литературы и источников достаточно взвешенный взгляд на проблему. Во всяком случае, такой обстоятельный экскурс в историю идеи коммунизма и в проблему теоретического состояния этой идеологии на рубеже позапрошлого и прошлого веков помогает понять, почему слово «община» не вызывала больших симпатий у Ленина и его соратников — в отличие от «коммуны». Первое ассоциировалось с чем-то таким, что принадлежит отжившему Средневековью и «железной поступи прогресса» обречено на слом; второе было явно как-то связано с образом будущего, и этот образ теоретически вот-вот будет уловлен и запечатлен. Тем более Ленин совсем недавно с увлечением работал над книгой «Государство и революция», в основе которой, как известно, ле-

7. Позже эти вещи будут тщательно рассмотрены в тех работах, которые Т. Шанин включает в свою книгу «Поздний Маркс и русский путь»: *Shanin T. (Ed.) Late Marx and the Russian Road. New York.*

жит статья Маркса «Критика Готской программы» с ее представлениями о социализме и коммунизме как двух последовательных ступенях на пути к посткапиталистическому будущему. А в марте 1918 года большевики переименовали свою партию власти в коммунистическую, придавая этому большое теоретическое и практическое значение. «То обстоятельство, что большевики предпочитали иностранное слово “коммуна”, — пишет автор “Советских коммун”, — является свидетельством их по преимуществу западной ориентации» (р. 6).

Очень интересна попытка Уэссона построить этакую обобщающую, интегральную историко-социологическую модель той социально-экономической структуры, которые в 1918–1933 годах официально именовались коммунами. «От начала и до конца, — пишет он, — коммуны были крайне различны по степени своего коммунизма, по размерам, организации, даже по той политике, что они проводили. Однако можно представить себе историю некой коммуны вообще приблизительно следующим образом. В 1919 году дюжина крестьян-бедняков, которым мало что перепало от раздела поместий, и столько же рабочих, которых голод и безработица гнали из города в деревню, поселяются в том, что осталось от строевой местной помещичьей усадьбы, и провозглашают себя коммуной “Пролетарский путь”. Местный совет ссужает им сто рублей и несколько голов конфискованного скота; и с этим они начинают хозяйствовать, продержавшись до первого урожая на государственное пособие — подобно городским рабочим». Далее исследователь в самых общих чертах обрисовывает те экономические, политические и организационные трудности, которые были характерны для существования подобных коммун до 1923 года. Но по окончании Гражданской войны советское руководство идет на стратегическое отступление; и новая экономическая политика означает для коммунаров вместо жесткой необходимости сдавать все излишки продукции сверх очень скромного прожиточного минимума государству известную предпринимательскую свободу.

Одновременно снижается интерес со стороны государства к коммунарам «Пролетарского пути» как первопроходцам в будущее, тропы в которое становятся все более извилистыми и запутанными. Мораль под ударом. Некоторые заявляют, что вся затея была ошибкой, и возвращаются к индивидуальному хозяйству. Прежние рабочие снова могут получить в городе работу по специальности и уезжают. Помощь со стороны государства становится минимальной. В этой ситуации очень много зависит от двух-трех приличных урожаяев подряд. Быт коммунаров несколько налаживается, и предприятию удается устоять до 1925 года, когда интерес государства к этим структурам вновь оживляется. В 1926 году «Пролетарский путь» получает трактор «Фордзон». С 1927 года в партийно-политической риторике все громче разговоры о коллективных формах сельского хозяйства как о торной дороге в направлении передового социали-

стического общества; и наши гипотетические коммунары, как некогда в 1918–1919 годах, начинают олицетворять авангард советского крестьянства, организованно движущегося в этом направлении под руководством партии. В силу неопытности и административного рвения многих партийцев на местах допускаются перегибы в политике коллективизации, и на рубеже 1929–1930 годов «Пролетарский путь» фактически оказывается в окружении таких же коммун, члены которых еще вчера вели индивидуальное хозяйство: обобществлено практически все. Но в марте 1930 года Сталин осуждает перегибы, проводится политика по их решительному преодолению. И к 1933 году наша умозрительная коммуна с пятнадцатилетним стажем оказывается перед необходимостью жить и действовать в рамках примерно-го устава сельскохозяйственной артели (р. 9–10).

В заключении своей замечательной монографии о советских аграрных коммунах Р. Уэссон пишет о вещах, которые мне лично близки и понятны. Но я не могу сказать, что эти вещи были само собою разумеющимися в советской историографии революционных событий в России. Тем более не являются они таковыми сейчас. Судите сами. «Русская революция, — пишет он, — была скорее взрывом примитивных эмоций, нежели чем-то, связанным с марксизмом или большевиками» (р. 237). Далее он поясняет, что, по Марксу, революционный взрыв должен был иметь своим результатом преобразование общества перезревшего капитализма, в то время как в случае с Россией речь идет о крестьянской стране. Но дело даже не в этом, а в том, что, согласно Уэссону, момент истины в Русской революции наступает на рубеже 1929–1930 годов, когда во главу угла неизбежной политики коллективизации крестьянского хозяйства советское руководство попыталось поставить модель коммуны и столкнулось с непреодолимым препятствием в лице общинного крестьянства. Сталин быстро это понял и эффективно отыграл назад.

«Революция закончилась с отторжением коммуны, — пишет автор. — Экстремизм Первого пятилетнего плана был обуздан. Последовал разворот от революционных идеалов, от фантастических нововведений к следованию традиции, от интернационализма к национализму — и это главное направление политики на протяжении 1930-х годов. ...Сталинизмом оказались отторгнуты не только примитивизм и анархизм сельской коммуны, но также связанные с нею дух восстания и мирового коммунистического движения. ...Сталин предпочел наследовать то, что шло от российского прошлого, нежели исходящее от французского социализма. Он национализировал Революцию, провозгласив независимость ее от мировой революции через свою доктрину “Социализм в одной стране”. Он реабилитировал российскую историю, возводя проклинаемых дотоле царей в ранг почти героев» (р. 242).

Есть в тексте заключения еще одно место, которое я просто не могу оставить без комментария. Р. Уэссон отзывается на дис-

куссию, развернувшуюся в начале 1960-х в советской общественно-политической литературе по поводу порядка перехода СССР от социализма к коммунизму. Отталкиваясь от предмета своего исследования, он задается вопросом: означает ли такой переход превращение колхозов, пусть даже укрупненных, в какое-то подобие аграрных коммун 1920-х? Нет, конечно. Скорее, пишет он, все эти до- и послереволюционные артели и общины «будут переплавлены в рамках общества в нечто такое, что можно будет назвать единой огромной общиной (хотя такое слово теперь не в моде)» (р. 236). Думаю, что именно это и произошло, только не в перспективе от начала 1960-х годов, а в ретроспективе — на протяжении 1930-х.

За подтверждением обращусь к выступлению организатора Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство», заседавшего полвека спустя после выхода в свет «Советских коммун». Подводя итоги состоявшейся дискуссии специалистов в разных областях обществоведения, П.П. Марченя риторически вопрошал: «Да и та же коллективизация, которая столько раз недобрым словом помянута была сегодня за нашим круглым столом — это что, какой-то абсолютно внешний по отношению к русскому крестьянству проект? Или это реализация того, что уже было потенциально заложено в самом крестьянстве? Разве это не — пусть не самый лучший, но все-таки — вариант развития крестьянской общины? И разве у процесса явного “раскрестьянивания” сталинской России, о котором столько сегодня говорили, не было неявной, изнаночной стороны — “окрестьянивания”, при котором вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна превращалась в одну гипертрофированную крестьянскую “коммуну”, “социалистическая экономика” которой резонировала с общинной “моральной экономикой”, а все базовые идеологически “новые” ценности корреспондировали с устоями сельского “мира”? Разве само крестьянство не приносилось в жертву во многом именно во имя воплощения крестьянской утопии?»⁸

Если кто-то из коллег сочтет эти вопросы надуманными и не стоящими внимания, для меня это прозвучит, мягко говоря, неубедительно. А вот то, что в поисках ответов на них нам очень помогут материалы монографии «Советские коммуны» и ряд небанальных умозаключений ее автора Р.Г. Уэссона, у меня сомнений не вызывает.

8. *Марченя П.П.* (2014). Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М. С. 601.

“The commune cannot be conquered”**Wesson R.G. Soviet Communes. New York: H. Wolff, 1963. — 275 p.**

РЕЦЕНЗИИ

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Умный помощник сельскому развитию

Л.А.Овчинцева

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119574, Москва, пр-т Вернадского д. 82, E-mail: lovchintseva@rambler.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-187-191

Развитие в эпоху перемен, а сейчас как раз такое время, предполагает вовлечение всех видов ресурсов для обеспечения устойчивости процесса. Для сельского развития могут быть задействованы ресурсы как материальные, такие как деньги, земля, техника или домашний скот, так и не имеющие материального выражения, а именно личные качества, знания и умения, связи с другими членами общества, способность к адаптации, к творчеству и многое другое¹.

Именно такой ресурс для развития предлагает «Смартека»², проект Агентства стратегических инициатив (АСИ), стартовавший в начале этого года. Слово «смарттека» образовано по аналогии со словом «библиотека». Но если библиотека — это хранилище книг, то «смарттека» (smart — умный (англ.)) задумана в виде собрании лучших практик и идей, а воспользоваться ее возможностями, как и библиотекой, может каждый. Смарттека представляет собой интерактивную интернет-платформу, на которой могут взаимодействовать авторы практик, эксперты, команда АСИ и все интересующиеся уже накопленным опытом решения тех или иных проблем развития.

Желающие могут размещать информацию о практиках, структурированную по определенной форме, эксперты оценивают практики, лучшие размещаются на платформе. Зачем авторам практик делиться своими идеями? Смарттека дает возможность заявить о себе на федеральном и межрегиональном уровне. АСИ и Смарттека — это формы обратной связи и своего рода социально-коммуникационные лифты в рамках существующей ныне системы. Создатели практик могут рассчитывать на то, что им удастся привлечь

1. Механизмы устойчивого сельского развития (2003). Ч. 1. М. С. 19.
2. <https://smarteka.com/>

дополнительные ресурсы для реализации своих проектов. Отобранные экспертами практики могут участвовать в конкурсах, победители получают финансовую поддержку. Если авторы практик заинтересованы в распространении своего опыта, то это вполне подходящий инструмент.

Разработчики Смартеки сгруппировали практики по двенадцати категориям: инновации и технологии, жилье и городская среда, развитие сельских территорий, туризм, экология и природные ресурсы, здоровье и образ жизни, культура, образование, уровень жизни и демография, предпринимательство и экспорт, эффективное управление, инвестиции.

Это деление довольно условное, потому что авторы практик самостоятельно размещают их на платформе и при этом назначают, к какой категории ее отнести. В разделе «развитие сельских территорий» практик пока немного, но зато вполне подходящие для села можно найти в разделах «жилье и городская среда» или «туризм».

Также следует признать, что представленные на платформе «практики» зачастую не содержат в своих описаниях четко сформулированного механизма, позволяющего тиражировать опыт или претендующего на то, чтобы обеспечить гарантированный результат. Но это всегда истории, презентующие некоторую идею, которую внимательный читатель может для себя позаимствовать и развить.

В числе интересных с точки зрения сельского развития практик можно выделить, например, те, что касаются сельского туризма. За последние двадцать лет занятость в сельском хозяйстве сократилась более чем вдвое, поэтому тема альтернативной занятости представляет значительный интерес. Вот пример — мараловая ферма в Саянах. Это не просто крестьянское хозяйство, производящее ценный продукт — панты. Ферма предлагает знакомство с локальной культурой и с фермерством в целом, наблюдение за животными, оздоравливающие процедуры с использованием настоя пантов марала. В результате организации фермы созданы новые рабочие места. Далеко не в каждом регионе живут маралы, однако из описания этой практики можно почерпнуть идеи о фермерском хозяйстве, сочетающем в своей деятельности сельское хозяйство и прием туристов. Ведь горожанам всегда интересно посмотреть на животных в естественных условиях, просто попариться в баньке, поесть натуральной еды. Такой же успешной оказалась и практика турпродукта «Казачье подворье» из Ставропольского края, описание которой тоже можно найти в Смартеке.

Интересный пример для отдаленных сельских территорий с высокой зависимостью жизни населения от природных ресурсов — практика, направленная на снижение браконьерства путем расширения компетенций жителей села, проживающих поблизости от заповедника, обучение новым профессиям, поддержку ма-

лого бизнеса. Благодаря ее внедрению удалось повысить занятость сельчан и сохранить поголовье диких животных.

А вот концепция разработки и продвижения туристического продукта — отдых выходного дня в Ростовской области. Относительно малозатратная практика, главный механизм которой заключается в информировании и организации. Но она вполне позволяет вовлечь в процесс гостевые дома в сельской местности и дать им дополнительные возможности для извлечения дохода.

В разделе «Туризм» можно найти схему организации туристического потока в масштабе целого района — Городецкого района Нижегородской области. В рамках этой практики мы видим системный подход, заключающийся в создании и продвижении бренда сельской территории, поддержку малого бизнеса, развитие мест, привлекательных для туристов, и, как результат, ежегодное увеличение туристического потока в десятки раз. А как известно, каждый турист создает три рабочих места в сельской местности.

Можно найти механизмы отбора сел для построения туристического маршрута, обучения сельских жителей основам приема туристов на примере Республики Бурятия. Эта история, пожалуй, более всего приближается к практике, элементы которой пригодны для тиражирования. А в Республике Тыва при поддержке регионального Министерства экономического развития создан этноковоркинг, участники которого проводят мастер-классы для туристов. Результатом является увеличение туристического потока и рост доходов мастеров народных промыслов.

Интересен опыт расширения туристического потенциала Приморья, использующий специальные туры для блогеров из Китая, аудитория которых охватывает миллионы человек, и для работников туристических фирм, ведь кто, как не они смогут потом привлечь новых туристов, если путешествие им понравится.

Еще одно важное направление — подтягивание инфраструктуры сельских поселений к современным стандартам. В этом отношении заслуживает внимания опыт охвата труднодоступных сельских населенных пунктов спутниковой связью в Республике Алтай. Также интересна практика, названная «цифровизацией села» в Татарстане. Последняя, по сути, ставит сельскую потребкооперацию на цифровую платформу, дополняет ее магазинами без продавца, а также пытается связать сельских товаропроизводителей с потенциальными покупателями. Важный элемент — сельский компьютерно-грамотный консультант, сотрудник проекта, помогающий односельчанам воспользоваться интернет-ресурсами. На платформе Смартеки пока нет информации о том, как развивается проект, однако выглядит он многообещающе.

Практики улучшения традиционных сфер занятости в сельской местности раскрывают механизмы создания сети кооперативов с помощью мер поддержки на региональном уровне в Белгородской области и в Республике Башкортостан.

Кубанские специалисты в области образования представили проект по профессиональной ориентации школьников на агротехнологические специальности. В результате расширился кругозор и активность подростков, возросла доля выпускников школы, выбравших аграрные специальности для получения дальнейшего образования.

Есть предложение ИТ-специалиста из Ульяновской области по организации автоматизированного учета земельных ресурсов. Практика внедрена в Пермском крае и позволила на 20% снизить долю неиспользуемой пашни.

Специалист органов управления АПК из Смоленской области представил механизм выделения субсидий на возмещение части затрат (в размере до 70%) при покупке сельхозтоваропроизводителями специализированной техники и оборудования (для садоводства, возделывания льна-долгунца, в животноводстве). Эта региональная программа позволила за четыре года в полтора раза увеличить парк техники в регионе, а потому заслуживает широко распространения.

Специалисты Преображенковского сельсовета из Липецкой области презентуют практику реализации стратегии социально-экономического развития территории. Стратегия включала в себя развитие инфраструктуры сельского поселения, привлечение инвесторов, развитие сети культурно-досуговых, спортивных и социальных учреждений, развитие сельских кооперативов, жилищное строительство, развитие экологического туризма. Все эти меры не несут в себе ничего нового, но являются хорошо зарекомендовавшими себя инструментами сельского развития. На реализацию Стратегии ушло почти десять лет, но результат впечатляет: сократился отток населения из села, бюджет сельского поселения пополнился новыми доходами и стал профицитным. Ресурсы на реализацию Стратегии были привлечены за счет участия в программах регионального и федерального уровня, благотворительных программ крупного бизнеса, частных инвестиций, самообложения населения и грамотного управления. Распространение практик такого рода должно носить массовый характер.

На платформе имеется немало практик универсального характера, которые подходят как для сельских, так и для городских поселений. В первую очередь это — практики раздельного сбора твердых бытовых отходов, а также практики вовлечения населения в проекты развития, поддержки женского предпринимательства, некоммерческих организаций, волонтерского движения в различных регионах.

Платформа Смартки постоянно обновляется, растет число представленных практик. Хотелось бы видеть больше читателей и больше участников этого полезного интернет-ресурса, потому что он дает новые идеи, новые подходы к решению повсеместных и привычных проблем, расширяет видение и открывает новые возможности.

Smart assistant for rural development

Lubov A. Ovchintseva, PhD, Leading Researcher, Center for Agrarian studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

191

Л.А.Овчинцева
Умный помощ-
ник сельскому
развитию

Крестьяноведение

2020. Том 5. № 3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать **Формат 70×100/16.**
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 645.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

9 772500 180018

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ